

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

**БРАМБИЛА МАРТИНЕС
ФРАНСИСКО ХАВЬЕР**

**ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАТИВНЫХ СИСТЕМ КАК ОСНОВА
СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ФОРМ И МЕХАНИЗМОВ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНСФЕРА НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И МЕКСИКИ**

Специальность 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

**Михайлова Наталья Вячеславовна
доктор политических наук, доцент**

Москва 2024

Содержание

Введение	3
Глава 1: Обзор литературы по политическому трансферу и создание модели исследования	15
1.1 Концептуальная основа политического трансфера	15
1.2 Политический трансфер в рамках глобального управления	30
1.3 Политический трансфер и глобальное управление в конце XX века	38
1.4 Современные вызовы и предложение политического трансфера	47
Выводы по главе	56
Глава 2: Конституционный сравнительный анализ России и Мексики в рамках политического трансфера	58
2.1 Первоначальный контекст конституций России и Мексики	59
2.2 Эволюция поправок к Конституции России	62
2.3 Эволюция поправок к Конституции Мексики	66
2.4 Российские и мексиканские институциональные субъекты в контексте конституционных поправок	76
Выводы по главе	81
Глава 3: Административный сравнительный анализ России и Мексики в рамках политического трансфера	82
3.1 Национальные показатели деятельности	83
3.2 Политическая система и централизация	90
3.3 Дополнительное сопоставление политической системы России и Мексики	102
Выводы по главе	118
Заключение	121
Относительно эффективности и эволюции политики трансфера в России и Мексике	122
Потенциальный обмен политикой и практиками между Россией и Мексикой	124
Список литературы	127
Приложение	139

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью наиболее полного понимания процесса трансферной политики из альтернативных источников, что имеет в настоящее время большое значение для России и Мексики в социальном и политическом смыслах.

Современные геополитические тенденции усиливают конкуренцию между странами, бросая вызов их политическому и культурному устройству. Учитывая, что в настоящее время государства нуждаются в более высоком потенциале для того, чтобы справиться с текущими угрозами, им необходима эффективная разработка инструментов и методов управления, а также оценка перспектив политического трансфера.

В условиях высоких издержек, отсутствия гарантированных результатов и существования разнообразных агрессивных методов навязывания политических действий, реализованных западными странами в рамках трансферной политики более трех десятилетий назад, современные государства лишены реальных методов заимствования политических методик и проведения успешных сравнительных исследований между ними.

Возникновение наций в многополярном мире в результате достижения геостратегических целей в соответствии с их сравнительными преимуществами и ролью в мировом порядке вне идеологических рамок обесценивает западные методы политического трансфера. Однако отсутствие научной литературы по данному вопросу и политические коннотации такого подхода не дают возможности сломить доминирование западных эпистемических сообществ.

В случае если беспрепятственный обмен идеями и практиками между развивающимися странами станет возможен, это действительно будет способствовать улучшению разработки и внедрения новых политик, и в том числе повысит способность государств реагировать на текущие геополитические вызовы.

Степень научной разработанности. В настоящем исследовании рассматриваются особенности федеративных систем как определяющих элементов для верного анализа государства, его эволюции и развития.

Исходя из существующих теорий федерализма, рассматривающихся в данной работе, особенности российской и мексиканской федеративных систем не только возникают в разных контекстах, но и по-разному проявляются при внедрении политики.

Учитывая тот факт, что динамика власти важна для оценки контекстуальной эволюции особенностей обеих стран, и то, что для данного исследования не удалось найти литературу о роли динамики применительно к изучению особенностей федеративных систем, в работе проводится ее анализ на двух уровнях. На первом уровне рассматриваются особенности федеративных систем обеих наций в соответствии с их политической и конституционной эволюцией. На втором уровне внимание уделяется распределению власти между субъектами федерации в обеих странах на основе анализа соотношения бюджета и населения и также реализации региональных механизмов и политики. Кроме этого, определяется и сопоставляется уровень конкуренции между субъектами федерации.

Для оценки эффективности стратегической политики сравнивается соотношение бюджета и населения двух стран, их общие показатели производительности труда и индекс человеческого развития, а также ряд других аналогичных характеристик.

Данное исследование показывает, что существующие сравнительные модели препятствуют успешной оценке и реализации перспектив заимствования политических практик. Отсутствие научной литературы, выходящей за рамки определенного идеологического спектра, ограничивает способность современных стран определять и проводить успешную политику, направленную на увеличение их потенциала.

После этапа выявления особенностей федеративных систем и оценки сложных показателей было необходимо выделить общие закономерности и

функции различных стран, которые могли бы дополнить сравнительные исследования и определить успешные перспективы политического трансфера.

Политологические исследования несомненно требуют дальнейшего рассмотрения особенностей федеративных систем для более успешной имплементации заимствованных политических практик странами в современном контексте.

Базой для исследования при подготовке диссертации послужили несколько групп источников. В первой группе анализируется литература, касающаяся трансферной политики, ее состава и механизмов, а также целей и действующих лиц, представленная следующими авторами: Ачемоглу, Д.; Барро, Р.; Боссуат, Г.; Бострем, М.; Боттс, Дж.; Бэбб, С.; Вонг, Дж.; Вудс, Р.; Гастил Дж.; Гимбел, Дж.; Де Ферранти, Д.; Доловиц, Д.; Донкор, М.; Кентикеленис, А.; Кунц, Д.; Ла Хэй, Л.; Ли, Дж.; Марш, Д.; Милвард, А.; Михаил, Б.; Мулбрук, К. и др.

Во второй группе анализируются все конституционные поправки, внесенные с момента принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году и Конституции Мексики в 1917 году. В этих источниках анализируются Послания Президента России Федеральному собранию с 2008 года и другие ключевые моменты в истории страны с целью понимания цели, контекста и намерений, стоящих за конституционными изменениями. Аналогичным образом поправки к Конституции Мексики анализируются с точки зрения инициаторов, содержания, целей, периода и периодичности внесения, чтобы опровергнуть или поддержать ведущие теории следующих авторов: Бланкарт, Р. Дж.; Дюран Понте, В. М.; Смит Мартинс, М. М.; Чилкот, Р.; Эрнандес Родригес, Р.; Селорио Морайта, Дж.; Мабайр, Б.; Марван Лаборде, И.; Лоаэса, С.; Перес Санчес, С.; Мейер, Дж.; Анайя, А.; Гомес-Мира, Л.; Рамос, Г.; Вильегас Монтель, Ф. Г.; Уллоа, Б. и др.

В третьей группе рассматривается широкий спектр показателей развития от следующих международных организаций: Всемирный банк,

Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций, Международный валютный фонд и Организация стран-экспортеров нефти. Кроме того, изучены данные Программы развития ООН, Гарвардской лаборатории роста и др. организаций.

Объектами исследования являются федеративные системы России и Мексики в контексте конституционной и политической эволюции государства в соответствии с различными геополитическими вызовами.

Предметом исследования являются изменяющиеся версии конституций России и Мексики, общие экономические показатели и показатели производительности труда, выявление и анализ властных групп и динамики власти, основные направления политики и международные сравнительные соотношения бюджета и населения, раскрывающие особенности российской и мексиканской федеративных систем.

Цель исследования заключается в определении путей совершенствования трансферной политики в России и Мексике на современном этапе.

Задачи исследования:

- 1) Изучить подходы к формированию трансферной политики в рамках теорий развития в России и Мексике.
- 2) Определить особенности и эффективность трансферной политики как модели государственной политики развития в России и Мексике.
- 3) Проанализировать концептуальные основы трансферной политики на современном этапе развития России и Мексики.
- 4) Определить инструменты и механизмы политико-правового регулирования трансферной политики с учетом особенностей федеративных систем России и Мексики.
- 5) Рассмотреть практику трансферной политики в России и Мексике в современном контексте.
- 6) Сформулировать новые концептуальные подходы к трансферной политике, основанные на особенностях федеративных систем в контексте

международной глобальной конкуренции за власть и влияние.

Гипотеза исследования заключается в том, что особенности федеративного устройства оказывают решающее влияние на основные направления политики и законодательства, определяющие потенциал и развитие государств. В связи с этим федерализм рассматривается как теоретико-методологический инструмент изучения перспективных методов политического трансфера. Такая позиция означает, что для успешного политического обмена необходимо рассмотреть особенности федеративной системы в процессе настоящего сравнительного исследования.

В то время как федеральная система, как правило, сохраняет свою базовую структуру на протяжении всего времени, ее особенности влияют на основной политический курс и законы государства, которые могут изменяться в ходе его развития.

Следует подчеркнуть, что особенности федеративного устройства отражаются в конституционных принципах и политике распределения бюджета.

Теоретическая и методологическая основы исследования. Для того чтобы выявить и рассмотреть особенности федеративных систем, необходим междисциплинарный подход с использованием нескольких научных концепций и методов, начиная с индукции, анализа, синтеза, сравнения и аналогии.

В рамках системного метода анализируются особенности федеративных систем как совокупности элементов, обладающих особыми свойствами и функциями, определяющими потенциал государства, его изучение и также тенденции его развития. Методология структурного функционализма рассматривает особенности федеративных систем как ключевые элементы государства, взаимосвязанные по своим ролям и функциям в конкретных закономерностях и в соответствии с геостратегическими целями государств или же отсутствием таковых. Согласно постмодернистской методологии, особенности федеративных

систем вытесняют идеологию в определении развития государства и средств повышения его потенциала.

Данное исследование анализирует особенности федеративных систем как ключевых факторов успешной оценки состояния государства, его основных элементов, функций и потребностей. На основе такой детальной оценки сравнительный анализ может выявить ряд общих закономерностей, способствующих пересмотру и реализации перспективного политического трансфера в соответствии с национальными интересами и контекстом страны.

Нормативная правовая основа исследования представлена Конституцией Российской Федерации и Мексики, федеральными законами Российской Федерации и Мексики, актами Президента Российской Федерации и Мексики, Правительства Российской Федерации и Мексики, а также иными нормативными правовыми документами органов власти Российской Федерации и Мексики.

Эмпирическую основу исследования составляют данные ООН, Всемирного банка, Международного валютного фонда, Банка России, Банка Мексики и широкого круга правительственных организаций ряда стран относительно бюджетных и демографических показателей.

Научная новизна исследования:

1. Рассматривается эволюция трансферной политики России и Мексики в соответствии с их правовой базой, инструментами и целями в политическом контексте холодной войны и последующего периода. Выявлен ряд проблемных и противоречивых моментов политического и законодательного характера, например как и в какой степени трансферная политика влияет на развитие страны, а также критерии ее реализации.

2. Поскольку и в России, и в Мексике в 1990-е годы применялись схожие политические процессы, автор изучил трансферную политику этих стран и сформулировал свою собственную классификацию в соответствии с их воздействием и продолжением соответственно.

3. Для каждой страны определены и сопоставлены политические механизмы, необходимые для реализации политического трансфера. Затем в ходе исследования создана сравнительная модель из серии показателей из области федеративных исследований относительно политического, законодательного и демографического секторов в связи с их доступностью. Модель сравнивается с пятью различными странами в соответствии с общими чертами и показателями.

4. С целью определения эффективности трансферной политики изучается эволюция обеих стран. Основываясь на результатах, можно сказать, что прогресс России выше, чем Мексики, во всех секторах, несмотря на то, что 30 лет назад она начинала с аналогичных экономических и демографических показателей. Причиной является отличие в подходах к реализации и модификации трансферной политики. Делается вывод об отсутствии прямой корреляции между показателями, поскольку их эффективность объясняется способностью государства адаптировать законодательные инструменты к условиям контекста посредством высокой степени политической централизации.

5. Принимая во внимание постоянную трансформацию политических и правовых процессов, происходящих в государстве, отмечается, что эволюция обеих стран показывает: трансферная политика может предоставить развивающимся странам дорожные карты для первоначального роста. При этом государственные институты должны быть укреплены и изолированы от идеологических предубеждений, чтобы новая политика формулировалась из различных источников в соответствии с потребностями общества и конкурентными преимуществами страны.

Положения, выносимые на защиту:

1. В контексте современных государств трансферная политика является результатом политических рекомендаций или «передовой практики», пропагандируемых правительствами и международными организациями после окончания холодной войны. Их цель состоит в повышении потенциала

развивающихся стран путем имитации политики, а также функций и структур государственных институтов западных держав. Трансферная политика была внедрена в различных странах по всему миру (включая Россию и Мексику), однако в краткосрочной перспективе она не привела к ускорению развития стран. В результате политические рекомендации расширились и включили в себя более глубокие области, такие как правовые, бюджетные и идеологические аспекты, которые часто используются, чтобы подрывать суверенитет государств. Решение о внедрении новой трансферной политики в текущих условиях часто связано с определенными политическими движениями и целями в силу их идеологического происхождения, а для их реализации и оценки отсутствует всеобъемлющая методология.

2. Трансферная политика как модель государственной политики развития в России и Мексике продолжает оставаться актуальной, поскольку некоторые ее элементы и цели продолжают использоваться и сегодня в рамках правовых и политических процессов, несмотря на многочисленные изменения, произошедшие за последние три десятилетия. В то же время трансферная политика может способствовать развитию государства, если она правильно подобрана на основе сходства со страной происхождения и адаптирована к потребностям и приоритетам страны, использующей данную политику. Установлено, что определяющим условием эффективности трансферной политики является значительная концентрация власти в государственных структурах при стабильной передаче власти и отсутствии идеологических границ для создания эффективной политики и ее согласования с национальными стратегиями и приоритетами. Особое внимание следует уделять реализации политики на региональном уровне, основанной на взаимодействии с федеральным правительством посредством распределения бюджетных средств и конституционных полномочий.

3. Государственная политика в области развития, реализуемая в рамках трансферной политики в России и Мексике, отличается из-за различий в

политическом контексте данных стран. С одной стороны, Россия разработала новое видение развития, основанное на самодостаточности и активной политической роли на международной арене, в то время как Мексика подвержена влиянию различных политических сил и идеологий, которые постоянно меняют траекторию ее развития. Однако, учитывая предпосылки регионализации, правительства могут с большей вероятностью успеха внедрять трансферную политику, основываясь на проблемах и конкретных обстоятельствах других развивающихся стран. Показано, что обмен информацией об успешной государственной политике в области развития, а также ее процессах и инструментах может стать важным политическим и институциональным явлением для укрепления сотрудничества независимых государств на протяжении всего периода их развития.

4. Трансферная политика государственного развития в той или иной степени присутствует в политических и правовых инструментах государственного управления, часто в стратегических документах, а также в нормативных правовых актах федерального и регионального уровней. Однако процессы их отбора и адаптации осуществляются в условиях отсутствия конкретных правовых инструментов и зачастую в рамках действий отдельных ведомств, преследующих разные цели, а также с учетом личных мнений и предпочтений государственных чиновников. Что касается собственно реализации, государственным структурам часто не хватает специализированных инструментов для широкого применения на федеральном и региональном уровнях. Основываясь на примерах России и Мексики, можно перенять некоторые особенности федеративных систем для успешного формирования и реализации трансферной политики. Например, расширенные полномочия президента могут облегчить выбор и адаптацию такой политики к национальным интересам. Интеграция элементов трансферной политики в области развития также может быть включена в национальные стратегии и бюджетные аспекты как на федеральном, так и на региональном уровнях.

5. Стандартизированный подход к выбору и реализации трансферной политики, основанный на таких особенностях федеральных систем, как политические, правовые, нормативные, бюджетные, а также другие административные элементы, процессы и инструменты, может соответствующим образом решать задачи государственного развития. Единый подход к трансферной политике способствует отслеживанию их развития и быстрому выявлению тенденций, корректировке стратегии и тактики, планированию действий органов государственной власти, а также поиску новых подходов. Было установлено, что нынешняя практика выбора и реализации трансферной политики ориентирована на эпоху после окончания холодной войны, когда политика, инструменты и опыт западных стран вообще не принимались во внимание при разработке собственных политик. Однако в нынешних условиях регионализации, характеризующихся наличием сильных независимых государств с новым подходом к государственной политике развития, такой запрос становится все более актуальным.

6. Было установлено, что успешная трансферная политика между Россией и Мексикой может способствовать развитию государственных услуг, политики в области безопасности, науки, технологий и образования, а также социальным сферам, включая культуру. Также отмечаются возможности реализации стратегической политики в рамках асимметричного и симметричного федерализма и ее влияние на распределение полномочий и бюджетные меры. Однако в силу целостного характера определено, что существует необходимость создания специальной комиссии при президенте каждой страны, исходя из их текущих полномочий. Основным предназначением таких комиссий станет анализ, а также мониторинг трансферной политики и выработка рекомендаций по необходимым корректировкам. Комиссии могут активно сотрудничать с иностранными правительствами и стать ключевым ресурсом в расширении политической

повестки дня с акцентом на общее развитие независимых государств и иностранного вмешательства в качестве децентрализованного влияния.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что основные положения и выводы, полученные в ходе исследования, демонстрируют новые подходы к научному пониманию реализуемой странами трансферной политики, которые могут быть применены в области политологии, государственной политики и управления. Предложенные в исследовании новые подходы позволяют расширить понимание концептуальных основ трансферной политики современного государства и спрогнозировать ее перспективы, а также выявить тенденции развития и пути совершенствования с учетом федеративной системы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные исследовательские материалы, а также введенные в научный оборот эмпирические данные могут представлять значительный интерес для органов государственной власти, компетентных в выборе адаптирующей трансферной политики на всех уровнях в части нормотворческой и административно-управленческой деятельности органов власти субъектов Российской Федерации, а также для общественных организаций. Материалы исследования могут быть использованы при чтении учебных курсов по специальностям «Политология», «Политический менеджмент», «Государственное и муниципальное управление».

Апробация работы осуществлялась путем публикаций в научных журналах. Статьи в изданиях, рекомендованных ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации:

1. Брамбила Мартинес Ф. Изменение конституции как механизм государства для достижения различных целей в контексте внутренних и внешних вызовов // Право и политика. 2023. № 10. С. 50 - 67. (1,4 п. л), DOI: 10.7256/2454-0706.2023.10.44172

2. Брамбила Мартинес Ф. Сравнительный анализ федеративных систем как цель предотвращения угроз национальной безопасности при проведении политики заимствования государственных реформ. 2023. № 1. С. 82 - 87. (0,3 п. л.), DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39642

3. Брамбила Мартинес Ф. Предотвращение конфликтов в рамках современных правительственных процедур и международного сотрудничества // Конфликтология. 2023. № 1. С. 88 - 93. (0,3 п. л.), DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39606

4. Брамбила Мартинес Ф. Китайско-российские отношения как фактор сдерживания конфликта G2: перспективы и политические рекомендации // Конфликтология. 2021. № 1. С. 23 - 34. (0,7 п. л.), DOI: 10.7256/2454-0617.2021.1.34098

5. Брамбила Мартинес Ф. Роль международных организаций, транснационального управления, метрик и показателей качества государственной деятельности в рамках глобального управления // Международное право и международные организации. 2020. № 3. С. 69 - 74. (0,3 п. л.), DOI: 10.7256/2454-0633.2020.3.34095

6. Брамбила Мартинес Ф. Перспективная роль международных институтов и производства знаний в эпоху глобализации // Международное право и международные организации. 2020. № 3. С. 75 - 81. (0,4 п. л.), DOI: 10.7256/2454-0633.2020.3.34096

Глава 1: Обзор литературы по политическому трансферу и создание модели исследования

1.1 Концептуальная основа политического трансфера Идеология и международное развитие

Чтобы понять, как и в какой степени идеология, внедренная в проекты международного развития, влияет на их результаты, данный раздел начинается с рассмотрения основных определений и различий между международным развитием и проектами международного развития.

Международное развитие относится к отдельной области практики и исследований, которая направлена на устранение широкого экономического неравенства современных стран с помощью механизмов содействия повышению темпов их развития до среднемировых значений. В то время как международное развитие направлено на поддержку развивающихся стран в создании необходимого потенциала для обеспечения устойчивых решений в области долгосрочного развития, проекты международного развития состоят из отдельных преобразующих мер или их наборов, направленных на решение конкретных проблем в соответствии с особенностями конкретной страны.

Несмотря на то что проекты международного развития всеобъемлющи и вездесущи, если судить по их названиям, истоки обеих концепций восходят к институтам и политике, созданным после Второй мировой войны. По словам Гимбела, вторая половина XX века, обычно называемая «эпохой

развития», создала необходимые условия для международного развития и реализации проектов международного развития¹.

Донкор утверждает, что такие ключевые события, как послевоенное восстановление Европы, переход от колонизации к глобализации наряду с установлением свободной торговли между развитыми и слаборазвитыми (наименее развитыми) странами, начало холодной войны и последующие усилия по предотвращению тяготения третьего мира к коммунизму способствовали созданию широкого спектра институтов и политик. Например, к таким институтам и актам относятся Международный банк реконструкции и развития (1944), Международный валютный фонд (1945), Организация Объединенных Наций (1945) и Закон об экономическом сотрудничестве (1948), Закон о взаимной безопасности (1951) и Закон об иностранной помощи (1961)².

Проекты международного развития способствовали консолидации и позиционированию Соединенных Штатов Америки как крупной державы на фоне серьезного изменения глобального распределения власти, которое началось с упразднения европейских колоний и завершилось опустошением континента после двух мировых войн. Тумлир и Ла Хэй утверждают, что намерение и содействие международному развитию подчеркивали необходимость восстановления управления новыми независимыми государствами в соответствии с их ролью и условиями в новом мировом порядке, возглавляемом США³.

Однако с развитием Советского Союза и разделом послевоенной Европы возник новый подход к международному развитию. В 1947 году План Молотова (первоначально называвшийся Планом Брата) был альтернативой Плана Маршалла. Он был предложен Советским Союзом для оказания помощи и восстановления стран Восточной Европы, с которыми он

¹ Gimbel, J. The Origins of the Marshall Plan // *Reviews in American History*. – 1977 – No. 2. С. 292

² Donkor, M. Marching to the Tune: Colonization, Globalization, Immigration, and the Ghanaian Diaspora // *Africa Today*. – 2005 – No. 1. С. 27

³ Tumlr, J. and La Haye, L. The Two Attempts at European Economic Reconstruction After 1945 // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. – 1981 – No. 3. С. 367

поддерживал тесные политические и экономические отношения. Аналогично политике США, план представлял собой систему двусторонних торговых соглашений для создания экономического союза наций, связанных экономическими и идеологическими границами, установленными доминирующей державой.

Принимая во внимание, что как американская, так и советская модели развития были направлены на сдерживание влияния друг друга, а также на создание необходимых политических и экономических условий для их консолидации, можно объяснить политические и идеологические итоги холодной войны преобладанием ориентированной на США версии международного развития и международных проектов развития, которое продолжается и на сегодняшний день. Несмотря на это, при более внимательном рассмотрении обеих моделей становятся очевидными различные условия и свойства, которые могли бы сыграть важную роль в определении их успеха за пределами идеологических рамок.

Например, по словам Ли, направленность реализации политики США и СССР существенно различалась: с одной стороны, Соединенные Штаты Америки стремились создать необходимые условия для становления международной торговой экосистемы путем содействия развитию промышленности разных стран в соответствии с их сравнительными преимуществами⁴. С другой стороны, Херлин утверждает, что советские программы помощи осуществлялись в тандеме с карательными мерами, такими как репарационные выплаты от бывших держав Оси, которые снизили их конкурентоспособность и общие торговые показатели блока⁵.

Американская модель предусматривала эволюцию множества нормативных актов, поддерживаемых широким спектром институтов с меняющимися целями, задачами и инструментами в соответствии с

⁴ Lee, J. Foreign Aid, Development, and US Strategic Interests in the Cold War // *International Studies Quarterly*. – 2022 – No. 1. С. 50

⁵ Heurlin, C. Authoritarian Aid and Regime Durability: Soviet Aid to the Developing World and Donor–Recipient Institutional Complementarity and Capacity // *International Studies Quarterly*. – 2020 – No. 4. С. 968

динамичным характером холодной войны в глобальном масштабе. Напротив, распространение Плана Молотова на Совет экономической взаимопомощи привело к постоянной централизации средств, практически не изменившейся до роспуска совета в 1991 году.

Наконец, продвижение обеих моделей значительно отличалось. Преимущества американского подхода были в значительной степени обнародованы в президентских речах в попытке связать успех внешней политики США с внутренними политическими движениями, фигурами и группами, в то время как легитимность советской внешней политики была поглощена ее институциональной однородностью.

На первый взгляд, преобладание концепций международного развития США и международных проектов развития можно объяснить расширением их первоначальной цели по сдерживанию влияния Советского Союза в направлении создания глобальной торговой системы для поддержания роста страны в средне- и долгосрочной перспективе. Кроме того, сыграло большую роль создание адаптивных правовых и институциональных ресурсов для реагирования на возникающие условия и угрозы холодной войны наряду с обширными усилиями по пропаганде результатов (или их восприятия) с акцентом на идеологическую легитимность.

В то время как этих условий достаточно, чтобы объяснить преобладание концепций международного развития США и проектов международного развития над советскими моделями развития, требуется тщательный обзор эволюции проектов развития США с целью определения, как и в какой степени идеология, заложенная в проекты международного развития, влияет на их результаты.

Реализация проектов международного развития в эпоху, предшествовавшую Вашингтонскому консенсусу.

1. Период действия Европейская программа восстановления (ERP) «Плана Маршалла» (1948)⁶.

Реализация Плана Маршалла на британских и французских заморских территориях сыграла ключевую роль в предотвращении формирования коммунистических правительств в Африке и Азии, которые могли бы контролировать производство и поставки сырья в Соединенные Штаты Америки и Европу.

Первоначальная цель плана в укреплении местных органов власти и обеспечении экономической стабильности для сдерживания формирования коммунистических движений соответствовала потребностям и вызовам новых условий, однако форма и реализация помощи требовали нового подхода в соответствии с обновленным контекстом, чтобы быть эффективными.

На зарубежных территориях проживало большое количество населения, живущего в условиях крайней нищеты, чья основная экономическая деятельность заключалась в примитивном сельском хозяйстве. Однако стоимость экономической помощи была значительно ниже, чем в Европе, поскольку помощь предоставлялась в виде серии мер реагирования на конкретные ситуации, которые в конечном итоге были сосредоточены на передаче навыков.

План Маршалла действовал через специальные технические и экономические миссии, которые руководили деятельностью американской помощи и координировали ее с местными органами власти, успех которых был основан на приспособлении к незнакомым условиям, что привело к появлению широкого спектра отдельных и обособленных программ.

2. Период действия программы «Четвертый пункт» (the Point Four Program) (1952)⁷.

⁶ Public Law 80-472 (1948) Economic Cooperation Act of 1948. Режим доступа: <https://catalog.archives.gov/id/299857> (дата обращения: 20.12.2024)

⁷ Committee on Foreign Affairs (1952) Point Four Background and Program (International Technical Cooperation Act of 1949). Режим доступа: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pcaac280.pdf (дата обращения: 20.12.2024)

Наряду с целями Плана Маршалла программа «Четвертый пункт» позиционировала международное развитие как центр внешней политики США с глобальной направленностью.

Программа предусматривала координацию новых и существующих институциональных механизмов для определения вида помощи, необходимой для достижения ряда стратегических целей. Например, после интенсивных экономических и дипломатических обсуждений было принято решение что помощь будет предоставляться Индии до тех пор, пока она сможет гарантировать целостность своей демократической системы в попытке отбить у части своего населения желание заключать союзы с СССР и Китаем.

Однако обширный географический охват программы означал возрождение существующих программ, в которых подчеркивалось участие частного сектора для уменьшения институционального и финансового бремени на правительство США. Созданные в 1942 году в форме корпоративного агентства при госсекретаре, совместные программы Института межамериканских отношений, сосредоточенные на общественном здравоохранении, санитарии, сельском хозяйстве и образовании.

В рамках этой системы Соединенные Штаты Америки и другие страны планировали организацию и финансирование агентств с совместным персоналом для определения потребностей принимающих стран и привлечения услуг частных инженерных и консалтинговых фирм США, а также открытия возможностей для дальнейших инвестиций.

3. Период полномочий Агентства США по международному развитию (USAID, 1961)⁸.

Со времен Плана Маршалла целью помощи другим странам была минимизация создания коммунистических движений по всему миру в децентрализованной форме, с участием различных механизмов и институтов,

⁸ Public Law 87–195 (1961) The Foreign Assistance Act of 1961. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1071/pdf/COMPS-1071.pdf> (дата обращения: 20.12.2024)

однако по мере течения холодной войны инициатива «Десятилетие развития» привела к открытому соотношению помощи со свободой, национальным суверенитетом и миром в соответствии с многочисленными институциональными рамками.

С одной стороны, данная инициатива была одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, которая определила концепции развития и меры поддержки в качестве глобальных приоритетов. С другой стороны, инициатива привела к объединению всей внешней помощи США в рамках постоянного агентства, работающего с административной автономией от лица Государственного департамента через постоянные миссии на местах в рамках глобальной программы технической и финансовой помощи в целях развития, предназначенной для стран с низким уровнем дохода.

Содержание и цели программ международного развития трансформировались в зависимости от меняющихся политических событий и условий холодной войны.

На ранних этапах холодной войны контекст, охватываемый Планом Маршалла в континентальной Европе, значительно отличался от контекста заморских территорий. По этой причине для первого сценария был предусмотрен единый блок мер, в то время как для второго – набор стратегий вдоль механизмов реализации технического и неидеологического характера в постоянной адаптации.

Затем глобальный охват программы «Четвертого Пункта» совпал с переформулированием внешней политики США вокруг целей международного развития. С этой целью поощрялось участие государственного и частного секторов для получения ощутимых экономических выгод для действующих лиц США, а также для снижения нагрузки на внешнеполитические институты США в условиях централизации и глобализации политики.

Наконец, инициатива «Десятилетие развития» продемонстрировала идеологическое обоснование помощи в связи с ее способностью создавать

условия для свободы, суверенитета и международного мира, что привело к новой таксономии терминов, политических целей и инструментов глобального масштаба.

Дальнейшее внедрение идеологии в проекты международного развития на поздних стадиях холодной войны ограничивает нашу оценку их роли, определяющей последующие результаты. С этой целью требуется дальнейший анализ происходившего после распада Советского Союза.

Реализация проектов международного развития в эпоху Вашингтонского консенсуса.

Первоначальная цель проектов международного развития, заключавшаяся в предотвращении формирования коммунистических правительств, устарела после окончания холодной войны, однако их поздняя реструктуризация вокруг идеологического фундамента открыла другие возможности в изменившемся мире.

Гегемонистское распределение глобальной власти обеспечило Соединенным Штатам Америки беспрецедентную легитимность и способность беспрепятственно осуществлять международные программы развития по всему миру. Будучи единственным победителем в холодной войне, все успехи методов внутреннего и внешнего управления они приписали своим идеологическим принципам, таким как альтруистический характер помощи для достижения процветающего мира.

Когда холодная война подошла к концу, многие страны с широким спектром социально-политических и экономических условий обратились за различными формами помощи, однако Соединенным Штатам Америки не хватало политических стимулов и ресурсов для продолжения своих программ экономической помощи с той же интенсивностью и в той же форме, с которыми они осуществлялись в течение предыдущих десятилетий. Кроме этого, международным программам развития не хватало гибкости, поскольку политика должна была коррелировать с определенными идеологическими

особенностями, соответствующими новому статусу страны, или же оправдываться ими.

По этой причине помощь была оказана в форме консультационных услуг в области государственного управления, экономики, финансов и передовых практик при поддержке учреждений США.

Согласно Бэббу и Кентикеленису, основным примером программ международного развития, адаптированных к условиям эпохи после окончания холодной войны, является Вашингтонский консенсус, представляющий собой набор предписаний экономической политики, предоставленных Международным валютным фондом, Всемирным банком и Министерством финансов США, которые составили базовый пакет реформ для развивающихся стран. Эти предписания включали политику поощрения свободного рынка, которая варьировалась от макроэкономической стабилизации до расширения рыночных сил внутри национальной экономики⁹.

Однако ряд экономистов и политиков, выступавших за политику второго поколения с акцентом на реформы, повышающие производительность, и прямые программы поддержки бедного населения, которые дополняли бы макроэкономические и торговые реформы, такие как де Ферранти и Оды, сочли программу неполной¹⁰. По словам Спенса, новый пакет мер политики будет включать институциональные реформы, начиная от упрощенных административных процедур для улучшения инвестиционного климата и заканчивая реформированием систем правосудия и образования¹¹.

В то время как реальную эффективность программы можно было оценить только спустя десятилетия, быстрое развитие азиатских стран за счет

⁹ Babb, S. and Kentikelenis, A. Markets Everywhere: The Washington Consensus and the Sociology of Global Institutional Change. // Annual Review of Sociology. – 2021 – No. 1. C. 35

¹⁰ De Ferranti, D. and Ody, A. Key Economic and Social Challenges for Latin America: Perspectives from Recent Studies // Brookings. – 2006.

¹¹ Spence, M. Some Thoughts on the Washington Consensus and Subsequent Global Development Experience // Journal of Economic Perspectives. – 2021 – No. 3. C. 67

мер, выходящих за рамки проектов международного развития США, привлекло внимание к неэффективности Вашингтонского консенсуса.

Фирзли упоминает, что часть азиатских стран отвергла неоклассическую финансовую модель, которая характеризовала Вашингтонский консенсус, в пользу прагматичных мер на фоне быстрых положительных результатов нескольких стран, таких как Южная Корея, Индонезия и Сингапур, и отказались от плана в пользу устойчивых государственных инвестиций в стратегические инфраструктурные проекты¹².

По словам Родрика, отсутствие идеологических границ дало возможность ряду азиатских стран разрабатывать и проводить гибкую политику. Так, Китай и Индия усилили свою зависимость от свободного рынка, в то время как их общая экономическая политика была подвержена высокому уровню протекционизма, что привело к беспрецедентным уровням роста, которые сделали недействительной политику Вашингтонского консенсуса в целом¹³.

Стиглиц упоминает, что неудачи Вашингтонского консенсуса были приписаны чрезмерной вере в рыночный фундаментализм, а также неспособности подхода воздействовать на экономические структуры в развивающихся странах. Однако его недостатки также объясняются и акцентом на ограничение государственного вмешательства. Такой подход оправдан активной ролью правительства в промышленной политике, которая придала восточноазиатским экономикам достаточный динамизм на ранних стадиях их развития для их последующей либерализации в той или иной степени¹⁴.

Несмотря на недостатки Вашингтонского консенсуса, мощь и легитимность Соединенных Штатов Америки оставались неизменными в течение нескольких десятилетий, что привело к новым итерациям программы

¹² Firzli, J. Country Risk: Asia Trading Places with the West // Euromoney Country Risk. 2012.

¹³ Rodrick, D. Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? A Review of the World Bank's Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform // Journal of Economic Literature. – 2006. – No. 4. С. 973

¹⁴ Stiglitz, J. The Post Washington Consensus Consensus // The Initiative for Policy Dialogue. 2013.

наряду с другими программами международного развития. Принимая во внимание, что это явление можно отнести к перспективам прямой экономической поддержки в рамках преференциальных торговых соглашений, имеет смысл говорить о сильной связи между позицией США после окончания холодной войны и идеологией, проецируемой на программу в различных формах.

Во-первых, по словам Уильямсона, название «Вашингтонский консенсус» несет в себе прямые политические и идеологические коннотации, которые непосредственно способствуют его легитимности и атрибуции¹⁵. Во-вторых, термин «Вашингтонский консенсус» использовался взаимозаменяемо с неолиберализмом наряду с другими концепциями, выходящими за рамки их первоначального предписания, такими как монетаризм, экономика предложения или минимальное государство.

Оценить, как и в какой степени идеология, заложенная в международные проекты развития, влияет на их результаты на основе Вашингтонского консенсуса, достаточно сложно. По словам Мелбрука, с одной стороны можно утверждать, что идеологическая основа проектов международного развития недействительна в условиях контекста после окончания холодной войны на фоне ограниченных результатов Вашингтонского консенсуса. С другой стороны, по его мнению, можно утверждать, что Вашингтонский консенсус не в состоянии в полной мере отразить свою идеологическую основу из-за бюрократических и других форм контекстуальных ограничений¹⁶.

Консенсус о демократии и росте

Ассоциация демократии и экономического роста на протяжении последних двух десятилетий разделяла специалистов, которые так и не пришли к единому мнению.

¹⁵ Williamson, J. The Washington Consensus and Beyond // Economic and Political Weekly. – 2003. – No. 15. С. 1475

¹⁶ Meulbroek, C. Limits to the Washington Consensus: Boundary struggles and China's transition economy // Political Geography. – 2022. – No. 1 С. 23

Во-первых, по словам Ачемоглу, существует несколько проблем при оценке влияния демократии на экономический рост, поскольку существующие индексы демократии, как правило, подвержены значительной погрешности измерения, что приводит к ложным изменениям в оценке демократии в стране, даже если ее демократические институты на самом деле неизменны¹⁷.

Во-вторых, в рамках фактического определения демократии, относительно того, должна ли она учитывать роль прямой демократии или управляться через технократические рамки, авторы, подобные Фунгу, предполагают следующее: прямая демократия нежелательна, потому что достоинства политического участия не имеют особого места в современных ценностях и концепциях, и даже если (прямая демократия) является целесообразной, она фактически не осуществима¹⁸.

Кроме того, базовый концепт демократии содержит в себе показатель политических прав, что означает право на значимое участие в политическом процессе. Гастил заявил, что это предполагает право всех взрослых голосовать и бороться за государственные должности, а также право избранных представителей иметь решающее право голоса по вопросам государственной политики¹⁹.

Позиция относительно того, что демократия снижает темпы экономического роста, широко распространена среди экспертов. Барро отмечает, что расширение политических прав не влияет на экономический рост, и первый урок здесь заключается в том, что демократия – это не ключ к экономическому росту, а скорее поддержание верховенства закона, свободных рынков, невысокого государственного потребления и высокого

¹⁷ Acemoglu, D. Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // *Economic Perspectives*. – 2013 – No. 2 – С. 173

¹⁸ Fung, A. Reinventing Democracy in Latin America // *Perspectives on Politics*. – 2011 – No. 4 – С. 857

¹⁹ Gastil J. *Political Communication and Deliberation*. Sage Publishing. Newbury Park, 2008.

качества человеческий капитал, которые при этом не обязательно присущи демократической стране²⁰.

Статичный подход может звучать убедительно, например в случае подъема экономики Китая, хотя, по словам Фридмана, Китай стал «однопартийной недемократией», что само по себе, безусловно, имеет свои недостатки. Но когда государством руководит достаточно просвещенная группа людей, как на сегодняшний момент в Китае, это также может иметь большие преимущества.

Фридман считает, что одна партия едва ли может просто навязать политически сложную, но критически важную политику, необходимую для продвижения общества вперед в 21 веке. Поэтому является почти невозможным заставить недемократические правительства отказаться от обязательства придерживаться своей политики и ценностей, учитывая отсутствие сдерживающих механизмов, сталкивающихся с внешними факторами, выходящими за рамки их возможностей²¹.

Однако другие эксперты считают, что демократия на самом деле способствует росту. В исследовательской статье Ачемоглу, озаглавленной «Демократия действительно вызывает рост», сравниваются несколько стран в период с 1960 по 2010 годы. В статье эффективно демонстрируется значительное влияние демократии на экономический рост, который достигает примерно на 20% более высокого ВВП на душу населения в течение следующих 30 лет²².

Демократия, осуществление политики и потенциал государства

Хотя все вышеупомянутые течения по дилемме демократии и роста радикально противоречат друг другу, все они в то же время согласны с тем, что роль демократии (или же ее отсутствие), заложенная в определенных политических системах, может проявляться в непредсказуемых формах.

²⁰ Barro, R. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study // Journal of Comparative Studies. – 1998 – No. 26 – С. 822

²¹ Friedman, M. Capitalism and Freedom. University of Chicago Press. Chicago, 2002.

²² Acemoglu, D. Institutions, Human Capital and Development // Annual Review of Economics. – 2014 – No. 6 – С. 875

Существует множество внешних факторов, которые могут подорвать или улучшить эту взаимосвязь. Они не ограничиваются только региональными факторами, такими как социально-политический, экономический или даже геополитический контекст. Эндогенные условия, такие как климат или география, также играют важную роль. Отсутствие общего подхода к решению дилеммы зависимости экономического роста от демократии объясняется пересмотром различных стратегий на разных этапах их реализации.

Некоторые эксперты даже поддерживают благоприятные выводы в отношении моделей, которые на самом деле противоречат друг другу. Так, Ачемоглу по поводу демократии и роста утверждает, что демократия – это детерминант экономического роста, при этом гражданские свободы являются основными его компонентами. Он также находит положительные эффекты демократии в экономических форумах, частных инвестициях, размере и возможностях правительства и сокращении социальных конфликтов²³. Тем не менее, эти определения противоречат собственному фактическому пониманию того, из чего состоит демократия и как связаны политические и социальные права. Благоприятное воздействие на экономический рост оказывает поддержание верховенства закона, свободные рынки, небольшое государственное потребление и высокого качества человеческий капитал.

По словам Слейтера и Вонга, из этих дебатов мы также можем наблюдать различные позиции по стадиям развития, которые, по-видимому, совпадают с тем фактом, что неразвитые страны, которые претерпевают частичные институциональные изменения в направлении демократии, должны быть подорваны силами коррупции внутри или даже извне самих правительственных структур; аналогично (граждане) не имели бы возможности принимать решения; (им может) не хватать культурных и институциональных предпосылок для демократии при наличии

²³ Acemoglu, D. Theory, General Equilibrium and Political Economy in Development Economics // Economic Perspectives. – 2010 – No. 24 – С. 17

возможностей. В нескольких практических случаях было также отмечено, что население может использовать популистские альтернативы²⁴.

Появляются намеки на общий консенсус в отношении циклического характера реализации политики, поскольку часто отмечается, что недемократическое правительство может согласиться на прагматичную политику однократно в условиях непрерывного роста, о чем упоминали Ачемоглу и Барро следующим образом: улучшение уровня жизни, измеряемое ВВП, ожидаемая продолжительность жизни и образование существенно повышают вероятность того, что политические свободы будут расти. Эти результаты позволяют прогнозировать, какие страны станут более или менее демократическими в будущем.

Тем не менее, нет никаких аргументов относительно того, каковы стимулы для недемократических правительств принять демократию, учитывая тот факт, что они могут казаться успешными. Более того, отсутствует даже консенсус относительно роли демократии в экономическом росте в уже развитых странах, поскольку Барро предполагает, что существует нелинейная взаимосвязь, в которой демократия растет при низких уровнях политической свободы, но снижает экономический рост, когда уже достигнут умеренный уровень свободы, хотя данное мнение часто оспаривается многочисленными экспертами.

Согласно Барро, частично демократические современные государства, отошедшие от беспорядочных реформ, в том числе автократические режимы, часто сдерживаемые случайными региональными конфликтами и даже неблагоприятными географическими условиями, постепенно перешли к демократии по следующим причинам. Во-первых, данные государства связаны с ранним глобализированным миром через торговлю с рядом заинтересованных сторон, включая частные организации. Во-вторых, эти государства имеют как неформальные, так и формальные отношения,

²⁴ Slater, D.; Wong, J. From Development to Democracy: The Transformations of Modern Asia. Princeton University Press. Princeton, 2022.

которые подготовили их самих, общество и промышленность к «рыночно-ориентированному управлению», главной опорой которого была защита прав собственности²⁵.

Выводы

1. В качестве политического и идеологического результата холодной войны демократия, капитализм и западные модели управления используются взаимозаменяемо.

2. Отсутствует академический консенсус относительно влияния демократии на экономический рост, поскольку нет определения того, что представляет собой демократия и как ее следует измерять, начиная от меняющихся представлений и отношения населения в целом к демократии и заканчивая ролью институционализированных демократических принципов в разработке и осуществлении политики.

3. В измерении роста отсутствует комплексный подход, учитывающий последствия предыдущей политики, в том числе проводимой недемократическими правительствами, а также роль внезапных глобальных событий и их способность изменять потенциал государства, экономические показатели и мнение населения.

1.2 Политический трансфер в рамках глобального управления

Мировая потребность в политическом трансфере и производстве знаний

Согласно Доловицу и Маршу, политики, по-видимому, все больше полагаются на политический трансфер, поэтому им требуются большие объемы информации в виде литературы по политологии и международным исследованиям²⁶. Политический трансфер не рассматривается исключительно как новое явление, и мы можем отметить важность информации в рамках

²⁵ Barro, R. Sources of Economic Growth // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. - 1994 – No. 40 – С. 46

²⁶ Dolowitz, D.; Marsh, D. Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making // Governance. – 2000 – No. 13 – С. 5

трех ключевых концепций. Во-первых, Парсонс предлагает текущий глобальный сценарий как концептуальное пространство, в котором новые модели производства и торговли привели к тому, что транснациональные корпорации и институты приобрели большее влияние и власть. При этом значительно сократилась роль национальных законодателей в комплексном определении своего собственного плана действий²⁷.

Во-вторых, технологические достижения облегчили и ускорили общение политиков друг с другом; Хаджииский, Пэл и Уокер отмечают возникающее как результат возросшее чувство взаимозависимости и проницаемости режимов внутренней политики, что дает понять, что политические меры реагирования все чаще должны носить глобальный характер, и быть локализованы посредством передачи, внедрения и отчетности.

В-третьих, нужно учитывать среду, в которой происходит данный диалог. Как и после биполярного распределения мировой власти между коммунизмом и капитализмом, современная политика заимствования политического курса предполагает отсутствие открытого принуждения в соответствии с концепциями национального суверенитета, а затем и отсутствие принудительного навязывания²⁸.

Принимая во внимание, что, подвергая страны аналогичному давлению и расширяя объем доступной информации, политики все чаще обращаются к другим политическим системам за знаниями и идеями об институтах, программах и политике, а также о том, как они работают в других юрисдикциях.

В дополнение к требованию информации стоит упомянуть характер и цели самих этих исследований. Пек делает акцент на процессах, посредством которых активно используются знания о политике, административных

²⁷ Parsons, D. *Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis*. Edward Elgar Publishing. Cheltenham, 1996

²⁸ Hadjiisky, M.; Pal, L.; Walker, C. *Public Policy Transfer: Micro-Dynamics and Macro-Effects* Edward Elgar Publishing. Cheltenham, 2017

механизмах, институтах и идеях в одной политической системе в процессах разработки политики, административных механизмов, институтов и идей из других политических систем²⁹.

Практическим примером может быть приведенная Пеком иллюстрация «моделей глобальной политики», где он ссылается на современный сценарий, в котором Организация Объединенных Наций и другие многосторонние учреждения достигли «глобального консенсуса» по философии и политике сокращения масштабов нищеты. Он приходит к выводу, что модели могут представлять собой нечто большее, чем носители передовых практик или лица, распространяющие многосторонние политические соглашения. Они воплощают форму интеграции «быстрой смены политического курса», где сами политические проблемы эффективно переопределяются (или «переформатируются») с помощью заранее разработанных стратегий с результатами, которые, тем не менее, остаются географически неравномерными и глубоко противоречивыми³⁰.

Существующие механизмы политического трансфера и производства знаний

Поскольку спрос на информацию в эпоху глобализации возрастает, представляется целесообразным разобратся в источниках знаний, чтобы оценить качественные последствия в сценария глобальной политики.

Как отмечает Вудс, когда были созданы Всемирный банк и Международный валютный фонд, не было прецедентов в экономической теории относительно того, кому они должны предоставлять кредиты или на каких условиях³¹. Более того, не существовало механизмов для получения практических результатов в достижении поставленных перед данными институтами целей. С одной стороны, МВФ должен был защитить ресурсы

²⁹ Peck, J. Fast Policy Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism. University of Minnesota Press. Minneapolis, 2015.

³⁰ Peck, J. Geographies of policy: From transfer-diffusion to mobility-mutation // Progress in Human Geography. – 2011 – No. 35 – С. 5

³¹ Woods, R. The Dynamics of Incrementalism: Subsystems, Politics, and Public Lands // Policy Studies. – 2006 – No. 34 – С. 1

учреждения от заемщиков; с другой стороны, Всемирный банк должен был соответствующим образом определить тип предложений по стимулированию развития за счет займов.

Вудс называет суть их операционного успеха эволюционной комбинацией экономических теорий и политики, которые подверглись двойному анализу в ходе диалога, как было отмечено, особенно когда «бюрократические и политические стимулы были согласованы».

В исследовании повествуется о том, как МВФ превратился в организацию, к которой иностранные государства стали обращаться за помощью, чтобы диагностировать проблемы на основе имеющейся информации и определять или рекомендовать решение в рамках юрисдикции учреждения, включая процесс внутреннего баланса между его возможностями и ограничениями, установленными множеством заинтересованных сторон.

Тем не менее, трудности с осуществлением систематических преобразований в бывших социалистических странах Восточной Европы или работа с распадающимися режимами африканских стран сформировали новые уровни сотрудничества с Всемирным банком, который получил право ставить определенные политические условия.

Далее отмечается, как аналогичные изменения повлияли на миссию Всемирного банка по стимулированию развития. Уильямсон заявил, что сначала она определялась как содействие экономическому росту и необходимость индустриализации, преобразуя то, как ресурсы развивающихся стран переходят из традиционного сектора в передовой сектор, рост которого обусловлен инвестированием прибыли, полученной в этом секторе³². Это позволило правительствам сохранять полную автономию и ответственность за развитие своей экономики, и ограничение инициатив Всемирного банка по инвестированию в инфраструктуру. Тем не менее,

³² Williamson, J. The Strange History of the Washington Consensus // Post Keynesian Economics. – 2004 – No. 27 – С. 195

Всемирный банк стал принимать участие в делах других регионов и впоследствии инвестировать в смежные отрасли, такие как сельское хозяйство и образование, а в конечном итоге и в общую структуру политики и ее институтов в приграничных странах.

В статье, озаглавленной «Прощай, Вашингтонский консенсус, Здравствуй, Вашингтонская неразбериха?» Родрик говорит о некой трансформации в разработке глобальной политики, называя ее длительным процессом постоянных экспериментов и корректировок³³. Он начинает с обзора политического курса, целью которого стали реформы, направленные на стабилизацию, приватизацию и либерализацию. Родрик приходит к выводу, что отсутствие общего мнения после Вашингтонского консенсуса из-за неблагоприятных результатов дало институтам повод предлагать более инклюзивные, разнообразные политические стратегии, эксперименты и выборочные и скромные реформы.

Роль ОЭСР в посредничестве по политическому трансферу и производству знаний

ОЭСР была создана в 1961 году как преемница Организации Европейского экономического сотрудничества, основанной в 1948 году для осуществления Плана Маршалла и содействия восстановлению европейских экономик.

Согласно Пал, будучи международной правительственной организацией, ОЭСР в значительной степени полагается на свой интеллектуальный и репутационный капитал, связи и организаторскую силу посредством извлечения уроков и мониторинга на трех уровнях: качественные исследования и информация, согласованные нормы и стандарты и мониторинг доверия³⁴. После этого она выступает «в качестве

³³ Rodrick, D. Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? A Review of the World Bank's Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform // Economic Literature. – 2006 – No. 44 – С. 973

³⁴ Pal, L. Frontiers of Governance: The OECD and Global Public Management Reform. Palgrave Macmillan. London, 2012.

площадки для правительственных чиновников для совместного управления ключевыми областями политики посредством соглашений и стандартов, а также площадки для обсуждения и координации для НПО и других негосударственных субъектов, которые могут вносить свой вклад и создавать режимные комплексы».

Чтобы оценить влияние ОЭСР на глобальную арену государственной политики, следует отметить, что она является крупнейшим производителем данных о политике, полагаясь на систему коллегиальной оценки для распространения передовых практик и для мониторинга выполнения стандартов и норм. Более того, данная организация является ключевым компонентом дублирующихся систем глобального управления, которая отстаивает традиционную модель суверенных государств, договаривающихся между собой посредством различных пактов и соглашений, которые имеют обязательную силу в международном праве посредством следующих основных принципов (как отмечает Пал):

1. Сотрудничество: в отличие от традиционных моделей, ориентирована на конкретную область или нацелена на координацию действий и ресурсов по вопросам горизонтальной политики.

2. Межправительственный принцип: система правительственных учреждений или других государственных организаций, которые действуют автономно в определенных областях политики, объединяя экспертные знания, обмениваясь информацией, управляя вопросами политики, реализуя соглашения на государственном уровне и часто создавая операционные соглашения.

3. Транснациональный принцип: негосударственные или правительственные организации, фирмы и ассоциации частного сектора, эпистемологические сообщества, фонды и др. все чаще участвуют как в разработке политики, так и в управлении, часто напрямую взаимодействуя с государствами в качестве партнеров или в различных сферах негосударственного регулирования.

4. Совокупность режимов: в области международного регулирования совокупность режимов находится где-то между «всеобъемлющими международными регулирующими институтами с едиными, интегрированными правовыми инструментами с одной стороны и сильно фрагментированными и разрозненными соглашениями с другой. Они охватывают множество полуиерархических подрежимов, которые слабо связаны, но сами по себе не организованы иерархически».

Роль НПО в системе глобального управления

Бострем и Халльстрем ссылаются на Бека как на свидетеля в современных условиях драматической смены власти между глобальным бизнесом и государствами, которая уступает преимущество бизнесу в результате асимметричной борьбы³⁵.

Последствия этой динамики смены власти можно наблюдать в форме глобального противодействия, осуществляемого НПО для оказания влияния посредством новых ролей, глобальных стратегий и целей.

Следовательно, Бострем и Халльстрем отмечают растущую тенденцию к росту, влиянию и роли НПО в глобальной политике, прокладывая путь к неизведанным парадигмам, охватывающим аспекты от создания систем и организации транснациональных общественных движений до механизмов подотчетности и легитимности.

Возможность НПО высказываться и представлять определенные общественные или частные интересы является относительно новым явлением. Однако этот факт способен обеспечить комплексный подход к многонациональному диалогу, являясь бесценным прямым источником знаний на арене глобальной политики.

Субъекты знаний и транснациональное управление

³⁵ Boström, M.; Hallström, K. NGO Power in Global Social and Environmental Standard-Setting // Global Environmental Politics. – 2010 0 - No. 10 – С. 36

Стоит отметить, что хотя роль субъектов производства знаний со временем все сильнее видоизменяется, эксперты по-прежнему делятся на две основные категории.

С одной стороны, согласно Наю, скептики утверждают, что международные организации, в частности Всемирный банк и ОЭСР, являются единственными центрами знаний, и эта позиция вытекает из понятия «хрупкого государства» в эпоху после окончания холодной войны, чтобы оправдать международную помощь бедным странам³⁶. Рекомендуемая политика разрабатывается небольшой группой агентств, представляющих могущественные государства, затем распространяется среди международных организаций и постепенно распространяется на более широкую аудиторию, включая развивающиеся страны и негосударственные субъекты.

После этого ОЭСР и Всемирный банк берут на себя активную роль в консолидации и увековечении политической доктрины спонсоров помощи, в конечном счете защищая ее от серьезных нормативных разногласий.

С другой стороны, согласно Стоуну, субъекты политики в области знаний действуют посредством динамичной транснационализации результатов политики³⁷. Вследствие этого они могут сочетать «объекты передачи» (в форме) политических стратегий, институтов, идеологий или разъяснений, установок, идей и негативных уроков и использовать их как «мягкие» формы передачи, которые могут дополнять переход от «простого копирования политики» к более сложному синтезу и гибридизации, как упоминали Доловиц и Марш³⁸. В отличие от Ная, Стоун ссылается на тенденцию к методологическому национализму в большей части раннего политического трансфера, выдвигая на первый план роль международных организаций и негосударственных субъектов в системе транснационального

³⁶ Nay, O. Fragile and failed states: Critical perspectives on conceptual hybrids // International Political Science Review. – 2013 – No. 34 – C. 10

³⁷ Stone, D. Transfer agents and global networks in the 'transnationalization' of policy // European Public Policy. – 2004 – No. 11 – C. 545

³⁸ Dolowitz, D.; Marsh, D. Who Learns What from Whom: a Review of the Policy Transfer Literature // Political Studies. – 1996 – No. 44 – C. 343

трансфера в качестве меры, позволяющей избежать предвзятости с помощью аналитического подхода к результатам.

Выводы

1. Политический трансфер является предпочтительным средством для современных стран в повышении своего потенциала с помощью проверенной политики в условиях общих механизмов глобального управления и целей.

2. Заимствование западной политики поощряется тенденциями и информационными потоками между межправительственными учреждениями, а также наднациональными организациями, корпорациями и НПО в форме политических посредников, которые объединяют бюрократов, членов гражданского общества и других неправительственных субъектов по всему миру.

3. Являясь важным элементом западных механизмов глобального влияния и проецирования власти, политические посредники пользуются неоспоримой легитимностью, но при этом не подвергаются критике.

1.3 Политический трансфер и глобальное управление в конце XX века

Концептуальные истоки Плана Маршалла и Вашингтонского консенсуса

Официально известный как Европейская программа восстановления (ERP), План Маршалла выделил более 12 миллиардов долларов в период с 1948 по 1952 годы западноевропейским странам-членам Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЕС). Он был официально завершен досрочно в начале 1952 года, когда был объединен во всемирную Взаимную Программу безопасности (MSP).

Сундарам и Рейнер считают План Маршалла многоаспектным чудом, поскольку он не только создал санитарный кордон из богатых стран от Западной Европы до Северо-Восточной Азии, сдерживающий распространение коммунизма в начале холодной войны, но и стал

фундаментальным и, в конечном счете, решающим планом всемирной неолиберальной цивилизации³⁹.

Тем не менее, вопреки этому представлению, План Маршалла был серией решений, которые произрастали из продолжающейся бюрократической борьбы между армией и Государственным департаментом США по поводу расходов на немецкую оккупацию, репараций, немецкого экспорта и импорта и целей американского присутствия в Германии и Европе. По словам Гимбела, для их действий, решений и компромиссов они подбирали любые объяснения и рационализации⁴⁰.

Вудс полагает, что современный вклад в План Маршалла оказал сильное влияние на сознание политиков США; он стал символом смелости и успеха, и практически всякий раз, когда намечались новые направления в программах внешней помощи США, тема нового «Плана Маршалла» являлась приоритетной⁴¹. Это произошло в силу неправильного концептуального происхождения, мотивированного порочным представлением об американской исключительности в академических институтах и постоянным игнорированием характера результатов. Вашингтонский консенсус был разработан, чтобы отразить идеализированную форму руководящих принципов, целей и результатов Плана Маршалла, которые вызвали некоторую критику и скептицизм.

Кунц отметила, что первое поколение ученых утверждало, что План Маршалла был ответом на экономический кризис, настолько серьезный, что он заключал в себе опасность краха западноевропейских экономик. Американская экономическая помощь предоставила те резервы, которые устранили препятствия в транспортной системе и поставках сырья. Эти действия дали возможность товарам и золоту поступать на рынок и проложить путь к важнейшей победе над инфляцией⁴². Другие исследователи

³⁹ Sundaram, J.; Reinert, E. A Global Marshall Plan. Project Syndicate. New York, 2015.

⁴⁰ Gimbel, J. The Origins of the Marshall Plan. Stanford University Press. Redwood City, 1976.

⁴¹ Woods, R. Population Studies // Progress in Human Geography. – 1986 – No. 10 – С. 211

⁴² Kunz, D. The Marshall Plan Reconsidered: A Complex of Motives // Foreign Affairs. - 1997. No. 76 – С. 162

считали, что прямая американская помощь сыграла лишь скромную роль в восстановлении, и что более уместным было бы взвешенное суждение о роли американского капитала. Милвард утверждал, что кризиса лета 1947 года на самом деле не существовало, следовательно, он не мог нанести последний удар по и без того непосильному дефициту, который мог бы побудить Соединенные Штаты Америки инициировать программу⁴³. Помощь Плана Маршалла не оживила экономику региона, жизненно важного для безопасности Америки; скорее она поддерживала мощный инвестиционный бум, который уже продолжался в течение двух лет, предоставляя доллары для поддержания высокого уровня импорта капитальных товаров и промышленного сырья из долларовой зоны.

Боссуат заявил, что в дальнейшем обсуждались идеи о том, что программа имеет решающее значение для восстановления Европы. Данный план способствовал оживлению региона не через каналы стимулирования инвестиций, увеличения импорта и финансирования восстановления инфраструктуры, а путем восстановления рыночного механизма, который был под угрозой срыва, посредством восстановления финансовой стабильности и либерализации производства и цен⁴⁴.

Неверные представления и применение Плана Маршалла и Вашингтонского консенсуса

Некоторые представители непредвзятого, но вместе с тем прогрессивного поколения имели фундаментальные знания не только о контекстуальных условиях Вашингтонского консенсуса, но и потенциальных альтернативах и рисках неудачи. Кеннан предложил, чтобы Западная Европа была восстановлена в два этапа. В краткосрочной перспективе – путем ликвидации «бутылочных горлышек» посредством увеличения добычи угля в долине Рейна и обеспечения его распределения по местам потребления в

⁴³ Milward, A. The Reconstruction of Western Europe 1945-51 // Peace Research. – 1984 – No. 25 – С. 527

⁴⁴ Bossuat, G. Europe for Peace: Questions and Convictions // Matériaux pour l'histoire de notre temps. – 2012. No. 10 – С. 55

Европе. В долгосрочной перспективе он настаивал на том, что официальная инициатива должна быть развита в Европе. Рекомендации Кеннана по программе «Уголь для Европы» состояли из технологической помощи, специальных денежных грантов, специальных усилий оккупационных сил в Германии по найму рабочей силы и поставке материалов, кампании по увеличению поставок продовольствия и различных мероприятий, направленных на популяризацию программы с тем, чтобы заручиться ее народной поддержкой⁴⁵. В то же время Клейтон предложил Соединенным Штатам взять на себя управление добычей рурского угля⁴⁶.

Первые поколения ученых того периода понимали баланс между государственным вмешательством и рынками. План Маршалла действительно обеспечил важный прямой стимул для роста, но не за счет использования традиционных каналов увеличения инвестиций в государственные расходы, и исключил обобщенное, политически мотивированное решение Клейтона.

Но даже в постсовременном контексте данный план не был подвергнут непредвзятому подробному историческому анализу, которого он заслуживает. Историческая наука в несоразмерной степени сосредоточилась на вопросах его происхождения, парадигм предоставления помощи и о той мере, в какой он инициировал крупномасштабную экономическую помощь странам третьего мира. При этом не удалось проанализировать уникальный успех и благоприятные обстоятельства в Европе, которые способствовали этому успеху, что позволило избежать умаления роли Европейской программы восстановления как успешного предприятия послевоенного роста, встроенной в сложную систему программ помощи.

Связывание современными учеными восстановления Европы с прогрессом в слаборазвитом мире несет в себе еще один набор

⁴⁵ Botts, J. "Nothing to Seek and... Nothing to Defend": George F. Kennan's Core Values and American Foreign Policy, 1938–1993 // *Diplomatic History*. – 2006 – No. 30 – С. 839

⁴⁶ Fossedal, G.; Mikhail, B. A Modest Magician: Will Clayton and the Rebuilding of Europe // *Foreign Affairs*. – 1997 – No. 76 – С. 195

потенциальных политических обязательств: лидеры независимых стран третьего мира, особенно в Латинской Америке, ожидали бы такой же щедрости, распространяемой на гораздо более богатые страны Европы.

Наследие Плана Маршалла и Вашингтонского консенсуса

Первое поколение ученых смогло понять, как в соответствии с теорией Плана Маршалла о роли слаборазвитых районов его действие может способствовать восстановлению Европы и развитию многосторонней мировой экономики, предсказывая, таким образом, успех в Европе при восстановлении треугольной модели.

План был расширен, а не фундаментально реализован, в отношении проектов на европейских заморских территориях в Африке и Азии. Исследование ЕСА по Нидерландам показало, что «программа экономической помощи Индонезии всякий раз, когда она может быть надлежащим образом расширена, была способна внести прямой вклад в Европу по крайней мере в таком же объеме, доллар за доллар». Логика данной позиции привела План Маршалла к глубокому вовлечению в страны третьего мира. План Маршалла проанализировал условия и непосредственные результаты по мере их появления, вместо того чтобы представить глобальные решения, которые претендовали на изменение и регулирование всех контекстуальных условий.

С точки зрения США, легитимизация зависимости европейских стран от своих колоний представляла потенциальную опасность. Эта политика, а также политика содействия экономической интеграции в Западной Европе увеличили риски как дискриминации по отношению к доллару, так и региональных блоков.

Соединенные Штаты Америки ожидали, что восстановление Европы поможет обеспечить экономическую жизнеспособность в остальном мире. Полный успех европейских планов требовал прогресса в менее развитых районах мира. Только увеличение покупательной способности в

слаборазвитых странах регионов Азии, Африки и Латинской Америки могли бы обеспечить пригодные рынки для европейской промышленности.

В течение первых двух лет действия Плана Маршалла положительное сальдо торгового баланса США сохранялось со всеми частями света, включая заморские территории. Несмотря на опустошение во время войны некоторых из основных районов экспорта колониальных товаров, экспорт из заморских территорий в Соединенные Штаты Америки был значительным по сравнению с экспортом из метрополий.

Вудс упоминает, что впервые после войны у Западной Европы появились четкие возможности зарабатывать доллары на многосторонней основе в значительной степени за счет получения излишков от стран, получающих доллары от Соединенных Штатов Америки. После Второй мировой войны основная идея камерализма как экономики развития (идея о том, что национальное развитие требует все большей отдачи производственному сектору) была подтверждена с помощью крупномасштабного эксперимента: плана Morgентау, который был разработан, чтобы предотвратить повторное начало войны Германией. Тем не менее, план Morgентау был внезапно остановлен в 1947 году, когда президент Гувер отправился с миссией в Германию, где он заново открыл для себя камералистскую и меркантилистскую теорию немецкой школы экономики. Процесс деиндустриализации также привел к резкому падению урожайности в сельском хозяйстве и к институциональному коллапсу, что свидетельствует о важности связей между промышленным и сельскохозяйственными секторами, которые были отличительной чертой камералистской экономики. Поэтому нельзя не подчеркнуть, что План Маршалла был не просто финансовым планом, но главным образом планом реиндустриализации. После многих лет забвения План Morgентау был де-факто возрожден Вашингтонским консенсусом, начиная с 1980-х годов и даже более решительно после окончания холодной войны в 1991 году. Этот новый план де-факто сопровождался ярлыком структурной перестройки,

которая часто приводила к деиндустриализации стран третьего мира, согласно Сундараму и Рейнеру.

План Маршалла как противоположность Вашингтонскому консенсусу

По словам Стиглица, большинство латиноамериканских стран прошло через процесс импортозамещающей индустриализации (ISI) между началом 1930-х и серединой 1980-х годов. Различные государства испытали ISI в разных направлениях, таких как методы и масштабы государственного вмешательства, форма и серьезность платежного баланса и финансовых ограничений, уровень и распределение национального дохода, размер внутреннего рынка, сравнение рабочей силы и другие переменные⁴⁷.

В рамках данной политики в Латинской Америке расширение промышленности началось с интернализации производства товаров длительного пользования и перешло в производство товаров более длительного пользования, таких как сборка автомобилей, переработка нефти и прочие.

Если бы политика импортозамещающей индустриализации была успешно реализована, можно было бы достичь третьего этапа с производством товаров первой необходимости и товаров промышленного назначения, в том числе высокотехнологичной продукции, включая промышленное оборудование, электронные приборы и даже современные корабли и самолеты, спроектированные с использованием отечественных технологий.

Сундарам и Райнер в своем труде говорят, что ни одна латиноамериканская страна не завершила политику импортозамещения в этом смысле, особенно из-за недостаточного развития их технологического потенциала, и большинство стран в той или иной степени

⁴⁷ Stiglitz, E. Economic Foundations of Intellectual Property Rights // Duke Law. – 2008. No. 57 – С. 1693

индустриализовались⁴⁸. К середине 1980-х годов такие страны, как Мексика, Бразилия и Аргентина, значительно продвинулись на последнем этапе импортозамещения, однако на тот момент данный курс был прерван, и большинство латиноамериканских стран перешли к политическим рекомендациям Вашингтонского консенсуса.

На основе достигнутого результата Вашингтонского консенсуса, Джозеф Стиглиц приходит к выводу, что «произошел сбой в понимании экономических структур в развивающихся странах. Направленность на слишком узкие цели при ограниченном наборе инструментов оказалась ошибочной». Интеллектуальные основы Вашингтонского консенсуса были значительно подорваны еще до того, как его доктрины получили широкое признание, поскольку фундаментальные теоремы экономики благосостояния вольно интерпретировали принцип «невидимой руки рынка» Адама Смита вне исторических и контекстных условий.

Более того, указывается, что «цель политики не должна была ограничиваться увеличением ВВП, но должна была включать устойчивое повышение уровня жизни, а также содействие демократическому и справедливому развитию». Такая формулировка имела слишком узкое понимание, что привело к тому, что МВФ перепутал средства с целями: приватизация и либерализация стали не средствами достижения цели, а самоцелью.

Низкая инфляция рассматривалась как самоцель, чрезмерно жесткая денежно-кредитная политика подрывала эффективность рынка в такой же степени, как и инфляция; либерализация рынка капитала не привела к более быстрому экономическому росту, но привела к большей нестабильности.

Вашингтонский консенсус стал своего рода порочным кругом, который расширился по своей сути ради отрицания в рамках беспрецедентных, навязчивых рекомендаций: провальная политика была заменена все худшими

⁴⁸ Sundaram, J.; Reinert, E. The Origins of Development Economics: How Schools of Economic Thought Have Addressed Development. ZedBooks. London, 2005.

инструментами, которые расширились от политики приватизации до реформы государственных институтов и их управления.

Учитывая фундаментальное академическое непонимание Вашингтонского консенсуса под влиянием поколений в контексте происхождения, исполнения и результатов Плана Маршалла, мы можем сделать следующий вывод о Плане Маршалла в рамках Вашингтонского консенсуса. В отличие от истоков Плана Маршалла, Вашингтонский консенсус в конечном итоге стал напоминать План Моргентау, поскольку он противоречил основным положениям Плана Маршалла о том, что целью политики должно быть возрождение работающей экономики в мире, чтобы обеспечить возникновение политических и социальных условий, в которых могут существовать свободные институты. При этом уточняется, что помощь должна быть всеобъемлющей и стратегической, чтобы способствовать реальному прогрессу и развитию. Такая помощь не должна оказываться по частям по мере развития различных кризисов; любая помощь, которую это правительство может оказать в будущем, должна обеспечивать лечение, а не просто паллиатив.

О неудачах, касающихся политического трансфера, следует сказать следующее. В Латинской Америке импортозамещение не стало результатом целенаправленной политики, хотя государственная поддержка была необходима для его непрерывности и относительных достижений целей. Эта политика была результатом успеха экспорта сырьевых товаров, поскольку традиционные виды деятельности способствовали расширению дополнительных секторов экономики, что привело к появлению профессионального городского среднего класса и быстрому расширению рабочего класса. Раннее развитие промышленности почти неизменно было проциклическим и недуралистичным. Оно в значительной степени зависело от процветания сектора первичного экспорта, а не было автономным по отношению к нему или противопоставлено ему. Тем не менее, на более позднем этапе оно могло стать в значительной степени независимым от

состояния сектора первичного экспорта, в конечном итоге став достаточно крупным, чтобы возглавить экономику.

Выводы

1. Вашингтонский консенсус являлся упрощенным сводом политических действий, рекомендованных международными финансовыми институтами, чье первоначальное содержание и намерение проявили несостоятельность из-за отсутствия трансисторической, региональной, социально-политической и экономической контекстуализации. Вместо того чтобы создать взвешенный комплекс политических рекомендаций, было отдано предпочтение его политическому наследию.

2. Заимствование западной политики приводит не к усилению государственного потенциала, а к принятию общих идеологических рамок с обещаниями политических выгод.

3. Переход к многополярному миру сигнализирует о конце западной трансферной политики как единственного источника успешных правительственных практик, адаптируемых к различным контекстам.

1.4 Современные вызовы и предложение политического трансфера

Будущее политического трансфера в рамках глобального управления

Теоретические и практические аспекты политического трансфера сегодня признают институциональные и социальные особенности стран в определении совместимости и успеха передаваемой политики. Несмотря на то, что политический трансфер может быть разработан и внедрен в соответствии с требованиями каждой страны, его фокус сместился в сторону институциональных и социальных реформ.

Поскольку малоэффективное заимствование реформ в прошлом приводило к институциональным и социальным изменениям, политический трансфер в настоящее время акцентируется на социальных преобразованиях с целью воздействия на институты. Учитывая, что такой подход очевидно

стремится максимально воспроизвести особенности развитых стран, чтобы имитировать эффективность реформ, в данном поле возникает широкий круг вопросов.

Во-первых, социальные изменения требуют тщательного рассмотрения абстрактных понятий с высоким уровнем сложности. Если набор ключевых элементов, составляющих общество, верным образом классифицирован, доступные механизмы для введения реформ трудно обозначить и реализовать, и тогда типичный подход к социальным изменениям осуществляется через продвижение определенных ценностей из-за их высокой эффективности, простоты и универсальности.

Во-вторых, социальные изменения могут не влиять на институты и результаты проводимой политики. Даже если социальные изменения проведены, будет отсутствовать очевидная взаимосвязь между определенными ценностями и абстрактными правительственными действиями. Ведение подотчетности может в действительности оказать влияние на правительственные учреждения, однако абстрактные ценности, как правило, расплывчаты и рассеяны в качестве основных источников институциональных изменений без определенных рамок и стратегии, которые предлагают множество институциональных реформ и политических рекомендаций.

Участие неправительственных организаций и привлечение иностранных правительственных структур предлагают в разной степени необходимые средства для изменения общества, чтобы влиять на государственные институты и результаты политики, но рискуют быть отвергнутыми в случае угрозы интересам местного правительства.

Кроме того, социальные изменения не гарантируют влияния на государственные институты и результаты курса политики из-за уровня власти, которым могут обладать граждане (общество) в определенной стране, а также из-за уровня готовности местных органов власти к преобразованиям.

Эффективность политического трансфера обсуждается в политических и академических кругах и по настоящее время. С одной стороны, его сторонники утверждают, что низкая продуктивность предыдущего курса политических реформ объясняется ограниченными возможностями государства, и благодаря новому подходу они способны добиться положительных результатов. С другой стороны, те, кто скептически настроен в отношении эффективности политического трансфера, заявляют, что он основан на внедрении норм с определенной политической и идеологической подоплекой, часто игнорирующих настоящее положение страны и интересы нации.

Данная дискуссия усугубляется отсутствием убедительной информации, подтверждающей успешное заимствование политического курса и реформ. Данных и сравнительных исследований существует недостаточно, поскольку в большинстве случаев прошел слишком короткий промежуток времени, чтобы можно было объективно оценить долгосрочные последствия подобных событий.

Исследования, связанные с политическим трансфером, сосредоточены на результатах, при этом в значительной степени пренебрегаются более широкие аспекты, такие как особенности контекста, которые становятся все более недоступными с течением времени.

Перспективы развития политического трансфера сталкиваются с двумя основными проблемами: с одной стороны, отсутствием политического и академического консенсуса, с другой стороны, неготовностью стран принять их на сегодняшний момент.

В первом случае можно было бы применить иной подход к оценке эффективности политического трансфера путем анализа изменений, которые произошли с течением времени. С помощью этого метода рудиментарные элементы переданных политик могут быть идентифицированы в современном политическом курсе или среди выбранных политик, которые остались неизменными с момента их заимствования.

Во втором случае правительства неохотно выбирают политику заимствования реформ, поскольку она несет в себе коннотации различных экономических и политических периодов страны, особенно тех, которые связаны с Вашингтонским консенсусом. Более того, политический трансфер требует существенных ресурсов и компромиссов, что сопряжено с рядом рисков для политического руководства и страны в целом без гарантий увеличения потенциала государства.

Несмотря на то, что в настоящее время стратегия политического трансфера находится в застое, глобальные тенденции, касающиеся появления региональных держав, торговли и информации, решают текущие проблемы заимствования политического курса с помощью широкого анализа.

С одной стороны, конкуренция между современными странами побуждает правительства искать новые методы для укрепления государственного потенциала, в то время как с другой стороны доступны новые методы и источники. Динамика многополярного мира предоставляет странам широкий спектр стратегий, выходящих за рамки определенных идеологических рамок.

Поскольку большинство развитых стран подчиняются множеству стандартов и договоров, у развивающихся стран есть возможность выбирать политические стратегии в соответствии со своими интересами. Региональные лидеры могут предложить поддержку и содействие в качестве средства укрепления своего влияния и сотрудничества во всем мире.

Будущее политического трансфера как ключевого элемента сохранения распределения глобальной власти основывается на прагматическом отношении к конкретным идеологическим тенденциям. В связи с этим нерешенные проблемы вызывают несколько вопросов.

Во-первых, в многополярном мире существует множество подходов к заимствованию политического курса, при этом элементарные вопросы, касающиеся общей его эффективности, остаются нерешенными.

Во-вторых, отдельным заимствованным стратегиям не хватает ключевых элементов, что приводит в итоге к их низкой результативности.

В-третьих, поскольку политический трансфер ориентирован прежде всего на результат, политический истеблишмент может предпочесть краткосрочные цели долгосрочным приоритетам.

В-четвертых, требуется большой государственный потенциал для определения и адаптации перспективных стратегий из широкого предложения, охватывающего большую группу стран.

В-пятых, принятие альтернативной политики, предложенной новыми региональными державами, сопряжено с риском пожертвовать своей автономией и новыми формами экономической и политической зависимости, одновременно отталкивая своих глобальных конкурентов.

В-шестых, поскольку заимствование политического курса исходит от новых региональных держав, оно лишено идеологической подоплеки, что делает их влияние и восприятие ограниченными.

Предложение политического трансфера, основанного на сравнительном анализе федеративных систем

Поскольку анализ политического трансфера демонстрирует неоднозначные результаты на протяжении всей его непрерывной эволюции и экспериментов, мы можем понять, как политика, институты и общество реагируют на изменения в разных странах. При наличии соответствующей теоретической базы и имеющихся данных можно представить оптимальную форму политического трансфера в соответствии с условиями многополярного мира.

Современные методы политического трансфера представляют собой избранные практики как единственное средство для создания общественных изменений с целью инициирования институциональных реформ и оказания на них влияния в соответствии с заданным политическим курсом. В связи с этим ограниченные результаты объясняются несовместимостью зарубежных практик в определенном контексте.

Настоящее исследование объясняет неудачи политического трансфера поспешным стремлением к результатам, которые отвечают конкретным политическим эпизодам в разных странах. Общая направленность современных методов ставится под сомнение, и предлагаются следующие этапы их реализации: во-первых, заимствованный курс действий ограничивается рекомендациями по политике, адаптированными к условиям и требованиям определенной страны. Во-вторых, институциональная реформа стимулируется проводимой политикой. В-третьих, общество способно самостоятельно и органично выбирать и адаптировать благоприятные концепции политического трансфера.

Современные методы политического трансфера основаны на прямом соотношении между политикой, институтами и обществом. Эти концепции составляют систему различных элементов множественных иерархий, которые взаимодействуют с помощью широкого спектра механизмов в рамках нового подхода. Кроме того, хотя положительные результаты текущей политики заимствования не оспариваются, приписываемые им причины будут опровергнуты в поисках всеобъемлющих объяснений в рамках новой структуры исследования.

Запутанность политических аспектов предлагаемых стратегий и механизмов их передачи и реализации ограничила создание новых подходов в более естественном направлении, поэтому усиление региональных держав открывает новые возможности для разработки, продвижения и реализации указанного подхода.

Новый подход призван успешно преодолеть текущие и будущие проблемы, связанные с заимствованием политического курса в многополярном мире в различных формах.

Поскольку причины ограниченного потенциала государства чрезмерно упрощены, предлагаемая политическая стратегия, сформулированная с учетом политических тенденций, производит незначительный эффект. Всестороннее исследование государства считается непрактичным и

дорогостоящим. Предлагаемый новый подход к политическому трансферу основывается на доступных источниках и информации. При этом наблюдается чрезмерная зависимость от краткосрочных результатов как части политической повестки дня, для чего выбираются действия с низким уровнем риска, с отстаиванием региональными державами как часть более широких механизмов сотрудничества.

Заметим, что негативная реакция, вызванная сотрудничеством с региональными властями по вопросам конкретной политики, вызовет конкуренцию между регионами, что в конечном итоге гарантирует суверенитет наций, если их политическое руководство следует национальным интересам.

Предлагаемый политический трансфер разработан и реализуется в соответствии с условиями, созданными многополярным миром. Учитывая, что нации классифицируются как региональные державы и развивающиеся страны, успешные государства будущего считаются независимыми и лишенными доминирующих политических и идеологических рамок. Сферы влияния региональных держав рассматриваются как спектр, сформированный конкуренцией между ними и развивающимися странами, что в конечном итоге позволяет всем государствам сотрудничать одновременно.

Данная новая форма политического трансфера предлагается развивающимся странам для укрепления их государственного потенциала в соответствии с выделенными механизмами и целями в отсутствие прямых институциональных реформ и общественных изменений, выходящих за рамки определенного политического измерения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Региональные державы получают стимул использовать эту новую форму методов заимствования политической стратегии благодаря межрегиональной конкуренции и совместным целям.

Поскольку новый подход к передаче политики основывается на всесторонней оценке местных условий в ходе процессов отбора, адаптации и

реализации переданной политики, требуется специальный метод для получения и классификации широкого массива данных и информации. Беря во внимание тот факт, что контекстуальная оценка наций должна учитывать множество условий, которые варьируются от общего состава государства до типа, иерархии и взаимодействия его элементов, необходимая информация может быть получена с помощью существующих исследований особенностей различных федеральных систем с акцентом на конституционные, экономические и бюджетные соображения.

Эффективность определенного политического курса может быть проанализирована с помощью сравнительных исследований, чтобы дополнить контекстуальный обзор стран на основе их федеративных систем. Основные причины успеха и неудачи определенных стратегий могут быть выявлены путем экстраполяции многомерных данных, предоставляемых этой структурой, в то время как различные гипотезы могут быть выдвинуты относительно результатов потенциальных изменений, чтобы помочь процессу политического трансфера.

Многоуровневое сравнение федеративных систем, которое будет применено к процессу политического трансфера, состоит из трех этапов. Во-первых, выбранные страны сравниваются в соответствии с общей заимствованной политикой конкретного исторического периода. Во-вторых, отбираются страны с различными политическими системами, которые имеют общие черты, такие как географические условия и численность населения, с одним или многими схожими экономическими показателями. В-третьих, анализируется влияние заимствования политических практик, определяющее роль наций в глобальном мироустройстве.

Сравнительный анализ предлагается в двух разделах. В первом разделе будет проанализирована эволюция конституционных поправок в России и Мексике в трех частях. В первой части сравниваются различные контексты, в которых создавались конституции обеих стран, при этом особое внимание уделено внутренним и внешним вызовам. Во второй части анализируются

конституционные поправки обеих стран, для России цели конституционных поправок сравниваются с выступлениями главных государственных деятелей в ключевые моменты истории страны. Что касается Мексики, основные конституционные поправки, предложенные такими ведущими авторами, как Анайя, Мейер, Лойза и Негретто, среди прочих анализируются в соответствии с их эволюцией, чтобы понять оказываемое влияние. Затем, основываясь на количестве конституционных поправок по частоте, типу и периоду, проводится анализ для оценки основных конституционных статей и их вариаций, а также общего направления развития страны. В третьей части анализируются основные инициаторы конституционных изменений, их механизмы и намерения, а также количество внесенных ими поправок.

Во втором разделе оценивается эффективность и эволюция трансфертной политики в отношении участия государства в экономике, аналогичным образом рассматриваются бюджетные и другие социально-экономические показатели для определения уровней централизации в каждой стране и роли динамики власти во влиянии на внесение конституционных поправок, в трех частях. В первой части анализируются общие экономические показатели и показатели развития обеих стран, сложность их экономических систем и вмешательство государства. Во второй части анализируется степень централизации в обеих странах в зависимости от численности населения, уровня развития и бюджетов. Проводятся дополнительные сравнения между различными городами мира (Сан-Паулу, Каир, Пекин, Гуанчжоу, Нью-Йорк, Мадрид и Париж) в отношении их населения, доли населения в ВВП и бюджетах, чтобы понять степень централизации российских и мексиканских городов на международном уровне. В третьей части проведено сравнение населенных пунктов обеих стран по их индексу человеческого развития и коэффициенту Джини, чтобы оценить влияние государственного вмешательства и экономического развития на население.

Выводы по главе

Термины демократии, капитализма и западных моделей управления сегодня используются взаимозаменяемо как политический и идеологический результат холодной войны, несмотря на отсутствие академического консенсуса относительно влияния демократии на экономический рост из-за отсутствия определения того, что представляет собой демократия и как ее следует измерять. В измерении этого роста отсутствует комплексный подход, учитывающий последствия предыдущей политики, в том числе проводимой недемократическими правительствами, а также роль внезапных глобальных событий и их способность изменять потенциал государства, экономические показатели и общественное мнение.

В то же время политический трансфер является предпочтительным средством для современных стран повысить свой потенциал в условиях общих механизмов глобального управления и целей с помощью проверенной политики. Передача западной политики поощряется тенденциями и информационными потоками между межправительственными учреждениями, а также наднациональными организациями, корпорациями и НПО в форме политических посредников, которые объединяют бюрократов, членов гражданского общества и других неправительственных субъектов по всему миру.

Тем не менее, политические посредники пользуются неоспоримой легитимностью, в то же время освобождаясь от контроля, который препятствует их переоценке и развитию, поскольку они являются важным элементом западных механизмов глобального влияния и проецирования власти.

Политический трансфер обычно опирается на отдельные стратегии, заимствованные из более широких наборов, игнорируя ключевые структурные элементы, которые в конечном итоге снижают их эффективность. Поскольку передаваемая политика ориентирована на результаты, политический истеблишмент может предпочесть краткосрочные

результаты долгосрочным ориентирам. Вопросы, касающиеся автономии и зависимости от доминирующих наций, остаются без внимания, поскольку отсутствуют какие-либо гарантии усиления государственного потенциала.

Успешная практика политического трансфера в рамках глобального управления должна быть рассмотрена отдельно для каждой страны. Большие объемы необходимой информации могут быть получены с помощью существующего подхода с акцентом на конституционные, экономические и бюджетные соображения.

Эффективность определенной политики может быть проанализирована с помощью сравнительных исследований, чтобы дополнить контекстуальный обзор стран. Основные причины успеха и неудачи определенных стратегий могут быть определены путем экстраполяции многомерных данных, предоставляемых этой структурой, в то время как различные гипотезы могут быть выдвинуты относительно результатов потенциальных изменений, чтобы помочь процессу политического трансфера.

Заимствование политического курса может быть перспективным, если оно основывается на сравнении стран с различными политическими системами. При этом они имеют общие черты, такие как географические условия и численность населения, с одним или многими аналогичными экономическими показателями, на основе которых должна осуществляться выбранная политика в рамках структурных реформ для увеличения потенциала государства.

Глава 2: Конституционный сравнительный анализ России и Мексики в рамках политического трансфера

Следуя рамкам трансферной политики, в данной главе анализируется эволюция конституционных поправок, чтобы определить цели и инструменты обоих государств в разные периоды. Таким образом, данная работа направлена на определение первоначальной цели и ожиданий от трансферной политики, а также на оценку целей, средств и причин их изменения на протяжении всей ее реализации.

Данная методология более предпочтительна по сравнению с анализом социально-политических движений при определении политики государства из-за отсутствия определения ее объективности. Например, вне контекста национальных референдумов взаимодействие между государственными и негосударственными субъектами должно происходить в рамках прямой демократии, которая не является универсально доступной или реализуемой. Кроме того, общественно-политические движения должны материализовать свои требования в реальные предложения, представленные организацией, обладающей достаточным влиянием и легитимностью, чтобы быть рассмотренной государством. Наконец, нет никаких гарантий, что конституционные поправки, принятые государством, действительно будут отвечать требованиям негосударственных субъектов при их разработке и осуществлении. Вместо этого оценка направленности и приоритетов

государства с помощью конституционных поправок является более объективной из-за большого объема необходимой институциональной и политической власти, особенно при столкновении с политической оппозицией.

Чтобы подтвердить эту гипотезу, Россия и Мексика изучаются как примеры стран, которые, несмотря на их различную эволюцию, одновременно пережили схожие периоды политической и экономической либерализации. Аналогичным образом основные теории относительно государственной политики ведущих авторов, а также выступления общественных деятелей сравниваются с количеством и типом конституционных поправок соответственно, чтобы определить основные причины и роль конституционных поправок в обеих странах.

2.1 Первоначальный контекст конституций России и Мексики

Конституция Российской Федерации была принята на всенародном референдуме 12 декабря и вступила в силу 25 декабря 1993 года. Она заменила предыдущую Конституцию Российской Советской Федеративной Социалистической Республики советской эпохи (от 12 апреля 1978 года) после конституционного кризиса 1993 года, отменив, таким образом, советскую систему правления и провозгласив Российскую Федерацию демократическим федеративным государством с республиканской формой правления.

Документ состоит из преамбулы и двух разделов. В преамбуле провозглашается, что народ России одобряет эту Конституцию, определяются демократические и гуманистические ценности, определяется место России в современном мире. Первый раздел состоит из 9 глав и 137 статей, закрепляющих основы политической, социальной, правовой, экономической и социальной систем Российской Федерации, основные права и свободы личности, федеративное устройство Российской Федерации, статус органов государственной власти, порядок пересмотра Конституции и

внесения в нее изменений. Второй раздел определяет заключительные и переходные положения и служит основой преемственности и стабильности конституционно-правовых норм.

Процесс создания Конституции Мексики начался ранее. Мексиканские Соединенные Штаты были созданы в качестве представительной федеративной республики федеральной Конституцией 1824 года после распада Мексиканской империи. Конституция видоизменялась до тех пор, пока не была признана упрядненной и заменена Конституцией 1917 года. Документ был принят 5 февраля 1917 года, после Мексиканской революции, длившейся с ноября 1910 года по январь 1917 года и фактически положившей конец президентству Порфирио Диаса, длившемуся более 30 лет. Документ разделен на два раздела. «Догматический раздел» содержит 38 статей, распределенных по 4 главам в рамках одного подраздела (далее определяемого как «название»), которые определяют права и свободы населения. «Основной раздел» содержит 98 статей под 8 названиями, которые определяют систему правления, задачи и функционирование институтов государства, концепцию национального суверенитета и рамки конституционных реформ.

Несмотря на отдаленный период их реализации, обе конституции закрепили новые политические аспекты с акцентом на демократическое правление, территориальную автономию и баланс сил. Тем не менее, несмотря на сходство, на направленность и эволюцию обоих документов повлиял ряд внутренних и внешних условий, связанных с их различными контекстами. Например, Конституция России была принята после завершения конституционного кризиса, в отличие от мексиканской конституции 1917 года, которая была принята за три года до окончания мексиканской революции 01 декабря 1920 года. После этого последовали убийства президента Венустиано Каррансы и избранного президента Альваро Обрегона в 1920 и 1928 годах соответственно, а также периоды

оспариваемых выборов до избрания Лазаро Карденаса 01 декабря 1934 года демократическим путем.

Кроме того, период, связанный с введением в действие мексиканской конституции в 1917 году, характеризовался острой конкуренцией между нациями за власть. Это проявляется в изменении предпочтений мексиканского руководства по отношению к различным государствам в контексте политического и экономического сотрудничества. Например, отношения между Соединенными Штатами Америки и Мексикой изменились после визита президента США Уильяма Говарда Тафта в Мексику в 1910 году для поддержки переизбрания Порфирио Диаса. Это произошло в результате скандала с телеграммой Циммермана, которая показала тайные отношения между президентом Мексики Венустиано Карранса и Германией. Позже следовали этапы от подписания Букарельского договора 1923 года между бывшим революционным генералом-президентом Альваро Обрегоном и президентом США Кэлвином Кулиджем до спорадических периодов ухудшения и улучшения отношений вплоть до президентства Мануэля Авила Камачо в 1940 году, во время которого страна была союзником Соединенных Штатов Америки во Второй мировой войне. Затем последовал переход к периоду нейтралитета во время холодной войны, который включал визиты президентов Мексики Луиса Эчеверрии и Хосе Лопеса Портильо в Советский Союз в 1973 и 1978 годах соответственно.

Можно утверждать, что Конституция Мексики устанавливает идеологические рамки с конкретными институциональными механизмами, противоречащими принципам свободной торговли и международного сотрудничества, о чем свидетельствует запрет иностранцам владеть акциями компаний нефтяной и сельскохозяйственной промышленности в соответствии со статьей 27. Несмотря на это, конституция применялась по-разному в отношении политической повестки дня каждого президента. Так, в начале президентства Карденаса (с 1934 по 1940 годы) была национализирована нефтяная компания Mexican Eagle (принадлежавшая

американским, британским и голландским инвесторам), кроме того, было экспроприировано несколько млн акров сельскохозяйственных земель у американских граждан. Однако в преддверии Второй мировой войны неофициальные соглашения между правительствами Мексики, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства в 1938 году ознаменовали полное восстановление дипломатических отношений, что привело к выборочному применению Конституции в отсутствие правил торговли и других форм сотрудничества, осуществляемых и контролируемых международными организациями. Напротив, почти 75 лет спустя Конституция Российской Федерации была принята в период, определяемый конкретными правилами и дорожными картами развития, вытекающими из однополярной социально-политической системы после окончания холодной войны.

Чтобы определить различную направленность и эффективность конституционных поправок в обеих странах, сравниваются оба документа, относящиеся к созданию Конституции России в 1993 году, а также конституционные реформы, внесенные в статью 27 Конституции Мексики в 1992 году. Это решение обосновано общим намерением, стоящим за созданием и внесением поправок в конституции обеих стран в ожидании стандартов и правил, необходимых для доступа на мировой рынок до вступления обеих стран во Всемирную торговую организацию в 2012 и 1995 годах соответственно.

2.2 Эволюция поправок к Конституции России

С момента принятия Конституции России в 1993 году различные статьи и разделы были изменены сразу в 4 конституционных поправках. Аналогичным образом статья 65 изменялась 11 раз в отношении изменений, касающихся субъектов федерации.

30 декабря 2008 года в Конституцию были внесены поправки, увеличившие срок полномочий Президента России с 4 до 6 лет и членов

Государственной Думы с 4 до 5 лет. Что касается второго и третьего этапов поправок, то в начале 2014 года было ратифицировано еще восемь поправок, и одна из них была отменена, что привело к упразднению Высшего Арбитражного суда. Летом 2014 года были изменены еще две статьи, позволившие Президенту РФ выбирать до 10% членов Совета Федерации (17 членов).

Наиболее существенная поправка была внесена 4 июля 2020 года после общенационального референдума: она исключает пункт «подряд» из статьи, регламентирующей максимальное количество президентских сроков, обнулив таким образом предыдущие президентские сроки до вступления поправок в силу. Другими изменениями являются признание России правопреемницей Советского Союза в отношении международных организаций, договоров и имущества СССР, предусмотренных международными договорами за пределами территории Российской Федерации.

Основную цель, стоящую за поправками к Конституции России, можно определить следующим образом:

1. Расширить полномочия Президента Российской Федерации. Согласно последней поправке, Президент может освободить от должности Председателя Правительства Российской Федерации (статья 83) и отклонить его отставку (статья 117). Кроме того, Президент назначает и освобождает от должности федеральных министров (статья 112) и сохраняет иммунитет после истечения срока своих полномочий (статья 92).

Причины продления президентских полномочий можно отметить в различных выступлениях Президента России перед Федеральным собранием Российской Федерации в разные годы. Так, в 2019 году он заявил, что развитие государства требует участия всех государственных институтов (помимо конкретных министерств и ведомств)⁴⁹. Однако в следующем году

⁴⁹ Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. PresidentofRussia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863> (дата обращения: 20.02.2024)

им отмечалось, что из-за огромной территории, сложного федерального и административного деления страна не смогла продвинуться вперед и даже существовать как парламентская республика. Упоминалось, что в целях укрепления страны необходима сильная президентская республика для создания единой системы правления, которая расширила бы сотрудничество федеральных и муниципальных властей в конституционных рамках (2020 г.)⁵⁰. Точно так же в 2021 году Президент отметил, что для решения геополитических проблем (которые отвечают контексту) необходимо усиление власти путем внедрения практических инструментов для решения задач национального развития⁵¹.

2. Избирательно внедрять международные механизмы и договоры, избегая при этом изоляции страны. Это очевидно из поправок к статье 79, касающихся выборочного исполнения судебных решений. Таким образом, цель — оставаться в поле международных договоров, гарантирующих свободную торговлю и соглашения о сотрудничестве, защищая институты государства, его активы и граждан от враждебных решений.

Концепции международного сотрудничества и защиты национальных интересов в стране постепенно увязывались с течением времени. Так, Президент России Дмитрий Медведев признал преимущества и ответственность страны в отношении ее интеграции в мировую экономику, описав многочисленные экономические и политические угрозы, вытекающие из глобализации, в послании Федеральному собранию РФ в 2008 году⁵².

На аналогичном выступлении в 2014 году Президент РФ Владимир Путин заявил о готовности страны продолжать привлекать иностранные инвестиции, а также торговать с различными странами, однако отметил новые усилия по снижению зависимости от иностранных технологий путем

⁵⁰ Presidential Address to the Federal Assembly. [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 15.01.2024)

⁵¹ Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. PresidentofRussia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 21.04.2024)

⁵² Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968> (дата обращения: 05.11.2024)

развития нескольких секторов на фоне международных санкций⁵³. Год спустя Президент отметил усиление конкуренции между странами в контексте технологического развития и необходимость для страны развивать свои конкурентные преимущества, чтобы стать мировым лидером (2015 г.)⁵⁴. Для достижения этой цели он представил в 2016 году новую экономическую стратегию, направленную на систематическое развитие конкретных секторов для выхода на внешние рынки⁵⁵.

Продолжая линию на расширение участия государства в ключевых секторах экономики страны, в ходе послания Федеральному собранию РФ в 2020 году Президент предложил, чтобы требования международного права и международных договоров, а также решения международных органов могли действовать на территории России только в той мере, в какой они не ограничивают права и свободы населения и не противоречат Конституции. Позже это было объяснено внешним давлением, которое угрожает развитию страны, в новых формах (2023 г.)⁵⁶.

3. Уменьшить влияние внутренних и внешних политических угроз. На внутреннем уровне, в рамках задач Совета Безопасности РФ по борьбе с «внутренними угрозами» в соответствии с последней поправкой к статье 83 Конституции, а также концепцией единой государственной политики в области сохранения традиционных ценностей (статья 114).

Важность национальных ценностей в развитии страны, а также в защите ее от внешних угроз впервые была отмечена во время послания Федеральному собранию в 2016 году, где Президент упомянул, что патриотические ценности в рамках гражданских и политических движений при выявлении проблем и трудностей играют важную роль в развитии

⁵³ Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173> (дата обращения: 04.12.2024)

⁵⁴ Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (дата обращения: 03.12.2025)

⁵⁵ Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379> (дата обращения: 01.12.2024)

⁵⁶ Presidential Address to Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 21.02.2024)

страны. Наконец, во время президентской речи, в которой объявлялось о начале Специальной военной операции (2022 г.), традиционные ценности были названы ключевыми элементами формирования национальной идентичности, тем самым защищая страну от иностранных взглядов и идей, которые разделяют общество⁵⁷.

4. На внутреннем и внешнем уровне действовать как правопреемник СССР на его территории (статья 67), таким образом способствуя введению субъектов федерации в состав страны (статья 65).

Заметим, что это соответствует заявлениям Президента в послании Федеральному собранию в 2023 году об интеграции исторических земель как ключевом шаге в обеспечении безопасности страны, а также повышении ее общего развития за счет географических преимуществ новых регионов и разнообразных инвестиционных возможностей.

2.3 Эволюция поправок к Конституции Мексики

С момента ее введения за 106 лет в Конституцию Мексики была внесена 251 конституционная поправка. Это сильно контрастирует с другими странами Северной и Южной Америки. Например, Конституция Соединенных Штатов Америки изменялась 27 раз за 231 год, а Конституция Бразилии – 70 раз за 45 лет. Чтобы понять, почему Мексика полагается на постоянные конституционные поправки по широкому кругу статей, а не на всеобъемлющую конституционную реформу, рассматриваются статьи с наибольшим количеством изменений, а также статьи, которые, по мнению ряда авторов, считаются ключевыми в формировании политики страны.

Статьи с наибольшим количеством изменений – это статьи 73, 89 и 123 с 83, 19 и 27 поправками соответственно. Статья 73 описывает функции мексиканского Конгресса в 31 разделе, начиная от процедур создания новых субъектов федерации, утверждения федерального бюджета и заканчивая

⁵⁷ Presidential Address [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 24.02.2024)

разработкой законов во всех областях. Аналогичным образом статья 89 в 20 разделах устанавливала полномочия президента, начиная с назначения глав министерств и заканчивая определением внешней политики страны. Наконец, в статье 123 говорится о праве на труд и надлежащих условиях труда в 14 разделах, начиная от создания системы социального обеспечения и заканчивая описанием секторов экономики в стране.

Напротив, статьи 3 и 5, касающиеся нерелигиозного образования и труда, часто рассматриваются некоторыми авторами как ключевые в формировании будущего страны, несмотря на то, что в них было внесено всего 11 и 5 изменений соответственно. Статье 3 уделяется особое внимание, и ее часто изучают вместе со статьями 24 и 140, касающимися свободы вероисповедания и полномочий государства в отношении религиозных учреждений в контексте ограничения влияния католической церкви.

Такая оценка соответствует общему убеждению в том, что секуляризация страны является главным вкладом Конституции 1917 года, определяя, таким образом, характеристики и результаты развития Мексики по сей день. Например, Бланкарте (2001) утверждает, что мексиканское государство может функционировать сегодня благодаря влиянию секуляризма в определенных политических группах⁵⁸, более того, в контексте национального единства Дюран Понте и Смит Матинс (1997) утверждают, что нерелигиозное образование было средством послереволюционного правительства в деле интеграции общества⁵⁹. Чилкот (1967), как известно, утверждал, что мексиканская революция разорвала все связи с прошлым и положила начало новому социально-политическому развитию страны в соответствии с националистическими конституционными рамками⁶⁰. Они сохраняются и по сей день, таким образом, согласно Эрнандесу Родригесу и др. (2020), создается основа для институционального развития, формируются

⁵⁸ Blancarte, R. J. *Laicidad y secularización en México* // *Estudios Sociológicos*. – 2001 – No. 19 – С. 843-855

⁵⁹ Durand Ponte, V. M., Smith Martins, M.M. *La educación y la cultura política en México: una relación agotada* // *Revista Mexicana de Sociología*. – 1997 – No. 59 – С. 41-74

⁶⁰ Chilcote, R. *Cambio estructural y desarrollo: la experiencia mexicana* // *Desarrollo Económico*. – 1967 – No. 7 – С. 859-875

программы и имидж государства, состояние которого определено на сегодняшний день⁶¹.

Однако отнесение названных статей к определяющим элементам их политического периода и общего будущего страны не позволяет выделить их эволюцию в отношении конституционных поправок на протяжении различных президентских сроков, а также игнорировать их выборочное применение. Например, до внесения поправок 1992 года в статье 3 говорилось, что только государство может предоставлять образование, и в образовательных программах не будет какой-либо религиозной доктрины. Точно так же статья 24 санкционировала религиозные действия вне культовых зданий. Несмотря на это, статьи были в значительной степени проигнорированы, поскольку продолжалось религиозное образование в частных учебных заведениях, а также празднование публичных религиозных мероприятий, которые варьируются от местных праздников до общенациональных мероприятий, как это было хорошо видно во время визитов Папы Римского Иоанна Павла II в 1979 и 1990 годах.

Избирательное применение Конституции при разных президентствах объясняется разными авторами. Так, Марван Лаборд (2007) утверждает, что несмотря на антиклерикальный характер Конституции, у ее создателей отсутствовали идеологические причины или скрытые политические интересы, основанные на строгом контроле, гарантирующем идеологическое разнообразие⁶². Таким образом, Конституция фактически применялась в выборочной форме в соответствии с внешними вызовами и возможностями, а не на жестких идеологических основаниях. Это особенно очевидно проявилось в отношениях между государством и церковью. Например, Лоаэза (1985) утверждал, что в тридцатые годы католическая церковь согласилась интегрироваться в структуру власти в качестве подчиненной

⁶¹ Hernández Rodríguez, R., Celorio Morayta, G., Mabire, B. La persistencia de una idea – El nacionalismo revolucionario, del PRI a Lopez Obrador // Foro Internacional. – 2020 – No. 60 – С. 501-536

⁶² Marván Laborde, I. ¿Cómo votaron los diputados constituyentes de 1916-1917? // Política y Gobierno. – 2007 – No. 14 – С. 309-347

государству, если антирелигиозные статьи Конституции не будут исполнены⁶³. Такая оценка подтверждается Пересом Санчесом (2012), утверждающим, что мексиканское государство предприняло минимальные действия по созданию светской страны в ходе своих усилий по получению монополии на власть, несмотря на наличие всех законных средств для отделения католической церкви⁶⁴.

Можно утверждать, что несмотря на обладание большой властью, мексиканское государство не смогло обеспечить абсолютное влияние на все политические группы, а также на все гражданские и религиозные институты страны. В связи с этим Мейер (1993) утверждает, что католицизм является элементом этнической и национальной идентичности, что позволило Католической церкви адаптироваться к периоду секуляризации⁶⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что Конституция Мексики является инструментом, реализуемым в соответствии с распределением власти в стране и с учетом этого процесса.

Чтобы оценить общее влияние и намерения, стоящие за конституционными поправками, следует начать с классификации их изменений в соответствии с периодами, определяемыми политическим контекстом страны. Во-первых, это послереволюционный период, начиная с первой поправки, внесенной в Конституцию в 1921 году, до последнего изменения, внесенного во время президентства Абелардо Родригеса в 1934 году. Во-вторых, период стабильности, начавшийся с избрания Президента Лазаро Карденаса в 1934 году и положивший, таким образом, конец периоду оспариваемых выборов. В-третьих, период интернационализации, начавшийся с президентства Карлоса Салинаса в 1988 году на фоне конституционных изменений, внесенных в ожидании и как необходимое

⁶³ Loaeza, S. La iglesia y la democracia en México // Revista Mexicana de Sociología. – 1985 – No. 47 – С. 161-168

⁶⁴ Pérez Sánchez, S. Educación laica en el sistema educativo mexicano: entre la omisión, la ambigüedad y el conflicto // Páginas de Educación. – 2012 – No. 5 – С. 15-17

⁶⁵ Meyer, J. Una historia política de la religión en el México contemporáneo // Historia Mexicana. – 1993 – No. 42 – С. 711-744

условие участия страны в международных торговых договорах и организациях.

На первый взгляд, можно наблюдать более высокую тенденцию к внесению конституционных поправок в третий период: всего за 31 год шестью Президентами было внесено более 134 изменений. В отличие от этого, 98 поправок были внесены в течение 9 президентств в течение 54 лет и только 19 изменений в течение 5 президентских сроков за 13 лет во втором и первом периодах соответственно. Таким образом, общая доля поправок за первый период составляет 7,56%, за второй – 39,04% и за третий – 53,38%.

Можно предположить, что растущее число поправок отвечает усиливающейся сложности института государства, однако следует проанализировать частоту внесения определенных конституционных поправок в соответствии с каждым периодом, чтобы улучшить наше понимание их воздействия и целей и получить убедительные результаты.

1. Следует начать с анализа распределения поправок, внесенных в каждый период в статьи 73, 89 и 123, по их частоте. Здесь была обнаружена корреляция между статьями, касающимися функций мексиканского Конгресса (статья 73) и Президента Мексики (статья 89), с 8 (из 83, или 9,63%) и 2 (из 19, или 10,52%) поправками в первом периоде; с 26 (из 83 или 31,32%) и 7 (из 19, или 36,84%) поправками во втором периоде, а также с 49 (из 83, или 59,03%) и 10 (из 19, или 52,63%) поправками в третьем периоде.

Напротив, статья 123, соответствующая праву на труд, была изменена меньше всего в первом периоде – всего 2 раза (из 27, или 7,40%), 15 раз (из 27, или 55,55%) во втором периоде и 10 раз (из 27, или 37,03%) в третьем периоде.

Исходя из этой оценки, можно разделить ряд статей на две тематические группы: те, которые укрепляют институты государства, и те, которые отражают социально-политическую эволюцию страны. Таким образом, подтверждается корреляция между увеличением или смещением существующих поправок с растущей сложностью института государства.

Например, статья 73 сохраняет только 2 из 8 изменений, внесенных в первом периоде, в своей текущей конфигурации, 5 из 26 во втором периоде и 46 из 49 в третьем периоде. Это более очевидно в текущем составе статьи 89, которая сохранила 2 из 8 изменений, внесенных в первый период, 2 из 7 в втором периоде и 10 из 10 в третьем. Аналогичным образом в статье 123 в ее текущем виде отсутствуют поправки, внесенные в первом периоде (0 из 2), в то время как сохраняются все изменения, внесенные во втором (15 из 15) и третьем (10 из 10) периодах.

2. Далее стоит рассмотреть количество статей, которые разные авторы считают ключевыми в эволюции Конституции Мексики и общего политического курса страны. В статьи, относящиеся к тематической группе прав, таких как право на образование (статья 3) и труд (статья 5), в каждый период вносились различные поправки.

Например, статья 3 была изменена только один раз (из 11, или 9,09%) в первом периоде, два раза (из 11, или 18,18%) во втором периоде и 8 раз (из 11, или 72,72%) в третьем периоде. Статья 5 была изменена во втором периоде 3 раза (из 5, или 60%) и 2 раза (из 5, или 40%) в третьем периоде.

В статье 3 первоначально говорилось об «обязательстве государства предоставлять нерелигиозное образование». Поправки, внесенные во втором периоде (между 1934 и 1980 годами), вводили «роль университетов» и «полномочия Конгресса в объединении образовательной политики страны». Наконец, в третьем периоде (с 1992 по 2019 годы) было введено «бесплатное образование за счет государства» и подробное описание задач и правил, которым должны следовать государственные органы для усиления образовательного и технологического развития страны.

Аналогичным образом в статье 5 изначально говорилось о свободе работать в любой желаемой области. Позже во втором периоде (с 1942 по 1990 годы) были внесены поправки, устанавливавшие «право на заработную плату, за исключением случаев, установленных судебной властью», а также критерии для государственной службы. В третьем периоде (в 1992 и 2016

годах) добавлены «защита работников в связи с юридическими рамками контрактов» и полномочия «государств оценивать и присваивать образовательные степени».

Принимая во внимание ограниченное применение этих статей, их продолжающаяся модификация в третьем периоде опровергает их важность в определении конституционной основы, на которой строится современность, но указывает на возрастающую сложность института государства и стандартизацию процессов.

Такая оценка подтверждается первыми поправками, внесенными в статьи 24 и 130, касающимися религиозной и этической свободы и ограничений мексиканского Конгресса в отношении религиозных учреждений (1992 г.). Таким образом, формально решается вопрос о выборочном применении статьи 3 почти через 100 лет после конфликта между католической церковью и мексиканским правительством в контексте войны Кристеро (между 1926 и 1929 годами). Согласно поправке 1992 года, «обеспечивающей юридическое признание религиозных учреждений. Ратификация разделения между государственными и религиозными институтами. Позволяет религиозным институтам приобретать, распоряжаться имуществом и товарами». В отсутствие современного социально-политического конфликта в контексте отношений между государством и религиозными организациями данное исследование объясняет такие изменения намерениями и формальными требованиями, установленными международными организациями в контексте прав человека.

Однако стоит отметить поправку, внесенную в статью 24 почти два десятилетия спустя (2013 г.): «в рамках концепции свободы религии, этики и мыслей запрещаются публичные религиозные мероприятия с политическими целями». Таким образом, эффективно объединяются религиозные, этические концепции и общественное мнение, что позволяет государству ограничивать внутренние или внешние угрозы без прямого нарушения прав человека.

Международные стандарты и восприятие являются ключевыми для мексиканского государства. Так, Анайя (2010) утверждает, что учет прав человека в политических и институциональных процессах является условием для того, чтобы страна стала частью международного сообщества⁶⁶. Более того, Гомес-Мера и Рамос (2015) утверждают, что сложность и требования международных институтов в конечном итоге оказали положительное влияние на правительства Латинской Америки⁶⁷ и, как заявил Вильегас Монтель (1996), станут важной частью их будущих политических изменений⁶⁸.

3. Наконец, следует определить и проанализировать статьи с наибольшим количеством поправок в каждом периоде. Что касается первого периода, то за 13 лет были внесены поправки в 26 различных статей. Статья 75, касающаяся функций Палаты депутатов (нижней палаты Конгресса Мексики), изменялась 5 раз. Статьи 79 и 83, устанавливающие дополнительные механизмы Палаты депутатов и продолжительность президентства в Мексике, были изменены 3 раза. Наконец, статьи 45 (касающиеся целостности штатов), 84 (полномочия мексиканского Конгресса назначать временного Президента), 89 (функции вооруженных сил), 115 (республиканская форма правления), 123 (право на труд) были изменены два раза. Во время этого периода 18 статей были изменены только один раз (из общего числа 26, или 69,23%).

Во втором периоде за 54 года было изменено 77 различных статей. Так, статья 73, определяющая функции мексиканского Конгресса, менялась 20 раз. В статьи 27 и 123, касающиеся собственности государства на определенные территории и права на труд, вносились поправки 11 раз. Наконец, статья 107 с дополнительными механизмами для статьи 103,

⁶⁶ Anaya, A. Internalización de las normas internacionales de derechos humanos en México: el papel del Programa Nacional de Derechos Humanos 2008-2012 // Documentos de Trabajo CIDE. – 2010 – No. 199 – C. 10-12

⁶⁷ Gómez-Mera, L., Ramos, G. La complejidad del régimen internacional y la gobernanza regional: evidencia de Latinoamérica // Foro Internacional. – 2015 – No. 55 – C. 503-539

⁶⁸ Villegas Montiel, F. G. Cambio constitucional en México durante el sexenio de Carlos Salinas de Gortari // Foro Internacional. – 1996 – No. 36 – C. 158-187

касающейся функций Верховного суда, была изменена 8 раз. В течение этого периода 35 статей были изменены только один раз (из общего числа 77, или 45,45%).

Во время третьего периода за 31 год было изменено 105 различных статей. Как и во втором периоде, в статью 73 было внесено наибольшее количество поправок – 23. Статья 122, касающаяся функций и свойств Мехико, менялась 14 раз. Наконец, статьи 105 и 116, в которых излагаются функции судебной власти и разделение властей внутри государства (исполнительной, законодательной и судебной), изменялись 11 раз. Во время третьего периода 27 статей были изменены только один раз (из общего числа 105, или 27,61%).

На основании данного сравнительного анализа можно отметить увеличение количества исправленных статей со следующей классификацией в соответствии с их частотой в каждом периоде:

А) Функции государства: с 5 основными статьями (75, 79, 83, 84 и 89) в первом периоде, 2 основными статьями (73 и 27) во втором периоде и 2 основными статьями (73 и 105) в третьем периоде.

Б) Конфигурация государства: с 1 основной статьей (45) в первом периоде и 2 основными статьями (122 и 106) в третьем периоде.

В) Права граждан: по 1 основной статье (123) для первого и второго периодов.

Данная классификация дает представление о функциях поправок в поддержку растущей сложности института государства, однако она не демонстрирует конкретных целей, стоящих за конституционными изменениями, внесенными в разные президентские сроки.

Основываясь на результатах данного исследования, можно проследить тенденцию к большему количеству изменений в меньшем количестве статей, что предполагает более точный подход к внесению изменений в конституцию в областях, требующих постоянной адаптации. Несмотря на это, последние конституционные поправки включают статьи, которые

оказывают незначительное влияние на общее развитие нации и общественное мнение. Это очевидно из поправок, внесенных в статьи 3, 5, 24 и 130, касающиеся отношений между церковью и государством, в 1992 году, учитывая, что эти статьи никогда не исполнялись в полном объеме.

Возможное объяснение заключается в том, что во время третьего периода государству необходимо было внести поправки в большое количество статей, чтобы идти в ногу со своим собственным развитием, одновременно декларируя определенные позиции и процедуры, требуемые со стороны международных организаций. Чтобы упростить этот процесс, в группы статей вносятся поправки одновременно в контексте «комплексных реформ» с общей темой, несмотря на то, что на самом деле они преследуют широкий спектр целей.

Преобладание таких поправок в третьем периоде очевидно: с 1990 по 2021 годы была проведена 21 комплексная реформа с общим количеством 175 статей. Это значительное увеличение по сравнению со вторым эпизодом, включающим 8 комплексных реформ и внесение изменений в 175 статей с 1990 по 2021 годы. Таким образом, исходя из их содержания, определяются основные цели конституционных поправок: укрепление государственных институтов (как видно из статей 75, 79, 83, 84, 89, 105, 125 и 116), повышение институциональной совместимости с иностранными организациями (как показано в статьях 5, 27 и 123) и объединение государства для более сбалансированной власти (как видно из статьи 112).

Такой вывод поддерживается Уллоа (1983), поскольку он утверждает, что Конституция Мексики служит правовой основой для внутренней организационной трансформации страны, намерения которой отражены в разные периоды⁶⁹. Наиболее важными из поправок, согласно Кану (2018), являются конституционные поправки в начале девяностых годов, которые

⁶⁹ Ulloa, B. Historia de la Revolución Mexicana, período 1914-1917: La Constitución de 1917 // El Colegio de Mexico. – 1983 – No. 4 – С. 493-538

интегрировали Мексику в остальной мир⁷⁰. Можно утверждать, что на решение мексиканского правительства провести эти поправки повлияло правильное понимание контекста, поскольку, как утверждает Уэрта Гонсалес (1991)⁷¹, международная реструктуризация капитализма привела к интеграции Мексики, что, согласно Питерсу и Киму (1992)⁷², в конечном счете, изменило характер и документы мексиканского государства.

2.4 Российские и мексиканские институциональные субъекты в контексте конституционных поправок

Относительно субъектов, стоящих за внесением изменений в конституций, ситуация следующая: в Конституции РФ в главе 9 говорится, что Президент, Председатель Правительства, главы региональных законодательных органов субъектов Российской Федерации, а также группы, состоящие не менее чем из одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, могут предлагать изменения и дополнения. Таким образом, согласно статье 136, поправки к главам 3, 4, 5, 6, 7 и 8 вносятся в рамках законов, отражающих их назначение. Каждая поправка (в формате закона) затем утверждается парламентом и региональными законодательными органами. Напротив, в статье 135 говорится, что главы 1, 2 и 9 могут быть изменены только путем принятия новой Конституции Конституционным собранием России или всенародным голосованием. В Мексике, согласно статье 135 (измененной в 2016 году), Президент, депутаты и сенаторы, а также законодательные органы каждого штата могут представлять Конгрессу предложения по внесению поправок в Конституцию. Предложения проходят период рассмотрения и внесения изменений и утверждаются, если за них проголосуют не менее двух третей

⁷⁰ Kan, J. El Modelo de integracion regional asociado a las reformas neoliberales: un analisis de las iniciativas regionales de los años noventa y de la coyuntura actual // Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales. – 2018 – No. 12 – C. 14-42

⁷¹ Huerta González, A. Consideraciones al tratado Norteamericano de Libre Comercio // Investigación Económica. – 1991 – No. 50 – C. 327-368

⁷² Dussel Peters, E., Kim, K. S. De la liberalizacion commercial a la integracion economica: el caso de Mexico // Investigación Económica. – 1992 – No. 51 – C. 141-198

депутатов и если большинство региональных конгрессов одобряют изменения. Наконец, Президент подписывает и публикует конституционные поправки.

Несмотря на децентрализованную систему конституционных поправок, можно утверждать, что президент является центральной фигурой в отношении конституционных изменений в обеих странах. Например, Президент России был инициатором конституционных изменений 2008, 2014 и 2020 годов, точно так же Президент Мексики предлагал все комплексные реформы.

Влияние Президента Мексики широко обсуждается в научной литературе. Так, Руис Перес (2011) утверждает, что в то время как институциональная структура определяет действующих лиц, а конституционные рамки определяют результаты политики, Президент играет ключевую роль в установлении динамики направлений развития страны⁷³. Руссо (2001) заявил, что Конституция Мексики изначально была создана на основе соглашения между вооруженными группировками о разделе власти, однако эволюция страны привела к усилению президентских полномочий⁷⁴. Таким же образом Арройо Гарсия (2014) утверждает, что Конституция 1917 года расширила полномочия судебной власти, в то время как Президент приобретал власть постепенно в соответствии с различными политическими контекстами страны⁷⁵.

Что касается эффективности конституционных поправок, Гаррига и Дуарте Ортис (2014) пришли к выводу, что конституционные поправки являются основным инструментом Мексики (и других латиноамериканских стран) для осуществления наиболее важных мер, от экономической политики до государственного управления⁷⁶. Однако, как утверждает Негретоо (2010),

⁷³ Ruiz Pérez, A. Los factores internos de la política exterior mexicana: Los sexenios de Carlos Salinas y Vicente Fox // Foro Internacional. – 2011 – No. 51 – С. 304-335

⁷⁴ Rousseau, I. México: ¿Una revolución silenciosa? Élités gubernamentales y proyecto de modernización (1970-1995) // El Colegio de Mexico. – 2001 – No. 2 – С. 41-78

⁷⁵ Arroyo García, I. El Nuevo diseño de poderes en el constituyente mexicano, 1916-1917: coaliciones parlamentarias y poder judicial // México a la luz de sus revoluciones. – 2014 – No. 2 – С. 253-292

⁷⁶ Garriga, A. C., Duarte Ortiz, H. Delegación de autoridad para emitir decretos: instrumentos para comparar su amplitud y análisis de casos latinoamericanos // Política y Gobierno. – 2014 – No. 21 – С. 201-232

нет никаких доказательств того, что конституционные реформы в Латинской Америке усиливают или ослабляют качество государства, но они однозначно ведут к централизации и успешной реализации президентских инициатив⁷⁷. Таким образом, предполагается, что основной целью конституционных поправок в обеих странах является создание набора функций и механизмов для выполнения политической повестки дня, установленной соответствующим президентом.

Несмотря на то, что контекст, цель и механизмы, стоящие за конституционными поправками в обеих странах, сильно различаются, группы статей изменяются в рамках «тематических» законов в России и «тематических» комплексных реформ в Мексике. В рамках тематических направлений конституционные поправки, предложенные Президентом Мексики, с большей вероятностью будут поддержаны на фоне регионального распределения власти (в отношении губернаторов разной политической принадлежности) и противоборствующих политических сил, контролирующих региональные законодательные органы. Это подтверждается исследованиями Негретоо (2006), который пришел к выводу, что срочные предложения в рамках комплексных реформ могут привести к конституционным поправкам, даже если Президента и Конгресс поддерживают разные политические партии в Мексике⁷⁸.

Аналогичным образом переходные статьи, закрепленные в Конституции, ставят перед многочисленными институтами государства задачи по обеспечению выполнения всех конституционных статей в соответствии с их последними поправками двух типов. Первый тип состоит из 19 базовых статей, введенных во времена первоначальной Конституции 1917 года, с широкими указаниями относительно процедур и характеристик избирательных периодов в региональных и федеральных органах власти.

⁷⁷ Negretoo, G. La reforma politica en America Latina. Reglas electorales y distribucion de poder entre el Presidente y el Congreso // Desarrollo Económico. – 2010 – No. 50 – C. 197-221

⁷⁸ Negretoo, G. La reforma constitucional en México Apuntes para un debate futuro // Política y Gobierno. – 2006 – No. 13 – C. 361-392

Второй тип представляет из себя группу приложений (называемых статьями) к комплексным реформам с конкретными задачами для государственных органов. Например, точные сроки принятия национальным Конгрессом нового закона о сохранении водных ресурсов (внесение изменений в статью 4 в 2012 году) и создания многолетнего федерального бюджета на образование (внесение изменений в статьи 3 и 31 в 2012 году). Таким образом, обеспечивается выполнение норм государственными учреждениями до того, как в конституционные статьи и прилагаемые к ним переходные статьи вносятся поправки. На сегодняшний день в общей сложности было изменено 239 статей в рамках 63 комплексных реформ.

С этой целью на фоне президентской программы, в значительной степени незатронутой распределением власти, Мехико был предоставлен статус обычного штата (хотя и именуемого федеральным образованием). Таким образом, он получил контроль над своими политическими и судебными полномочиями от федерального правительства. Несмотря на то, что поправки к статье 122 в 1996 году разрешили выборы главы правительства (ранее назначаемого президентом), а также представителя недавно сформированного местного конгресса, последние изменения в статье в 2016 году были направлены на устранение оставшихся институциональных барьеров и повышение общей производительности города. Это было сделано с той целью, чтобы Мехико смог успешно конкурировать с другими мегаполисами на глобальном уровне.

Напротив, поправки к Конституции России задают общее направление развития нации, несмотря на их ограниченную частоту в условиях ограниченной политической оппозиции и сильных президентских полномочий. Таким образом, поправки к Конституции России кажутся противоречивыми: с одной стороны, переход и распределение власти ограничены из-за отсутствия значительной политической оппозиции, в то время как с другой стороны каждое изменение предоставляло Президенту все большее число полномочий. Логично утверждать, что конечной целью

конституционных изменений является повышение общего потенциала государства, однако в данной работе предполагается, что концентрация власти предназначена для обеспечения непрерывности процесса принятия решений в периоды, когда внешние силы представляют угрозу существованию государства.

Данное утверждение подкрепляется близостью российских конституционных изменений к внешним конфликтам, таким как ухудшение отношений, которое привело к выступлению Президента Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года, и война в Грузии в августе 2008 года с конституционными поправками от ноября 2008 года. Точно так же после государственного переворота на Украине в 2014 году последовали конституционные поправки, внесенные в феврале и июле того же года, и, наконец, последующее ухудшение отношений между Россией и рядом государств с поправками от июля 2020 года. Таким образом, поправки в российскую Конституцию были внесены в ожидании и как реакция на вызовы контекста.

Очевидна меняющаяся реакция российского правительства на внешние угрозы: от неприятия однополярного мира и пропаганды международного сотрудничества, экономического развития и дипломатии (президентская речь на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году)⁷⁹ до обеспечения физического существования государства военными средствами, как отметил Президент России, объявляя о начале Специальной военной операции в 2022 году.

Аналогичным образом следует учитывать, что конституционные поправки, касающиеся территориального состава страны, в значительной степени направлены на сохранение государства и усиление его реакции на внешние изменения. Можно утверждать, что провозглашение страны правопреемницей Советского Союза, а также основных элементов,

⁷⁹ Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10.02.2024)

определяющих русскую культуру в конституционных рамках, направлено на определение границ государства и его интересов (за пределами современных формальных границ) в соответствии с мнением русского населения, проживающего за рубежом. Таким образом, происходит руководство формированием правовых, политических, экономических и военных инструментов для их защиты интересов.

Выводы по главе

В ходе данного исследования делается вывод о том, что поправки к Конституции Мексики представляют собой меняющуюся структуру задач и приоритетов в зависимости от президентских сроков, оказывая общее влияние на региональных политических представителей (губернаторов и региональных конгрессов), несмотря на их политическую принадлежность, посредством бюджетов, стратегий и планов. Таким образом, конституционные поправки являются неотъемлемой частью функционирования мексиканского государства, сохраняя при этом распределение и ротацию власти.

Поправки к Конституции России устанавливают четкие рамки задач и приоритетов, определяемых институциональным распределением власти на всех уровнях государственного управления и закреплённых в Конституции руководящими принципами для решения конкретных задач, обеспечивая при этом единый ответ государства на все более сложную обстановку и достижение ожидаемых результатов.

Глава 3: Административный сравнительный анализ России и Мексики в рамках политического трансфера

В данной главе дается оценка эффективности и эволюции трансферной политики в отношении участия государства в экономике, аналогичным образом рассматриваются бюджетные и другие социально-экономические показатели для определения уровней централизации в каждой стране и роли динамики власти во влиянии на внесение конституционных поправок.

Чтобы избежать каких-либо политических и идеологических предубеждений, раздел основан на сравнении и интерпретации данных из официальных источников в отдельных разделах. Из-за отсутствия информации в настоящую работу не включены данные о новых субъектах Российской Федерации, включенных в 2022 году (Донецкая и Луганская Народные Республики, а также Запорожская и Херсонская области). Чтобы

унифицировать результаты по разным странам, данные ограничены 2020 годом.

3.1 Национальные показатели деятельности

Демографические и территориальные сравнения: Россия – самая большая страна в мире с площадью 17 098 246 км², Мексика – 13-я по величине страна в мире с площадью 1 943 945 км². Россия занимает 9-е место по численности населения в мире с населением 146 748 590 человек, Мексика занимает 10-е место по численности населения в мире с 127 792 286 человек (данные ООН)⁸⁰.

Основные различия между экономиками Мексики и России: по номинальному ВВП Россия занимает 11-е место в мире с 1,702 трлн долл. и 61-е место в мире с 11 601 долл. на душу населения. По номинальному ВВП Мексика занимает 15-е место с 1,322 трлн долл. США и 64-е место в мире с 10 405 долл. США на душу населения. По ВВП по паритету покупательной способности (ППС) Россия занимает 5-е место с 4,135 трлн долл. США и 50-е место в мире с 28 184 долл. США на душу населения. По ВВП по ППС Мексика занимает 11-е место в мире с 2,715 трлн долл. США и 64-е место с 21 362 долл. США на душу населения (данные МВФ)⁸¹.

С одной стороны, в России коэффициент Джини составляет 37,5, что является средним уровнем, а в Мексике он составляет 49,8 (высокий уровень). С другой стороны, Россия занимает 49-е место в мире по индексу развития человеческого капитала (ИРЧП) с коэффициентом 0,824 (очень высокий), а Мексика – 76-е место с коэффициентом 0,767 (высокий) (данные Всемирного банка)⁸².

⁸⁰ United Nations World Statistics Pocketbook 2016 [Электронный ресурс]. Department of Economic and Social Affairs (SDUN). Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/publications/pocketbook/files/world-stats-pocketbook-2016.pdf> (дата обращения: 4.7.2024).

⁸¹ World Economic Outlook Database 2020 [Электронный ресурс]. International Monetary Fund (IMF). Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (дата обращения: 10.7.2024)

⁸² GINI Index 2020 [Электронный ресурс]. World Bank Estimate 2020. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения: 8.7.2024)

Согласно чистой международной инвестиционной позиции, Россия является страной-кредитором, поскольку ее активы составляют 21,8% ВВП по ППС. Мексика является страной-должником, поскольку она владеет активами, равными 51,4% ее ВВП по ППС (данные МВФ)⁸³.

Россия занимает 5-е место в мире по запасам золота с 2298,7 тоннами золота и 4-е место по запасам иностранной валюты с 589 800 млн долл. США (данные Банка России)⁸⁴. Мексика занимает 30-е место в мире по величине золотых запасов со 120 тоннами золота и 15-е место по величине валютных резервов с 196 146 млн долл. США (данные Банка Мексики)⁸⁵.

Рассмотрим и некоторые другие различия между российской и мексиканской экономикой. Так, Россия имеет самые высокие запасы природного газа в мире – 50 617 км³, а Мексика занимает 42-е место в мире по запасам природного газа – 146 км³ (данные ОПЕК)⁸⁶.

Россия занимает 7-е место по запасам нефти в мире – 80 000 млн баррелей при добыче 11,5 млн баррелей в день, что эквивалентно 20% ВВП. Мексика имеет 19-е место по запасам нефти в мире с 6,538 млн баррелей при добыче 1,6 млн баррелей в день, что эквивалентно 2,2% ВВП по ППС при снижении с 35% ВВП за десятилетие (данные ОПЕК)⁸⁷.

Россия занимает 13-е место в мире по экспорту с 427 млрд долл. и 22-е место по импорту с 231 млрд долл. США при торговом балансе с положительным сальдо в размере 196 млрд долл. США. Мексика занимает 11-е место по экспорту с 441 млрд долл. США и 13-е место по импорту с 416

⁸³ IMF Data 2020 [Электронный ресурс]. International Monetary Fund (IMF) Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (дата обращения: 9.7.2024)

⁸⁴ International Reserves of the Russian Federation Database 2020 [Электронный ресурс]. Bank of Russia. Режим доступа: https://www.cbr.ru/eng/hd_base/mrrf/mrrf_7d/ (дата обращения: 2.7.2024)

⁸⁵ Data Template on International Reserves and Foreign Currency Liquidity 2020 [Электронный ресурс]. Bank of Mexico. Режим доступа: <https://www.banxico.org.mx/SieInternet/consultarDirectorioInternetAction.do?accion=consultarCuadro&idCuadro=CF456§orDescripcion=Banco%20de%20M%C3%A9xico&locale=en> (дата обращения: 14.7.2024)

⁸⁶ Natural gas proven reserves by country 2018 [Электронный ресурс]. Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). Режим доступа: https://asb.opec.org/data/ASB_Data.php (дата обращения: 2.8.2024)

⁸⁷ Annual Statistical Bulletin 2018 [Электронный ресурс]. Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). Режим доступа: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB%202018.pdf (дата обращения: 9.8.2024)

млрд долл. США при торговом балансе с положительным сальдо в размере 25,2 млрд долл. США (данные Всемирного банка)⁸⁸.

Согласно коэффициенту экономической сложности, Мексика занимает 19-е место в мире по степени диверсификации экономики, в то время как Россия находится на 64-м месте (данные Гарвардской лаборатории роста)⁸⁹.

На графике 2.1.1 показано, что сырая и рафинированная нефть, газ, уголь и пшеница являются пятью наиболее распространенными видами экспортных товаров в России. Основной экспорт Мексики – легковые автомобили, автомобильные запчасти, компьютеры, грузовики и телефоны. Если российский экспорт в основном состоит из сырьевых товаров, то мексиканский экспорт более технологичен.

Крупнейшая статья российского экспорта оценивается в 134 млрд долл. США, а крупнейшая статья экспорта Мексики – в 50,7 млрд долл. США с разницей в 83,3 млрд долл. США в пользу России. Вторая по величине статья экспорта в России и Мексике оценивается в 77,5 млрд долл. США и 30,1 млрд долл. США соответственно с разницей в 47,4 млрд долл. США в пользу России. Российская и мексиканская пятая по величине статья экспорта оценивается в 10,7 и 16,7 млрд долл. США соответственно с разницей в 6 млрд долл. США в пользу Мексики.

Основными импортируемыми товарами в России являются автомобили, автомобильные запчасти, упакованные медикаменты, радиовещательное оборудование и самолеты. Пятерку крупнейших импортируемых товаров в Мексике составляют нефтепродукты, автомобильные запчасти, автомобили, компьютеры и различное оборудование. Соответственно, главные импортируемые товары в России и Мексике схожи по категориям и сложности производства.

⁸⁸ Exports and Imports of Goods and Services (% of the GDP) 2019 [Электронный ресурс]. World Bank. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> (дата обращения: 15.8.2024)

⁸⁹ Complexity Rankings - Atlas of Economic Complexity 2020 [Электронный ресурс]. Harvard' Growth Lab Viz Hub. Режим доступа: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 10.7.2024)

Крупнейшие статьи российского и мексиканского импорта оцениваются в 10,2 млрд долл. США и 31,3 млрд долл. США с разницей в 21,1 млрд долл. США в пользу Мексики. Вторые по величине статьи импорта России и Мексики оцениваются в 8,26 и 27,4 млрд долл. США соответственно при разнице в 19,14 млрд долл. США в пользу Мексики. Пятерка крупнейших импортируемых товаров России и Мексики оценивается в 5,39 и 7,49 млрд долл. США соответственно с разницей в 2,1 млрд долл. США в пользу Мексики.

Относительно экономической сложности России и Мексики и деятельность государства ситуация следующая. На графике 2.1.1 показано, что пятерку крупнейших стран-покупателей товаров из России составляют Китай, Нидерланды, Германия, Беларусь и Италия. В первую пятерку стран-покупателей товаров из Мексики входят США, Канада, Германия, Китай и Япония.

Беларусь – единственная страна в пятерке стран-покупателей, которая имеет общую границу с Россией. Россия и Беларусь являются участниками Договора о Союзном государстве и Евразийского экономического союза. Три страны из первой пятерки российского импорта являются частью Европейского Союза и подпадают под действие двустороннего соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Россией (данные Министерства экономического развития Российской Федерации)⁹⁰.

Соединенные Штаты Америки – единственная страна в пятерке крупнейших стран-покупателей Мексики, которая имеет с ней общую границу. Мексика, Соединенные Штаты Америки и Канада являются частью североамериканского торгового соглашения Т-МЕС. Мексика и Германия являются частью соглашения TLCUM между Мексикой и Европейским Союзом. Россия и Мексика вступили во Всемирную торговую организацию в

⁹⁰ Economic Indicators 2020 [Электронный ресурс]. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Режим доступа: <https://en.economy.gov.ru/material/activities/macroeconomics/> (дата обращения: 5.8.2024)

2012 и 1995 годах соответственно (данные Министерства экономики Мексики)⁹¹.

Россия экспортирует товаров на 160 млрд долл. США в первую пятерку стран-покупателей, Мексика – на 378,5 млрд долл. США.

В первую пятерку стран-поставщиков России входят Китай, Германия, Беларусь, Италия и США. Основными странами-поставщиками Мексики являются Соединенные Штаты Америки, Канада, Германия, Китай и Япония.

Россия импортирует товаров на 106,4 млрд долл. США из своей первой пятерки стран-поставщиков, в то время как Мексика – 333,5 млрд долл. США.

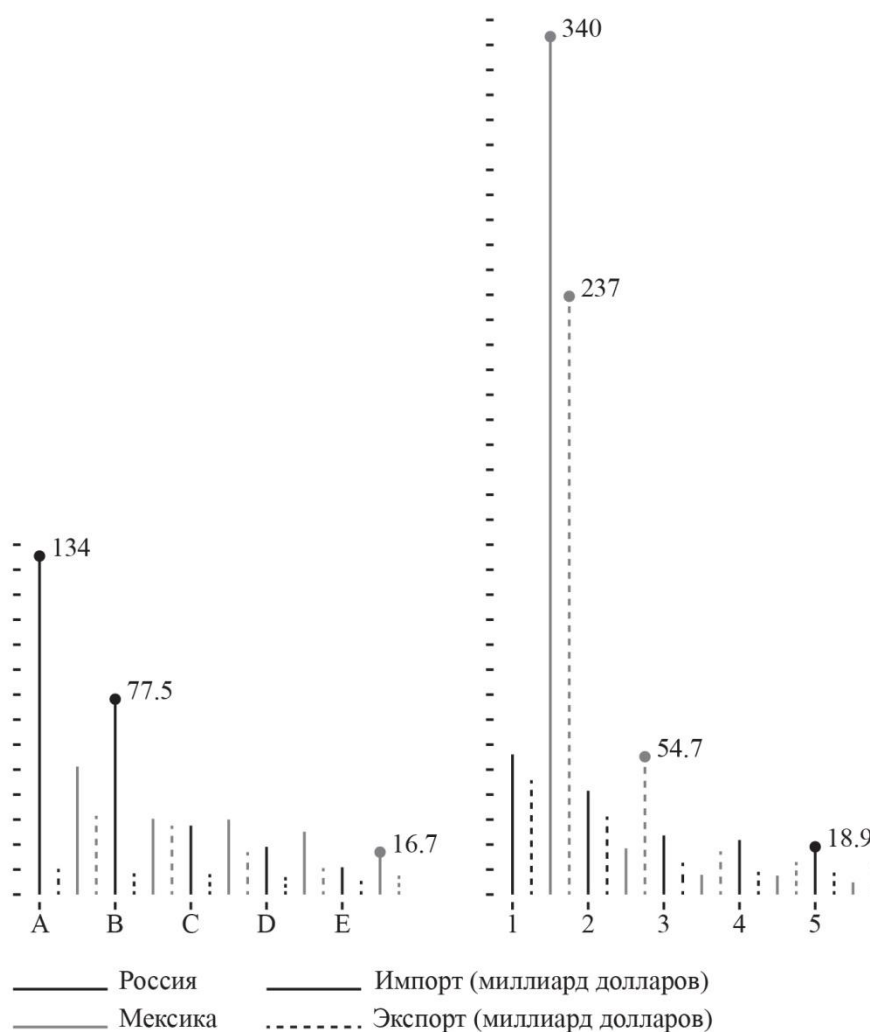

Диаграмма (2.1.1) (млрд долл. США*)

⁹¹ Indicadores Generales 2020 [Электронный ресурс]. Secretaría de Economía (México). Режим доступа: <https://www.cefp.gob.mx/indicadores/gaceta/2020/iescefp0202020.pdf> (дата обращения: 5.3.2024)

Экспорт: Россия (А) нефть 134*; (В) рафинированная нефть 77.5*; (С) газ 24.7; (D) уголь 18.9*; (Е) пшеница 10.7. Мексика (А) машины 50.7*; (В) автозапчасти 30.1*; (С) компьютеры 29.7*; (D) грузовики 25*; (Е) телефоны 16.7*.

Импорт: Россия (А) машины 10.2*; (В) автозапчасти 8.2*; (С) медикаменты 8.01*; (D) вещательное оборудование 6.9*; (Е) самолеты 5.39*. Мексика (А) рафинированная нефть 31.3*; (В) автозапчасти 27.4*; (С) механические компоненты 16.8*; (D) машины 10.5*; (Е) компьютеры 7.49*.

Экспорт по странам: Россия (1) Китай 55.2*; (2) Нидерланды 41*; (3) Германия 23.3*; (4) Беларусь 21.6*; (5) Италия 18.9*. Мексика (1) США 340*; (2) Канада 18.3*; (3) Германия 7.83*; (4) Китай 7.65*; (5) Япония 4.75*.

Импорт по странам: Россия (1) Китай 45.4*; (2) Германия 30.8*; (3) Беларусь 12.6*; (4) Италия 8.97*; (5) США 8.78*. Мексика (1) США 237*; (2) Китай 54.7*; (3) Германия 17*; (4) Япония 12.8*; (5) Южная Корея 12*.

Источники: Всемирный банк; Министерство экономического развития Российской Федерации; Министерство экономики Мексики.

Выводы

1. Пятерка лидеров российского и мексиканского экспорта отличается по степени технологического развития. Россия экспортирует товары, занимающие лидирующие позиции в своем классе, в то время как Мексика экспортирует произведенные на своей территории товары иностранных компаний.

Россия является основным мировым экспортером природного газа, пшеницы, мягкой древесины и занимает второе место в экспорте нефти, в то время как Мексика полагается на свою конкурентоспособную рабочую силу для производства сложных товаров. Российская и мексиканская экономики выигрывают от притока твердой валюты.

2. Российская и мексиканская пятерки основных товаров, ввозимых в страну, схожи по составу по разным причинам. Российский импорт автомобильных запчастей происходит в соответствии с определенным режимом промышленной сборки, который называется «мелкоузловой сборкой» или «сборкой CDK». Данный режим позволяет импортировать

компоненты по льготным ставкам таможенных пошлин, в то время как мексиканский импорт автомобильных запчастей интегрирован в ее экспортноориентированную промышленность⁹².

3. Пять основных показателей импорта и экспорта России и Мексики не в состоянии определить сложность российской и мексиканской экономик.

Объем российского товарного экспорта и мексиканское производство товаров иностранных компаний объясняют несоответствие индекса экономической сложности, согласно которому экономика Мексики позиционируется как значительно более сложная, чем экономика России.

4. Сальдо торгового баланса России сложилось положительным и составляет 196 млрд долл. США, в то время как в Мексике оно отрицательное: -25,5 млрд долл. США.

Несмотря на то, что показатели импорта и экспорта Мексики почти вдвое превышают показатели России, Россия имеет положительное сальдо торгового баланса с пятью ведущими странами-покупателями и странами-поставщиками в размере 53,6 млрд долл. США, в то время как Мексика имеет торговый баланс с отрицательным сальдо в размере 45,03 миллиарда долларов.

Россия поддерживает единый уровень импорта и экспорта. Первое место по экспорту отличается от второго места на 14,2 млрд долл. США, а первое место отличается от последнего на 36,3 млрд долл. США. Первое место по импорту отличается от второго места на 14,6 млрд долл. США, а первое место отличается от последнего на 36,5 млрд долл. США. В Мексике этот параметр экспорта и импорта переменчивый и плавающий. Первое место по экспорту отличается от второго места на 321,7 млрд долл. США, а верхняя позиция отличается от нижней позиции на 335,25 млрд долл. США.

⁹² Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ, Министерства промышленности и энергетики РФ и Минфина РФ № 73/81/58н от 15 апреля 2005 г. Приказом Минэкономразвития РФ, Минпромэнерго РФ и Минфина РФ от 15 апреля 2005 утвержден порядок, определяющий понятие «промышленная сборка» и устанавливающий применение данного понятия при ввозе на территорию Российской Федерации компонентов для производства моторных транспортных средств товарных позиций 8701-8705 ТН ВЭД, их узлов и агрегатов. Данным приказом введены ограничения на возможность ввоза компонентов для промышленной сборки с таможенной пошлиной 0%.

Первое место по импорту отличается от второго места на 182,3 млрд долл. США, а первое место отличается от последнего на 225 млрд долл. США.

Тот факт, что Россия имеет более стабильную стратегию импорта и экспорта, чем Мексика, подтверждается следующими наблюдениями. Пятое место России по экспорту соответствует 18,9 млрд долл. США, что несколько выше, чем второе место Мексики по экспорту. Пятое место России по объему импорта соответствует 8,78 млрд долл. США, что несколько выше, чем последнее место Мексики.

5. Таким образом, ведущие импортные и экспортных показатели России и Мексики не могут продемонстрировать реальный размер экономик данных стран.

Экономика России и экономика Мексики по-разному реагируют на мировой рынок из-за разного уровня участия государства. С одной стороны, российское правительство регулирует соотношение экспорта и импорта по странам посредством преференциальных соглашений в соответствии со своей геостратегической повесткой дня. С другой стороны, мексиканская экономика чрезмерно полагается на свою конкурентоспособную рабочую силу и динамику американского рынка без участия мексиканского правительства.

3.2 Политическая система и централизация

Территориальные и демографические соображения: по плотности населения Россия занимает 225-е место в мире и составляет 8,4 человека на квадратный километр. По этому критерию Мексика занимает 142-е место в мире с 61 человеком на квадратный километр (данные ООН).

На графике 2.2.1 показано, что в пятерку крупнейших населенных пунктов России входят Московский столичный регион, города Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург и Казань. Пятью основными населенными пунктами Мексики являются столичный регион города Мехико, города Монтеррей, Гвадалахара, Пуэбла и Хуарес.

Мексика имеет несколько более высокий уровень концентрации населения в своих основных пяти населенных пунктах, чем Россия.

В России в пяти основных населенных пунктах проживает 30,5 млн человек, что составляет 20,781% от общей численности населения. В пяти основных населенных пунктов Мексики насчитывается совокупно 35 млн человек, что соответствует 27,386% от общей численности населения.

Распределение власти: бюджет России составляет 261,128 млрд долл. США, в то время как бюджет Мексики насчитывает -28,272 млрд долл. США (данные МВФ). График 2.2.1 иллюстрирует сравнение бюджета и численности населения пяти основных населенных пунктов России и Мексики. Представляется очевидным, что Россия и Мексика имеют несопоставимую концентрацию бюджета по основным населенным пунктам.

Пять главных городов России имеют совокупный бюджет в размере 35,298 млрд долл. США, что соответствует 13,517% от общего бюджета страны. Пять главных городов Мексики имеют совокупный бюджет в размере 12,918 млрд долл. США, что соответствует 45,696% от общего бюджета страны.

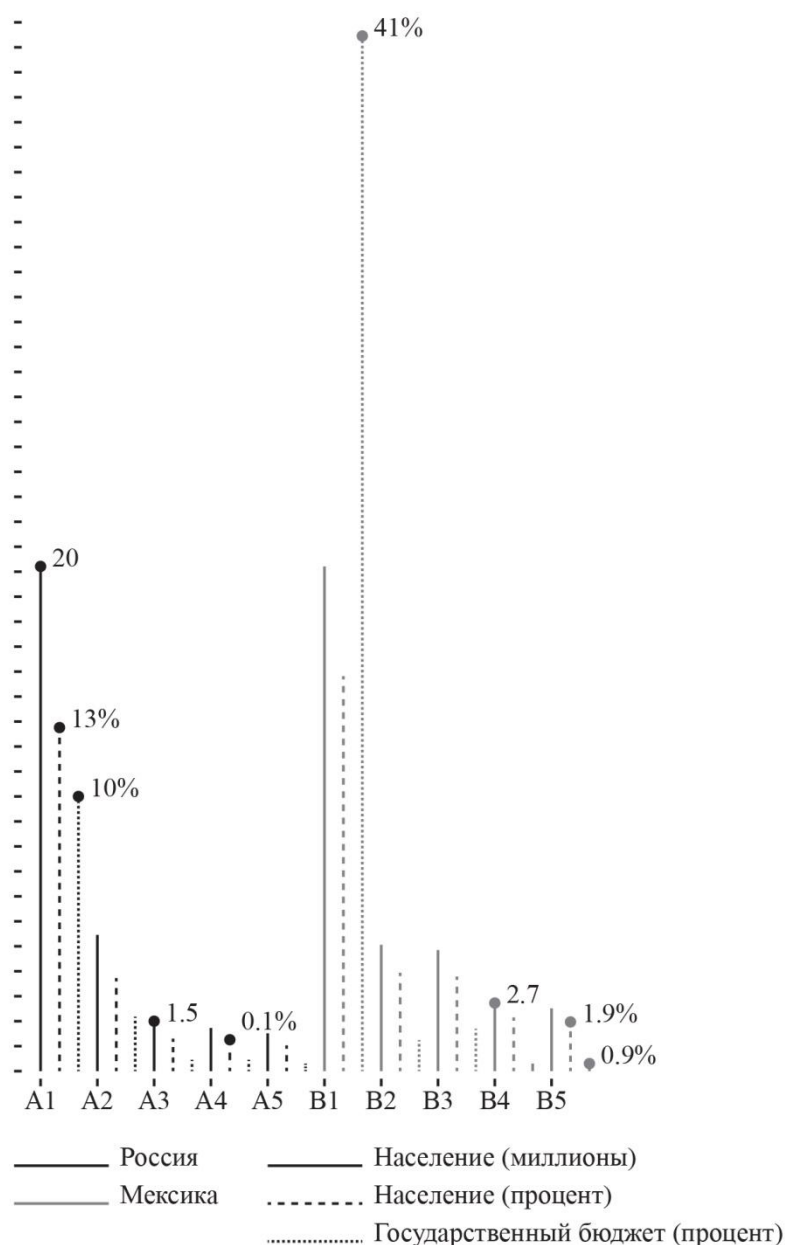

Диаграмма (2.2.1) (млн человек*) (миллиард долларов**)

Население крупных городских агломераций: Россия (A1) Москва 20* 13.628%; (A2) Санкт-Петербург 5.4* 3.679%; (A3) Новосибирск 1.9* 1.294%; (A4) Екатеринбург 1.5* 1.022%; (A5) Казань 1.7* 1.158% Мексика (B1) Мехико 20* 15.650%; (B2) Монтеррей 5* 3.912%; (B3) Гвадалахара 4.8* 3.756%; (B4) Пуэбла 2.7* 2.112%; (B5) Хуарес 2.5* 1.956%.

Бюджет основных городских агломераций: Россия (A1) Москва 28.410** 10.88%; (A2) Санкт-Петербург 5.669** 2.17%; (A3) Новосибирск 0.454** 0.174%; (A4) Екатеринбург 0.443** 0.17%; (A5) Казань 24.964** 0.123%. Мексика (B1) Мехико 11.599** 41.029%; (B2) Монтеррей 0.347** 1.228%; (B3) Гвадалахара 0.474** 1.677%; (B4) Пуэбла 0.234** 0.828%; (B5) Хуарес 0.264** 0.934%.

Источники: Росстат⁹³; INEGI⁹⁴; МВФ; Минфин России⁹⁵; SAT⁹⁶.

⁹³ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 5.3.2024).

Сравнение численности населения столичных городов: с целью выявления причин централизации власти в России и Мексике на графике 2.2.2 сравниваются разные города с одинаковым населением.

Учитывая тот факт, что в столичных регионах рассматриваемых стран проживает по 20 млн человек, для сравнения выбраны следующие пять городов мира: Сан-Паулу с населением 22 млн человек, Каир с населением 19,4 млн человек, Пекин с населением 19,5 млн человек, Нью-Йорк с населением 20,9 млн человек и Гуанчжоу с населением 20,9 млн человек. Можно выявить некие колебания в показателях при сравнении общей численности населения и процентной доли от общей численности населения.

Население Москвы и Мехико по отношению к общей численности населения страны составляет 13,628% и 15,650% соответственно. Из городов с аналогичным населением только Сан-Паулу близок к этому показателю с 10,501%. Несмотря на меньшую численность населения, в Мадриде проживает 6,5 млн человек, что составляет 13,829% от общей численности населения, а в Париже – 12,244 млн человек, что составляет 16% от общей численности населения.

Сравнительный анализ распределения богатства и производительности: на диаграмме 2.2.2 сравнивается процент ВВП по ППС и численности населения Москвы, Мехико, Сан-Паулу, Мадрида и Парижа. Различия в ВВП по ППС Москвы и Мехико и процентном соотношении населения выявляются при одновременном сравнении с Сан-Паулу, Мадридом и Парижем. В то время как на долю Москвы приходится 10,88% от ВВП по ППС, Мехико имеет самый высокий процент, который составляет 41,029%.

⁹⁴ Censo Población y Vivienda 2020 [Электронный ресурс]. Instituto Nacional de Estadística y Geografía (INEGI). Режим доступа: <https://www.inegi.org.mx/programas/ccpv/2020/#:~:text=El%20Censo%20de%20Poblaci%C3%B3n%20y,viviendas%20para%20obtener%20informaci%C3%B3n%20sobre> (дата обращения: 5.3.2024).

⁹⁵ Бюджеты субъектов Российской Федерации 2020 [Электронный ресурс]. Министерство финансов Российской Федерации. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/analysis/ (дата обращения: 2.2.2024).

⁹⁶ Presupuesto de Egresos de la Federación 2020 [Электронный ресурс]. Secretaría de Hacienda y Crédito Público (SAT). <https://www.ppef.hacienda.gob.mx/> (дата обращения: 7.2.2024).

Париж имеет второй по величине индекс с 30,9%, Сан-Паулу в два раза больше Москвы, но вдвое меньше Мехико с долей, равной 20% ВВП по ППС. Мадрид имеет самый близкий показатель к Москве с 12% ВВП (ППС). Один процент населения Москвы и Мехико производит 1,25% и 2,62% ВВП по ППС соответственно, в то время как это 1,90%, 0,86% и 1,87% для Сан-Паулу, Мадрида и Парижа соответственно.

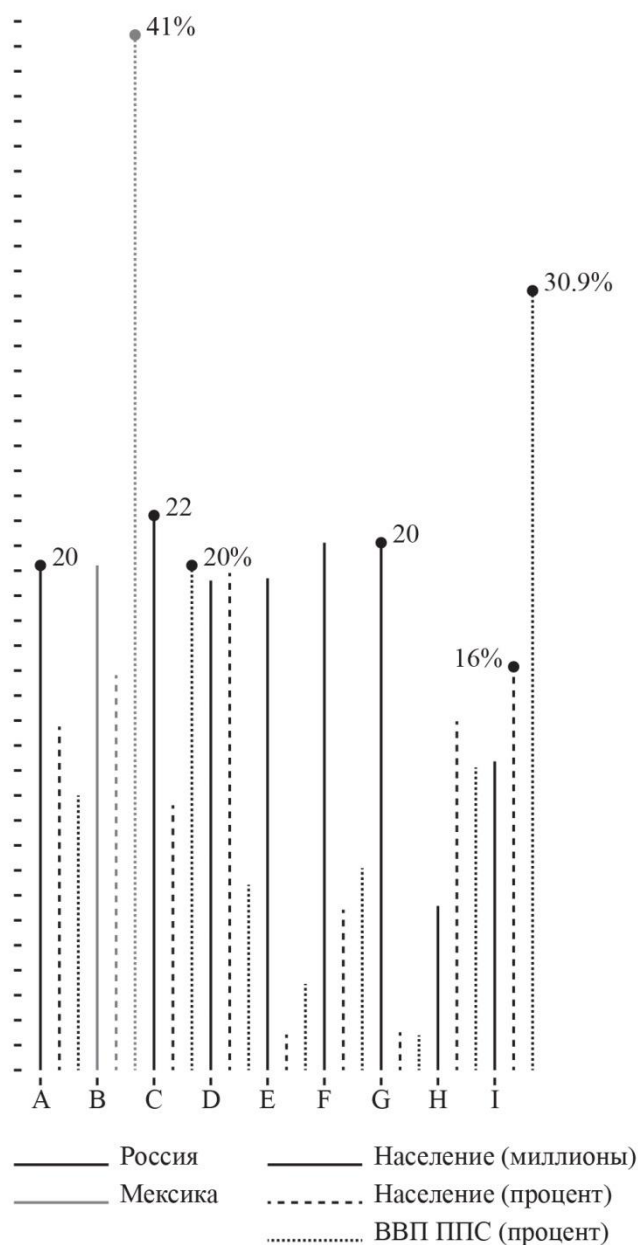

Диаграмма (2.2.2) (млн человек*)

Населения крупных городских агломераций: (A) Москва 20* 13.628%; (B) Мехико 20* 15.650%; (C) Сан-Паулу 22* 10.501%; (D) Каир 19.4* 19.71%; (E) Пекин 19.5* 1.399%; (F) Нью-Йорк 20.9* 6.368%; (G) Гуанчжоу 20.9* 1.5%; (H) Мадрид 6.5* 13.829%; (I) Париж 12.244* 16%.

ВВП по ППС процент крупных городских агломераций: (А) Москва 25.986%; (В) Мехико 20.861%; (С) Сан-Паулу 20%; (D) Каир 7.347%; (Е) Пекин 3.430%; (F) Нью-Йорк 8%; (G) Гуанчжоу 1.373%; (H) Мадрид 12%; (I) Париж 30.9%.

Источники: Росстат; INEGI; МВФ; Минфин России; SAT; EMPLASA⁹⁷; CAPMAS⁹⁸; NBS⁹⁹; USCB¹⁰⁰; INE¹⁰¹; INSEE¹⁰²; MF¹⁰³; MFE¹⁰⁴; MFPRC¹⁰⁵; OMB¹⁰⁶; MEC¹⁰⁷; MEEF¹⁰⁸.

Сравнение населения на международном уровне

Следует провести сравнительный анализ Мексики и России с такими странами, как Бразилия, Испания и Франция по причине схожих показателей населения и значений ВВП по ППС их столиц. Для сравнения в Бразилии рассматриваются следующие города: Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Сальвадор, Форталеза и Белу-Оризонти. Для сравнения в Испании анализируются такие города, как Мадрид, Барселона, Валенсия, Севилья и Бильбао. В качестве анализа во Франции берутся города Париж, Лион, Марсель, Тулуза и Лилль.

Отмечается неравенство в общей численности населения. Бразилия имеет самое большое население – 209,5 млн человек, Испания – самое низкое население с 46,9 млн человек. Во Франции проживает 66,99 млн человек.

⁹⁷ Região Metropolitana de São Paulo 2020 [Электронный ресурс]. Empresa Paulista de Planejamento Metropolitano (EMPLASA). Режим доступа: https://www.pdui.sp.gov.br/rmsp/?page_id=56 (дата обращения: 12.8.2024)

⁹⁸ Population Estimates 2020 [Электронный ресурс]. Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS). Режим доступа: <https://egypt.opendataforafrica.org/data#source=CAPMAS> (дата обращения: 5.3.2024)

⁹⁹ Statistical Database 2020 [Электронный ресурс]. National Bureau of Statistics of China. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 10.7.2024)

¹⁰⁰ Community Facts for New York City 2020 [Электронный ресурс]. United States Census Bureau (USCB). Режим доступа: <https://www.census.gov/quickfacts/newyorkcitynewyork> (дата обращения: 9.7.2024)

¹⁰¹ Municipal Register of Spain 2018 [Электронный ресурс]. National Statistics Institute (INE) (Spain). Режим доступа: https://www.ine.es/dyngs/INEbase/en/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254734710990 (дата обращения: 9.7.2024)

¹⁰² Official population estimation 2020 [Электронный ресурс]. National Institute of Statistics and Economic Studies (INSEE) (France). Режим доступа: <https://www.insee.fr/en/statistiques/2382597?sommaire=2382613> (дата обращения: 5.3.2024)

¹⁰³ Orçamento das cidades 2018 [Электронный ресурс]. Ministério da Fazenda (MF) (Brasil). Режим доступа: <http://www.portaltransparencia.gov.br/orgaos-superiores/56000-ministerio-das-cidades> (дата обращения: 5.3.2024)

¹⁰⁴ Cairo Metropolitan budget 2018 [Электронный ресурс]. Ministry of Finance (Egypt). Режим доступа: <https://www.mof.gov.eg/en/archive/stateGeneralBudget/general/State%20General%20Budget> (дата обращения: 5.3.2024)

¹⁰⁵ Budget Database 2020 [Электронный ресурс]. Ministry of Finance of the People's Republic of China. Режим доступа: http://www.mof.gov.cn/en/data/202011/t20201126_3630686.htm (дата обращения: 5.3.2024)

¹⁰⁶ New York City Budget 2020 [Электронный ресурс]. New York City Mayor's Office of Management and Budget (OMB). Режим доступа: <https://council.nyc.gov/budget/fy2020/> (дата обращения: 5.3.2024)

¹⁰⁷ Presupuestos Generales del Estado (PGE) 2020 [Электронный ресурс]. Ministerio de Economía y Competitividad (MEC). Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2020-17339> (дата обращения: 5.3.2024)

¹⁰⁸ City budgets data 2020 [Электронный ресурс]. Ministry of the Economy and Finance (MEFF) (France). Режим доступа: <http://fr-city.census.okfn.org/dataset/budget> (дата обращения: 5.3.2024)

Население Москвы и Мехико составляет 20 млн человек, что соответствует 13,528% и 15,650% от общей численности населения стран соответственно. Население Сан-Паулу больше, чем в Москве и Мексике, тем не менее в городе проживает 10,50% всего населения Бразилии. Мадрид и Париж имеют меньшую численность населения, чем Москва, Мехико и Сан-Паулу, тем не менее, они имеют более высокий процент населения – 13,847% и 16% соответственно.

Во-вторых по величине городах России и Мексики проживают 5,4 млн человек, что составляет 3,679% от общей численности населения страны, и 5 млн – 3,912% соответственно. Аналогичная ситуация возникает в Барселоне, где население составляет 5,2 млн человек. Тем не менее, город имеет наибольшую долю от общей численности населения, которая составляет 11,07%. Несмотря на то, что в Рио-де-Жанейро проживает 8 млн человек, а в Лионе лишь 2,31 млн, они имеют близкие показатели с Москвой и Мехико – 3,818% и 3,33% соответственно.

Пятые по величине населенные пункты России и Мексики насчитывают 1,7 млн человек, что составляет 1,158% от общей численности населения страны, и 2,5 млн человек – 1,956% от общей численности населения соответственно. Хотя пятые по величине населенные пункты Бразилии, Испании и Франции имеют меньшую численность населения, чем в России и Мексике, Бильбао и Лилль имеют аналогичное процентное соотношение населения – 1,917% и 1,76% от общей численности населения соответственно. Белу-Оризонти имеет более близкую общую численность населения с пятыми по величине российским и мексиканским населенными пунктами – 1,4 млн человек, что составляет 0,668% от общей численности населения.

Диаграмма 2.2.4 демонстрирует сравнение общей численности населения и процентной доли от общей численности населения России Мексики, Бразилии, Испании и Франции.

Можно отметить широкий разрыв между пятью городами с населением 20,2 млн человек и 17,1798% от общей численности населения. Бразилия имеет крупнейшие населенные пункты с общей численностью населения 36,8 млн человек. Основные населенные пункты Испании имеют самую низкую общую численность населения – 16,6 млн человек. Испания имеет в процентном отношении самую высокую численность населения в размере 35,361%, при этом Бразилия имеет самую низкую – 17,563%.

Население пяти крупнейших городов Бразилии немного превышают количество людей, проживающих в основных населенных пунктах Мексики на 1,8 млн человек. Доля населения Бразилии ниже, чем в России, на 3,218%.

Основные населенные пункты Франции имеют немногим более многочисленное население, чем города Испании, при этом оно составляет лишь половину населения России, Мексики и Бразилии. Процент населения Испании отличается от основных населенных пунктов России на 5,039%, а от основных населенных пунктов Мексики – на 1,566%.

Основные населенные пункты Испании имеют почти половину от общей численности населения Бразилии, Мексики и России, тем не менее страна имеет несколько большее население, чем Франция – на 2,22 млн человек. Доля населения Испании почти вдвое больше, чем в Бразилии, и почти на треть больше, чем в России, Мексике и Франции.

Сравнение благосостояния на международном уровне: на диаграмме 2.2.4 показан бюджет пяти основных населенных пунктов Бразилии, Испании и Франции. Бюджет Бразилии составляет 921,5 млрд долл. США, Испании – 559 млрд долл. США, Франции – 580 млрд долл. США.

Бразилия, Испания и Франция имеют равномерное распределение бюджета в своих пяти крупнейших населенных пунктах. Пять основных населенных пунктов Бразилии имеют совокупный бюджет в 39,7 млрд долл. США, что соответствует 8,61% от общего бюджета страны. Пять основных населенных пунктов Испании имеют совокупный бюджет в размере 26,155 млрд долл. США, что соответствует 4,678% от общего бюджета. Пять

основных населенных пунктов Франции имеют совокупный бюджет в размере 29,997 млрд долл. США, что соответствует 5,109% от общего бюджета.

В России и Мексике в пяти крупнейших населенных пунктах этот показатель имеет плавающий характер по отношению к Бразилии, Испании и Франции. Совокупный бюджет пяти основных населенных пунктов России ниже бразильского – 35,298 млрд долл. США и 39,7 млрд долл. США соответственно. Мексика имеет самый низкий совокупный бюджет пяти основных населенных пунктов – 12,918 млрд долл. США, уступая Испании с 26,155 млрд долл. США. Мексика и Россия имеют первый и второй по величине процент бюджета выше Бразилии с 45,696% от общего бюджета, 13,517% от общего бюджета и 8,61% от общего бюджета соответственно.

Сан-Паулу имеет самый высокий общий бюджет с 28 млрд долл. США, что составляет 3,038% от общего бюджета Бразилии. Париж имеет самый высокий процент бюджета, который равен 3,968% и составляет 23,375 млрд долл. США. Рио-де-Жанейро имеет самый высокий бюджет второго места в рассматриваемой группе городов по общему количеству и проценту с 5,7 млрд долл. США и 0,618% от общего бюджета Бразилии. Лилль имеет самый низкий общий бюджет и процент с 0,493 млрд долл. США и 0,085% от общего бюджета Франции.

Сравнивая Мексику и Россию с группой, отметим, что Москва имеет самый высокий общий бюджет группы – 28,4 млрд долл. США при 10,88% российского бюджета. Мексика имеет самый большой процент бюджета группы с 41,029% и 11,599 млрд долл. США.

Санкт-Петербург и Рио-де-Жанейро делят первое место среди вторых по величине населенных пунктов с 5,7 млрд долл. США и 0,618% и 2,17% от общего размера бюджета России и Бразилии соответственно.

Хуарес и Казань имеют самый низкий бюджет группы – 0,264 млрд долл. США и 0,322 млрд долл. США соответственно, с 0,934% и 0,123% от бюджетов Мексики и России соответственно. Лилль имеет самый низкий

процент бюджета группы с 0,085% от бюджета Франции. Казань имеет второй самый низкий процент в группе с 0,123% от бюджета России.

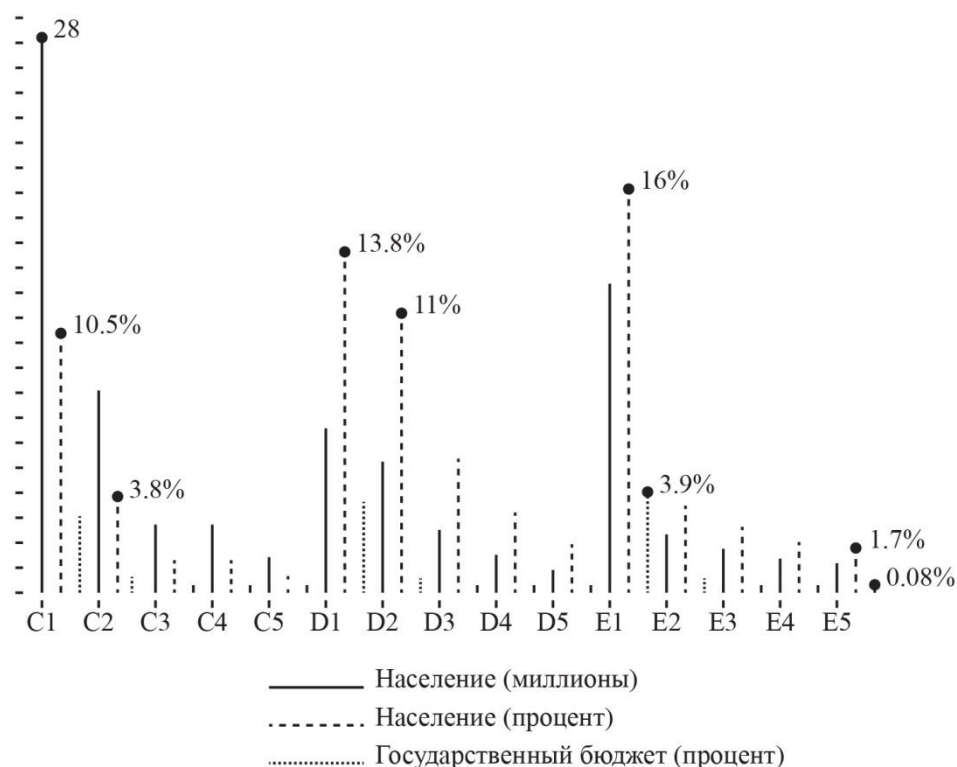

Диаграмма (2.2.4) (млн человек*) (млрд долл. США**)

Населения крупных городских агломераций: Бразилия (C1) Сан-Паулу 22* 10.501%; (C2) Рио-де-Жанейро 8* 3.818%; (C3) Сальвадор 2.7* 1.288%; (C4) Форталеза 2.7* 1.288%; (C5) Бело Оризонте 1.4* 0.668%. Испания (D1) Мадрид 6.5* 13.847%; (D2) Барселона 5.2* 11.077%; (D3) Валенсия 2.5* 5.325%; (D4) Севилья 1.5* 3.195%; (D5) Бильбао 0.9* 1.917%. Франция (E1) Париж 12.24* 16%; (E2) Лион 2.31* 3.448%; (E3) Марсель 1.75* 2.612%; (E4) Тулуза 1.34* 2%; (E5) Лилль 1.18* 1.76%.

Бюджет основных городских агломераций: Бразилия (C1) Сан-Паулу 28** 3.038%; (C2) Рио-де-Жанейро 5.7** 0.618%; (C3) Сальвадор 2.3** 0.249%; (C4) Форталеза 2.1** 0.227%; (C5) Бело Оризонте 1.6** 0.173%. Испания (D1) Мадрид 20.072** 3.59%; (D2) Барселона 3.15** 0.564%; (D3) Валенсия 1** 0.179%; (D4) Севилья 1.22** 0.218%; (D5) Бильбао 0.713** 0.127%. Франция (E1) Париж 23.374** 3.968%; (E2) Лион 3.47** 0.598%; (E3) Марсель 1.8** 0.312%; (E4) Тулуза 0.850** 0.146%; (E5) Лилль 0.498** 0.085%.

Источники: Росстат; INEGI; МВФ; Минфин России; SAT; EMPLASA; NBS; INE; INSEE; MF; MFPRC; MEC; MEEF.

Выводы

1. Пять крупнейших населенных пунктов Мексики несколько больше российских по общей численности и по отношению к проценту от общей численности населения страны.

Мексика и Россия имеют схожие варьирующиеся показатели численности населения. Самый крупный населенный пункт России отличается от второго на 14,6 млн человек. Самый крупный населенный пункт России отличается от своего пятого на 18,3 млн человек. Самый большой населенный пункт Мексики отличается от второго на 15 млн человек. Самый крупный населенный пункт Мексики отличается от своего пятого на 17,5 млн человек.

В то время как пять крупнейших населенных пунктов России имеют бюджет почти в три раза больше, чем пять крупнейших населенных пунктов Мексики, пять крупнейших населенных пунктов Мексики имеют почти в четыре раза больший процент бюджета, чем Россия.

С одной стороны, в Мексике более заметна централизация бюджета, чем в России. Бюджет главного населенного пункта России отличается от второго по величине на 22,471 млрд долл. США, что соответствует 8,71% от общего бюджета. Бюджет главного населенного пункта России отличается от пятого по величине на 28,088 млрд долл. США, что соответствует 10,757% от общего бюджета.

Бюджет главного населенного пункта Мексики отличается от второго города по величине на 11,252 млрд долл. США, что соответствует 40,095% от общего бюджета. Бюджет главного населенного пункта Мексики отличается от пятого на 11,335 млрд долл. США, что соответствует 40,095% от общего бюджета.

С другой стороны, хотя бюджеты Мехико и Москвы различаются почти в четыре раза по отношению к проценту от общего бюджета, по общим данным Москва располагает бюджетом только в два раза больше Мехико.

Бюджет Москвы составляет 28,410 млрд долл. США, что соответствует 10,88% от общего бюджета при населении в 20 млн человек, что соответствует 13,628% от общей численности населения. Мехико имеет бюджет в 11,599 млрд долл. США, что соответствует 41,029% от общего

бюджета с 20 млн человек, что соответствует 15,650% от общей численности населения.

3. Население России и Мексики сопоставимо с населением Бразилии, Испании и Франции.

Численность населения основных мегаполисов России и Мексики соизмеримо с населением городов Бразилии, Испании и Франции. Процент населения Москвы и Мехико находится на том же уровне, что и в Сан-Паулу, Мадриде и Париже. Население российских городов за пределами Москвы пропорционально Бразилии, Испании и Франции, в то время как мексиканские провинции населяет в два раза большее количество жителей.

4. Бюджеты основных населенных пунктов России и Мексики превосходят бюджеты городов Бразилии, Испании и Франции.

Процент от общего бюджета страны, приходящийся на основные мегаполисы в Мексике и России, намного выше, чем в Бразилии, Испании и Франции – в три и десять раз соответственно.

Москва и Мексика имеют бюджетный процент, превышающий диапазон Сан-Паулу, Мадрида и Парижа в три и десять раз соответственно.

Российские и мексиканские города за пределами Москвы и Мехико имеют более высокую долю от общего бюджета страны, чем в Бразилии, Испании и Франции. Совокупный бюджет российских городов превышает вдвое бюджеты городов рассматриваемых стран, в то время как Мехико имеет бюджет почти в четыре раза больше любой группы городов рассматриваемых стран.

5. Показатели ВВП Москвы и Мехико не носят регулярного характера. Мехико имеет самый высокий размер ВВП по ППС группы с 41,029% от общего ВВП по ППС Мексики. В то же время Москва имеет самый уровень ВВП по ППС рассматриваемой группы в размере 10,880% от общего ВВП по ППС России. Данный показатель в Сан-Паулу, Мадриде и Париже составляет 20% ВВП по ППС, 12% ВВП по ППС и 30,9% ВВП по ППС от общего размера бюджета этих стран соответственно.

6. Доля общего бюджета стран, которая выделяется на столицы России и Мексики, значительно превышает показатели других рассматриваемых столичных городов мира.

Бюджет Парижа составляет 3,968% при ВВП по ППС в размере 30,9%. Аналогичные соотношения зарегистрированы в Сан-Паулу и Мадриде. В этих городах разбираемые коэффициенты равны 3,038% и 3,59% от общего размера бюджета при 20% ВВП по ППС и 12% ВВП по ППС Бразилии и Испании соответственно.

С одной стороны, конкуренция между крупными мегаполисами мира обосновывает более высокие бюджетные показатели. С другой стороны, данные по Москве и Мехико отличаются по ряду других причин.

Правительство Москвы инвестирует значительную часть своего бюджета в развитие инфраструктуры, транспорта и финансовых услуг в других городах страны при посредстве деятельности целой обширной сети государственных компаний. В то же время бюджет Мехико полностью тратится на самообеспечение города, в то время как федеральные и частные инвестиции направлены на развитие крупномасштабных инфраструктурных проектов.

3.3 Дополнительное сопоставление политической системы России и Мексики

Административное деление: в России 85 субъектов федерации: 48 областей с местными выборными губернаторами и законодательными органами, 24 республики, имеющие собственную конституцию, с местными выборными главами правительства и законодательными органами, 9 краев, 4 автономных округа, 1 автономная область, 3 города федерального значения и 8 федеральных округов во главе с руководяще-координирующим органом в виде Полномочного представителя Президента РФ. В Мексике насчитывается 32 административных подразделения: город Мехико и 31 штат с местным выборным губернатором и разделением судебной и

законодательной властей и единой конституцией, идентичной федеральному документу.

Население, развитие и производительность труда субъектов Российской Федерации: на графике 2.3.1 показана классификация субъектов в соответствии с показателем ИРЧП. 34 субъекта демонстрируют очень высокий уровень развития в диапазоне 0,800-0,824, на их территорию приходится 39,062% населения с показателем ВВП по ППС, равным 28,824%. 19 субъектов демонстрируют очень высокий уровень развития в диапазоне 0,825-0,874, на их территорию приходится 29,062% населения с показателем ВВП по ППС, равным 22,977%. 17 субъектов демонстрируют высокий уровень развития в диапазоне 0,775-0,799 874, на их территорию приходится 20% населения с показателем ВВП по ППС, равным 4,519%. Москва находится в диапазоне 0,925-0,950 с 7,184% населения и показателем 21,042% ВВП по ППС.

Население, развитие и производительность мексиканских штатов: на графике 2.3.1 показана классификация штатов Мексики в соответствии с показателем ИРЧП. 11 штатов демонстрируют высокий уровень развития в диапазоне 0,775-0,799, на их территорию приходится 61,4% населения с показателем ВВП по ППС, равным 68,996%. 6 штатов демонстрируют очень высокий уровень развития в диапазоне 0,800-0,824, на их территорию приходится 20,6% населения с показателем ВВП по ППС, равным 30,46%. 5 штатов демонстрируют высокий уровень развития в диапазонах 0,700-0,724 и 0,725-0,749, на их территорию приходится 7,7% и 15% населения с показателем ВВП по ППС, равным 15,928% и 16,373% соответственно. Мехико расположен в диапазоне 0,875-0,899 с 17,5% населения и ВВП по ППС в размере 7,410%.

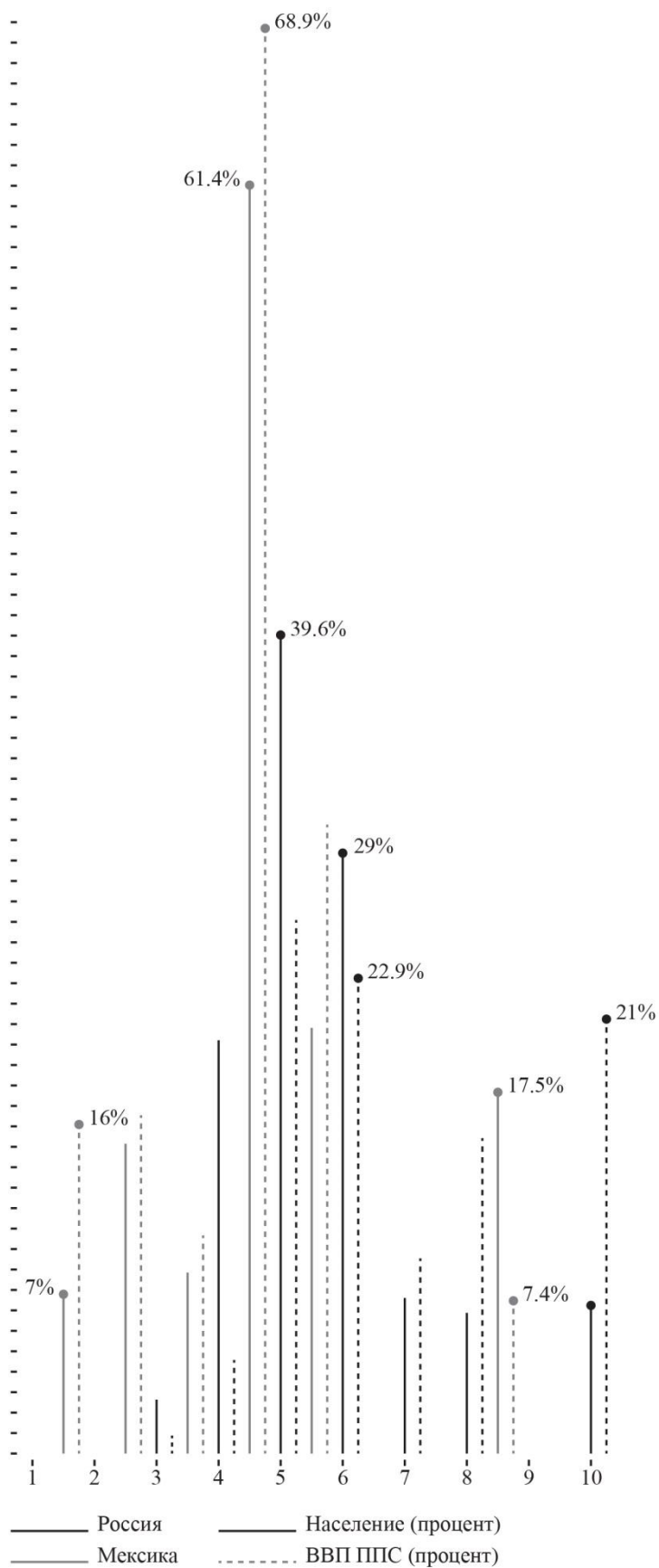

Диаграмма (2.3.1)

Население по данным ИРЧП: Россия (1) 0.700-0.724, 0 субъект федерации 0%; (2) 0.725-0.749, 0 субъект федерации 0%; (3) 0.750-0.774, 4 субъекты федерации 2.596%; (4) 0.775-

0.799, 17 субъекты федерации 20.018%; (5) 0.800-0.824, 34 субъекты федерации 39.628%; (6) 0.825-0.849, 19 субъекты федерации 29.062%; (7) 0.850-0.874, 6 субъекты федерации 7.516%; (8) 0.875-0.899, 4 субъекты федерации 6.825%; (9) 0.900-0.925, 0 субъект федерации 0%; (10) 0.925-0.949, 1 субъект федерации 7.184%. Мексика (1) 0.700-0.724, 5 штаты 7.7%; (2) 0.725-0.749, 5 штаты 15%; (3) 0.750-0.774, 4 штаты 8.757%; (4) 0.775-0.799, 11 штаты 61.4%; (5) 0.800-0.824, 6 штаты 20.6%; (6) 0.825-0.849, 0 штат 0%; (7) 0.850-0.874, 0 штат 0%; (8) 0.875-0.899, 1 штат 17.5%; (9) 0.900-0.925, 0 штат 0%; (10) 0.925-0.949, 0 штат 0%.

ВВП по ППС по данным ИРЧП: Россия (1) 0.700-0.724, 0%; (2) 0.725-0.749, 0%; (3) 0.750-0.774, 0.86%; (4) 0.775-0.799, 4.519%; (5) 0.800-0.824, 25.824%; (6) 0.825-0.849, 22.977%; (7) 0.850-0.874, 9.459%; (8) 0.875-0.899, 15.277%; (9) 0.900-0.925, 0%; (10) 0.925-0.949, 21.042%. Мексика (1) 0.700-0.724, 15.928%; (2) 0.725-0.749, 16.373%; (3) 0.750-0.774, 10.551%; (4) 0.775-0.799, 68.996%; (5) 0.800-0.824, 30.46%; (6) 0.825-0.849, 0%; (7) 0.850-0.874, 0%; (8) 0.875-0.899, 7.410%; (9) 0.900-0.925, 0%; (10) 0.925-0.949, 0%.

Источники: Росстат; INEGI; МВФ; Минфин России; SAT; ПРООН¹⁰⁹.

Население, развитие и производительность федеральных округов Российской Федерации: на графике 2.3.2 показано соотношение численности населения и ВВП по ППС федеральных округов России. Согласно представленным данным, распределение населения и процент ВВП по ППС являются равномерными.

Центральный федеральный округ имеет самую высокую численность населения – 26,474% населения России и самый высокий ВВП по ППС в размере 34,918% российского ВВП по ППС. Приволжский федеральный округ занимает второе место по численности населения – 20,593% населения России и второе место по ВВП по ППС с 14,731% от ВВП по ППС России. Дальневосточный федеральный округ имеет самый низкий процент населения – 5,765% населения России, занимая седьмое место по ВВП по ППС в размере 5,144% ВВП по ППС России. Северо-Кавказский федеральный округ занимает седьмое место по численности населения в размере 6,540% и самое низкое место по ВВП по ППС группы с 2,494% от российского ВВП по ППС.

¹⁰⁹ Human Development Report 2020 [Электронный ресурс]. United Nations Development Program (UNDP). Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking> (дата обращения: 5.3.2024)

Федеральные округа РФ, которые имеют более высокий процент ВВП по ППС, чем их население: Центральный федеральный округ (на 8,444%), Северо-Западный федеральный округ (на 1,556%) и Уральский федеральный округ (на 5,942%) с общим показателем, равным 15,942%.

Российские федеральные округа, которые имеют более низкий процент ВВП по ППС, чем их население: Южный федеральный округ (-3,947%), Северо-Кавказский федеральный округ (-4,046%), Приволжский федеральный округ (-5,862%), Сибирский федеральный округ (-1,465%) и Дальневосточный федеральный округ (-0,621%), в общей сложности - 15,941%.

На графике 2.3.3 сравниваются ИРЧП федеральных округов России.

Федеральные округа РФ имеют однородные значения ИРЧП в диапазоне от 0,785 до 0,838.

Центральный федеральный округ имеет самое высокое значение ИРЧП в России – 0,838, Уральский федеральный округ имеет второе по величине значение ИРЧП в России – 0,833, а Сибирский федеральный округ имеет самое низкое значение ИРЧП в стране – 0,788.

Общее значение ИРЧП по федеральным округам России составляет 0,807.

Население, развитие и производительность регионов Мексики: график 2.3.2 показывает процент населения, проживающий на данной территории, и ВВП по ППС неофициальных регионов Мексики. Согласно представленным данным, распределение населения и процент ВВП по ППС являются равномерными, выделяются две группы.

Регион Центр-Юг имеет самую высокий уровень населенности в размере 23,053% от общей численности населения и самый высокий ВВП по ППС в размере 27,9% от совокупного ВВП по ППС страны. Восточный регион имеет второй по величине процент населения в размере 15,417% от общей численности населения и четвертый по величине процент ВВП по ППС в размере 10,1% от совокупного показателя страны. Северо-Восточный

регион имеет седьмой по величине процент населения, равный 9,806% от общей численности населения, и второй по величине процент ВВП по ППС в размере 13,8% от совокупного показателя страны. Юго-Восточный регион имеет самый низкий процент населения группы в размере 5,664% от общей численности населения и шестой по величине процент ВВП по ППС, равный 8,47% от совокупного показателя страны. Юго-Западный регион имеет пятое по величине население группы, равное 10,707% от общей численности населения, с самым низким ВВП по ППС группы в размере 4,4% от совокупного показателя страны.

Мексиканские регионы, которые имеют более высокий процент своего ВВП по ППС, чем их население: Северо-Западный регион (на 1,261%), Северо-Восточный регион (на 3,994%), регион Центр-Север (на 0,262%), регион Центр-Юг (на 4,847%) и Юго-Восточный регион (на 3,036%) с общим показателем 13,4%.

Мексиканские регионы, которые имеют более низкий процент своего ВВП по ППС, чем их население: Западный регион (-1,771%), Восточный регион (-5,317%) и Юго-Западный регион (-6,307%), в общей сложности - 13,395%.

На графике 2.3.3 сравниваются показатели ИРЧП регионов Мексики.

Мексиканские федеральные округа имеют однородные значения ИРЧП, колеблющиеся между значениями 0,708 и 0,814. Регион Центр-Юг имеет самое высокое значение ИРЧП в Мексике, равное 0,814, Северо-Восточный регион имеет второе по величине значение ИРЧП в Мексике, равное 0,8, а Юго-Западный регион имеет самое низкое значение ИРЧП в стране, равное 0,708. Общее значение ИРЧП мексиканских регионов составляет 0,768.

Сравнение российских федеральных округов и мексиканских регионов по их проценту ВВП по ППС и проценту населения показывает следующее. Центральный федеральный округ РФ с 26,474% населения России и 34,918% ВВП по ППС России демонстрируют самые высокие значения группы по

сравнению с мексиканским регионом Центр-Юг с 23,053% населения Мексики и 27,9% ВВП по ППС страны.

Приволжский федеральный округ занимает второе место по численности населения в группе, равное 20,593% населения России и второе место по ВВП по ППС, равное 14,731% ВВП по ППС России. Восточный регион является вторым по величине населением Мексики с 15,417% мексиканского населения и четвертым по величине процентом ВВП по ППС с 10,1% Мексиканского ВВП по ППС.

Северо-Кавказский федеральный округ России имеет самый низкий процент населения, равный 6,540% от общей численности, и самый низкий уровень ВВП по ППС в группе, равный 2,494% от общего ВВП по ППС. Для сравнения Юго-Восточный регион Мексики обладает 5,664% от общей численности населения и 8,7% от общего показателя ВВП по ППС. Юго-Западный регион имеет пятое по величине население в Мексике с 10,707% при самом низком ВВП по ППС страны в размере 4,4%.

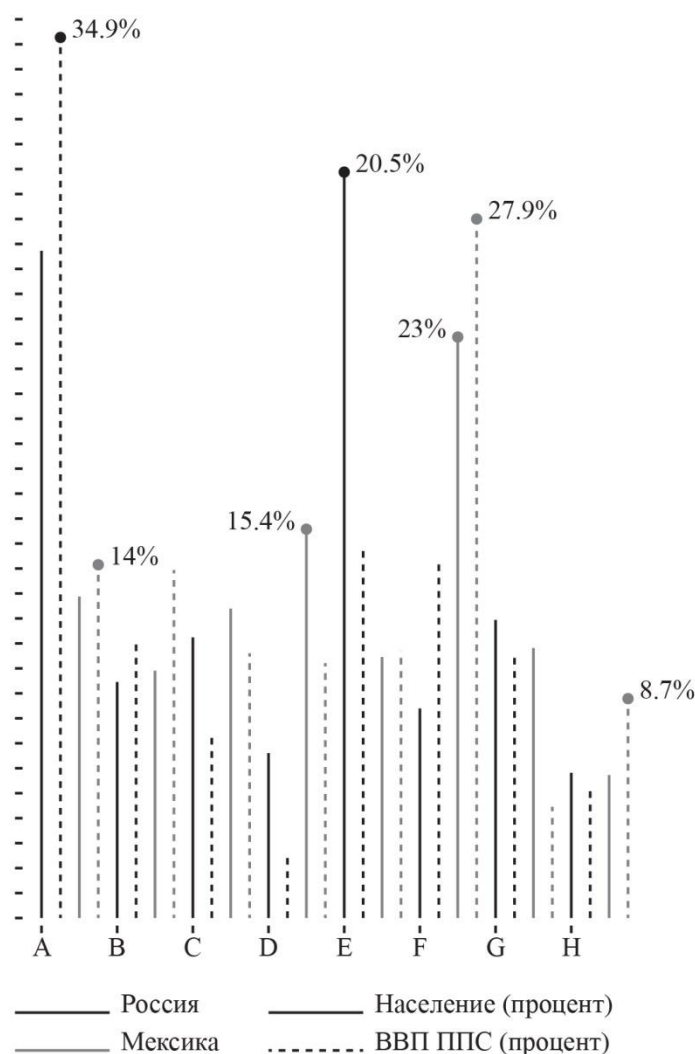

Диаграмма (2.3.2)

Население по федеральным округам и регионам: Россия (А) Центральный 26.474%; (В) Северо-Западный 9.355%; (С) Южный 11.117%; (D) Северо-Кавказский 6.540%; (Е) Приволжский 20.593%; (F) Уральский 8.321%; (G) Сибирский 11.831%; (H) Дальневосточный 5.765%. Мексика (А) Северо-Запад 12.739%; (В) Северо-Восток 9.806%; (С) Запад 12.271%; (D) Восток 15.417%; (Е) Центр-Север 10.338%; (F) Центр-Юг 23.053%; (G) Юго-Запад 10.707%; (H) Юго-Восток 5.664%.

ВВП по ППС федеральным округам и регионам: Россия (А) Центральный 34.918%; (В) Северо-Западный 10.911%; (С) Южный 7.170%; (D) Северо-Кавказский 2.494%; (Е) Приволжский 14.731%; (F) Уральский 14.263%; (G) Сибирский 10.366%; (H) Дальневосточный 5.144%. Мексика (А) Северо-Запад 14%; (В) Северо-Восток 13.8%; (С) Запад 10.5%; (D) Восток 10.1%; (Е) Центр-Север 10.6%; (F) Центр-Юг 27.9%; (G) Юго-Запад 4.4%; (H) Юго-Восток 8.7%.

Источники: Росстат; INEGI; МВФ; Минфин России; SAT; ПРООН.

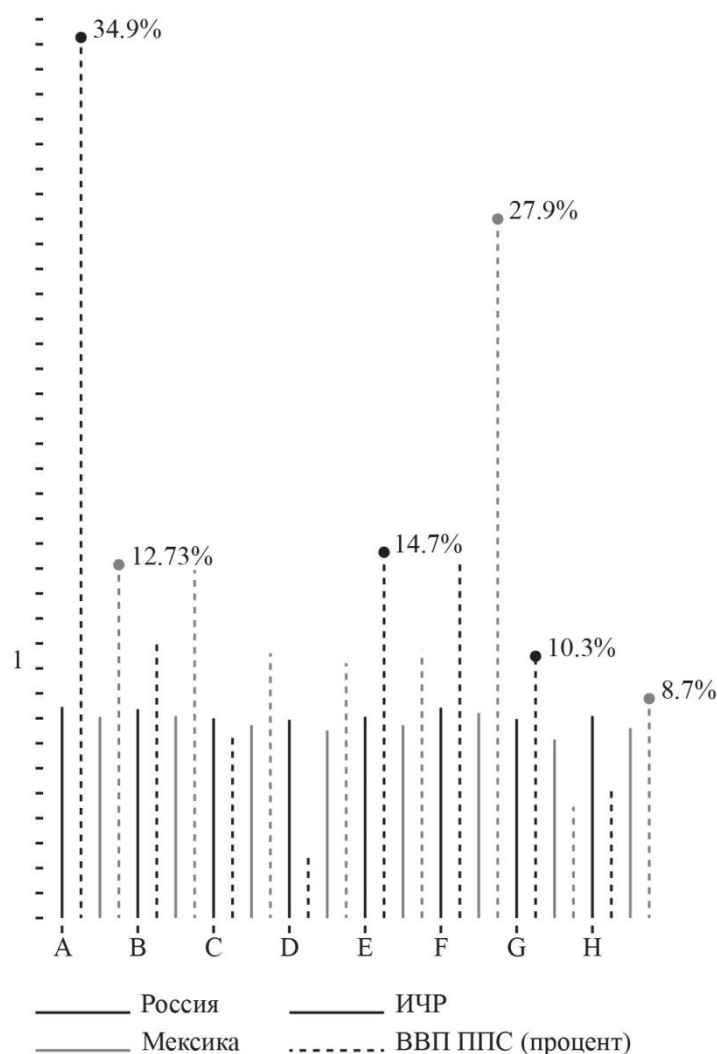

Диаграмма (2.3.3)

ИРЧП по федеральным округам и регионам: Россия (A) Центральный 0.838; (B) Северо-Западный 0.827; (C) Южный 0.793; (D) Северо-Кавказский 0.785; (E) Приволжский 0.797; (F) Уральский 0.833; (G) Сибирский 0.788; (H) Дальневосточный 0.801%. Мексика (A) Северо-Запад 0.798; (B) Северо-Восток 0.8; (C) Запад 0.764; (D) Восток 0.743; (E) Центр-Север 0.765; (F) Центр-Юг 0.814; (G) Юго-Запад 0.708; (H) Юго-Восток 0.752.

ВВП по ППС по федеральным округам и регионам: Россия (A) Центральный 34.918%; (B) Северо-Западный 10.911%; (C) Южный 7.170%; (D) Северо-Кавказский 2.494%; (E) Приволжский 14.731%; (F) Уральский 14.263%; (G) Сибирский 10.366%; (H) Дальневосточный 5.144%. Мексика (A) Северо-Запад 14%; (B) Северо-Восток 13.8%; (C) Запад 10.5%; (D) Восток 10.1%; (E) Центр-Север 10.6%; (F) Центр-Юг 27.9%; (G) Юго-Запад 4.4%; (H) Юго-Восток 8.7%.

Источники: Росстат; INEGI; МВФ; Минфин России; SAT; ПРООН.

Динамика ВВП по ППС России на душу населения: на графике 2.4.1 представлена динамика ВВП по ППС России на душу населения в период с 1991 по 2020 годы. Мы можем наблюдать равномерную тенденцию развития

ВВП по ППС на душу населения в геометрической прогрессии. Показатели почти утроились с 9,616 тыс. долл. США в 1991 году до 28,616 тыс. долл. США в 2020 году. Самый высокий показатель ВВП по ППС на душу населения зарегистрирован в 2018 году – 29,918 тыс. долл. США. Второй по величине ВВП по ППС на душу населения зарегистрирован в 2020 году – 28,616 тыс. долл. США. Самый низкий показатель ВВП по ППС на душу населения зарегистрирован в 1998 году – 9,133 тыс. долл. США .

Динамика ВВП по ППС Мексики на душу населения: на графике 2.4.1 представлена динамика ВВП по ППС Мексики на душу населения в период с 1991 по 2020 годы. Мы можем наблюдать равномерную тенденцию развития ВВП по ППС на душу населения в геометрической прогрессии. Показатели почти удвоились с 9,283 тыс. долл. США в 1991 году до 18,995 тыс. долл. США в 2020 году. Самый высокий ВВП по ППС на душу населения зарегистрирован в 2018 году – 20,380 тыс. долл. США. Второй по величине ВВП по ППС на душу населения зарегистрирован в 2019 году – 20,350 тыс. долл. США. Самый низкий ВВП по ППС на душу населения зарегистрирован в 1991 году – 9,283 тыс. долл. США.

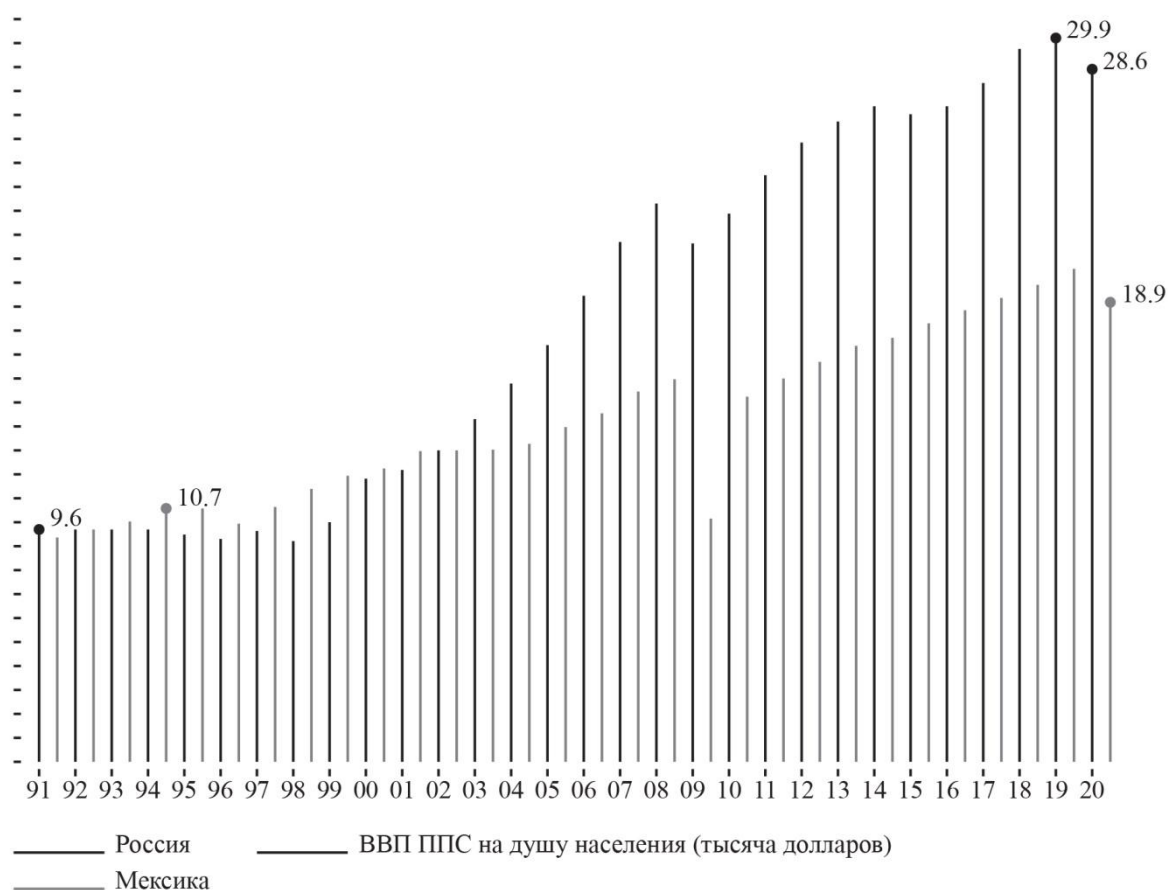

Диаграмма (2.4.1) (тыс. долл. США*)

ВВП ППС в год:

Россия (91) 9.616*; (92) 9.596*; (93) 5.595*; (94) 9.588*; (95) 9.380*; (96) 9.224*; (97) 9.533*; (98) 9.133*; (99) 9.891*; (00) 11.173*; (01) 12.047*; (02) 12.876*; (03) 14.149*; (04) 15.628*; (05) 17.219*; (06) 19.251*; (07) 21.484*; (08) 23.069*; (09) 21.414*; (10) 22.640*; (11) 24.244*; (12) 25.593*; (13) 26.452*; (14) 28.079*; (15) 26.766*; (16) 27.082*; (17) 28.048*; (18) 29.460*; (19) 29.918*; (20) 28.618*.

Мексика (91) 9.283*; (92) 9.611*; (93) 9.928*; (94) 10.470*; (95) 9.851*; (96) 10.542*; (97) 11.277*; (98) 11.815*; (99) 12.135*; (00) 12.831*; (01) 12.881*; (02) 12.890*; (03) 13.142*; (04) 13.837*; (05) 14.396*; (06) 15.296*; (07) 15.796*; (08) 10.055*; (09) 15.093*; (10) 15.828*; (11) 16.516*; (12) 17.203*; (13) 17.525*; (14) 18.106*; (15) 18.662*; (16) 19.180*; (17) 19.719*; (18) 20.380*; (19) 20.357*; (20) 18.995*.

Источники: МВФ.

ИРЧП и коэффициент Джини на душу населения в России: на графике 2.4.2 показана динамика развития значения ИРЧП в России в период с 1991 по 2020 годы. Мы можем наблюдать равномерную тенденцию развития значения ИРЧП на душу населения в геометрической прогрессии. Показатели выросли в диапазоне 0,095 от 0,729 в 1991 году до 0,824 в 2018 году. Самое высокое значение ИРЧП в России зарегистрировано в 2018 году – 0,824.

Второе по величине значение ИРЧП зарегистрировано в 2017 году – 0,816. Самое низкое значение ИРЧП зарегистрировано в 1995 году – 0,700. На графике 2.4.3 показана динамика развития значения Джини в России в период с 1991 по 2020 годы. Мы можем видеть равномерную тенденцию развития значения Джини на душу населения. Показатели изменились на -10,70: с 48,40 в 1993 году до 37,70 в 2015 году. Самое высокое значение Джини в России зарегистрировано в 2016 году – 36,80. Второе по величине значение Джини зарегистрировано в 2001 году – 36,90. Самое низкое значение Джини зарегистрировано в 1991 году – 48,40.

ИРЧП и коэффициент Джини на душу населения в Мексике: на графике 2.4.2 рассматриваются изменения значения ИРЧП Мексики в период с 1991 по 2020 годы. Показатели меняются в геометрической прогрессии. Наблюдается рост на 0,095: с 0,654 в 1991 году до 0,774 в 2017 году. Самое высокое значение ИРЧП в Мексике зарегистрировано в 2017 году – 0,774. Второе по величине значение ИРЧП зарегистрировано в 2016 году – 0,772. Самое низкое значение ИРЧП зарегистрировано в 1991 году – 0,654. На графике 2.4.3 показана динамика развития значения Джини в Мексике в период с 1991 по 2020 годы. Наблюдаются изменения в данных на -8,3: с 53,70 в 1992 году до 45,40 в 2015 году. Самое высокое значение Джини в Мексике зарегистрировано в 2018 году – 45,40. Второе по величине значение Джини зарегистрировано в 2016 году – 46,30. Самое низкое значение Джини зарегистрировано в 1996 году – 54,80.

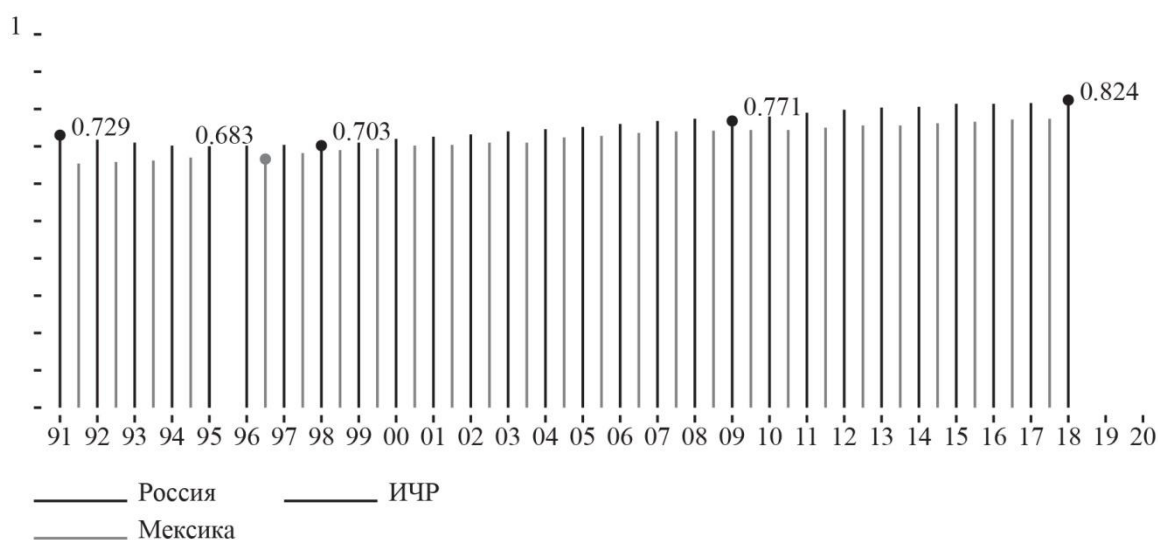

Диаграмма (2.4.2)

ИРЧП в год: Россия (91) 0.729; (92) 0.718; (93) 0.710; (94) 0.702; (95) 0.700; (96) 0.701; (97) 0.704; (98) 0.703; (99) 0.709; (00) 0.720; (01) 0.727; (02) 0.732; (03) 0.740; (04) 0.746; (05) 0.752; (06) 0.759; (07) 0.767; (08) 0.774; (09) 0.771; (10) 0.780; (11) 0.789; (12) 0.798; (13) 0.804; (14) 0.807; (15) 0.813; (16) 0.815; (17) 0.816; (18) 0.824; (19) -; (20) -. Мексика (91) 0.654; (92) 0.658; (93) 0.663; (94) 0.670; (95) -; (96) 0.667; (97) 0.683; (98) 0.690; (99) 0.695; (00) 0.702; (01) 0.705; (02) 0.710; (03) 0.717; (04) 0.724; (05) 0.728; (06) 0.736; (07) 0.739; (08) 0.742; (09) 0.743; (10) 0.743; (11) 0.751; (12) 0.757; (13) 0.756; (14) 0.761; (15) 0.767; (16) 0.772; (17) 0.774; (18) -; (19) -; (20) -.

Источники: ПРООН.

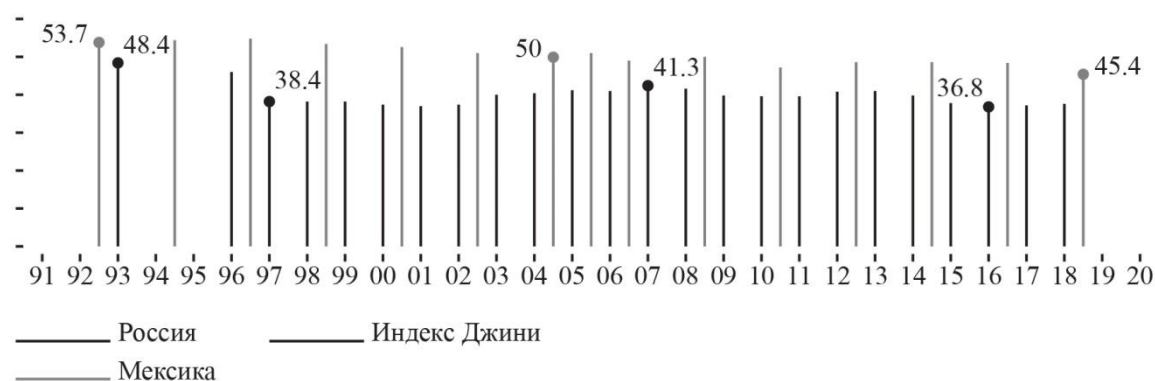

Диаграмма (2.4.3)

Индекс Джини в год: Россия (91) -; (92) -; (93) 48.40; (94) -; (95) -; (96) 46.10; (97) 38.40; (98) 38.10; (99) 37.40; (00) 37.10; (01) 36.90; (02) 37.30; (03) 40.00; (04) 40.30; (05) 41.30; (06) 41.00; (07) 42.30; (08) 41.60; (09) 39.80; (10) 39.50; (11) 0.789; (12) 0.798; (13) 0.804; (14) 0.807; (15) 0.813; (16) 36.8; (17) 37.2; (18) 37.5; (19) -; (20) -.

Мексика (91) -; (92) 53.70; (93) -; (94) 54.30; (95) -; (96) 54.80; (97) -; (98) 53.40; (99) -; (00) 52.60; (01) -; (02) 50.10; (03) -; (04) 50.00; (05) 50.10; (06) 48.90; (07) -; (08) 49.90; (09) -; (10) 47.20; (11) -; (12) 48.70; (13) -; (14) 48.70; (15) -; (16) 46.3; (17) -; (18) 45.4; (19) -; (20) -.

Источники: Всемирный банк.

Выводы

1. 39% российского населения имеет очень высокий показатель уровня развития, который составляет 0,800-0,824. Данная часть населения производит 25,824% от общего ВВП по ППС по стране. Наряду с этим, 61,4% от общей численности мексиканского населения имеет высокий уровень развития, который составляет 0,775-0,799. Этот процент населения производит 68,996% от общего ВВП по ППС по стране. Диапазон имеет самый высокий населения ВВП по ППС группы с и Мексиканского ВВП по ППС. Самый высокий российский диапазон составляет и имеет и российского ВВП по ППС.

29,062% населения России имеет очень высокий показатель уровня развития, который составляет 0,825-0,849. Данная часть населения производит 22,977% ВВП по ППС России. При этом 20,6% от общей численности мексиканского населения имеет очень высокий уровень развития, который составляет 0,800-0,824. Этот процент населения производит 30,46% от общего ВВП по ППС по стране. Лишь 2,594% населения России имеет высокий показатель уровня развития, который составляет 0,750-0,774. Эта часть населения производит 0,86% ВВП по ППС России. При этом 7,7% от общей численности мексиканского населения имеет высокий уровень развития, который составляет 0,700-0,724. Данный процент населения производит 15,928% от общего ВВП по ППС по стране.

13,628% российского населения проживает в Москве, имеет самый высокий уровень ИРЧП в диапазоне 0,925-0,950 и производит 21,042% ВВП по ППС России. 17,5% мексиканского населения проживает в Мехико, который имеет высокий уровень ИРЧП Мексики в диапазоне 0,875-0,899, и производит 7,410% ВВП по ППС Мексики.

2. В субъектах РФ показатель ВВП по ППС зависит от значения ИРЧП. Чем выше уровень ИРЧП, тем выше показатель ВВП по ППС. В то же время в Мексике штаты имеют более стабильное ВВП по ППС вне зависимости от

их ИРЧП. Такие различия объясняются разной степенью вовлеченности государства и несовпадающими уровнями развитости их экономик. Необходимо учитывать, что производство нефтепродуктов и газопродуктов в России составляет 20% ВВП по ППС, добыча нефти и газа осуществляется в провинциальных субъектах РФ, при этом налоговые потоки поступают в Москву и Санкт-Петербург. В свою очередь, в Мехико сосредоточена большая часть мексиканской промышленности.

Если речь идет о сфере услуг, то здесь развитость экономик обеих стран демонстрирует приближенные показатели, равные более 60% и 70% российской и мексиканской экономической деятельности соответственно. В обеих странах бюджет выполняет перераспределительную функцию. Различия между индексами развития человеческого капитала в России и Мексике можно объяснить двумя причинами.

Во-первых, субъекты Российской Федерации демонстрируют разные показатели экономической активности, в то время как в Мексике экономическая деятельность распределена между штатами, независимо от их ИРЧП.

Во-вторых, бюджет и ВВП по ППС в Москве распланированы более рационально, чем в Мехико. Это неравенство возникает из-за различий между текущим состоянием инфраструктуры рассматриваемых городов. Уровень эффективности государственных расходов и действия, квалификация московской рабочей силы и высокие стандарты промышленности также влияют на существующие различия.

3. Все субъекты Российской Федерации и регионы Мексики имеют положительную динамику ВВП по ППС. Федеральные округа РФ имеют значительные различия в производстве ВВП по ППС, в то время как регионы Мексики демонстрируют более равномерное производство ВВП по ППС.

Сравнение между федеральными округами РФ и регионами Мексики по их более высокому проценту ВВП по ППС показывает, что российский Центральный федеральный округ на 8,444% выше мексиканского региона

Центр-Юг на 4,847%. Второй по величине показателя российский Уральский федеральный округ на 5,942% выше мексиканского Северо-Восточного региона с 3,994%. Мексиканский регион Центр-Север имеет самый низкий ратцион в группе с 0,262%, выше российского федерального округа с 1,556%. В России разница между самым высоким и самым низким индикатором составляет 15,942%, в Мексике – 13,4%.

Сравнение федеральных округов РФ и регионов Мексики по их более низкому проценту ВВП по ППС показывает следующее. Мексиканский Юго-Западный регион с показателем 6,307% превышает уровень российского Приволжского федерального округа с -5,862%. Дальневосточный регион занимает второе место по этому показателю -5,317%, опережая Северо-Кавказский федеральный округ России -4,046%. Дальневосточный округ занимает последнее место в группе с -0,621% ниже мексиканского Западного региона с -1,771%. В России разница между самым высоким индикатором и самым низким составляет -15.941%, а в Мексике -13.395%.

Российский первый федеральный округ имеет самый высокий ИРЧП в группе с отрывом в 0,024 балла по сравнению с первым мексиканским регионом. Уральский федеральный округ имеет второе по величине значение ИРЧП с разницей в 0,024 по сравнению со вторым по величине мексиканским регионом. Мексиканский Юго-Западный регион имеет самое низкое значение ИРЧП группы с разницей в 0,093 по сравнению с самым низким российским регионом.

Единообразие диапазонов ИРЧП и ВВП по ППС можно проследить как в субъектах Российской Федерации, так и в мексиканских штатах. Федеральные округа РФ имеют более высокий показатель ИРЧП, чем регионы Мексики, с более равномерным соотношением населения и ВВП по ППС, чем в Мексике. Средний показатель ИРЧП в российских федеральных округах составляет 0,807, что выше среднего показателя ИРЧП в Мексике (0,768). 1,1512% населения федеральных округов РФ имеет в среднем

1,1397% ВВП по ППС. 3,3813% населения регионов Мексики имеет в среднем 3,3931% ВВП по ППС.

В пяти крупнейших мегаполисах Мексики средняя численность населения менее чем в два раза превышает, а ВВП по ППС на треть превышает соответствующие показатели регионов Мексики. Пять крупнейших российских мегаполисов имеют среднее население и ВВП по ППС в четыре раза выше, чем остальные города и субъекты. В то время как регионы Мексики не находят официального закрепления в законодательных актах и лишены государственного вмешательства, сформированные российские федеральные округа допускают упрощение государственных процессов и являются платформой для реализации специальных проектов.

Проследить динамику развития российской и мексиканской экономик можно, рассмотрев значения ИРЧП и коэффициента Джини, как это отмечено на графиках 2.4.2 и 2.4.3. Самое высокое значение ИРЧП зарегистрировано в России в 2018 году – 0,824, а самое высокое значение ИРЧП в Мексике в 2017 году – 0,774. Самое низкое значение ИРЧП зарегистрировано в России в 1991 году – 0,654, а самое низкое значение ИРЧП в Мексике в 1991 году – 0,654. Самое высокое значение Джини зарегистрировано в России в 2016 году – 36,80, а самое высокое значение Джини в Мексике в 2018 году – 45,40. Самое низкое значение Джини зарегистрировано в России в 1991 году – 48,40, а самое низкое значение Джини в Мексике в 1996 году – 54,80.

Выводы по главе

1. Россия и Мексика имеют схожее по своим характеристикам население. В отличие от Мексики, пятерка крупнейших населенных пунктов в России несколько меньше по общей численности и в процентном отношении к населению страны. При этом пять крупнейших населенных пунктов России имеют бюджет почти в три раза больше, чем пять крупнейших населенных пунктов Мексики. Между тем пять крупнейших населенных пунктов Мексики имеют больший процент бюджета, чем города

России (почти в четыре раза). Бюджет Мехико почти в четыре раза превышает бюджет Москвы по отношению к проценту от общего бюджета по стране, Москва имеет бюджет в два раза больше Мехико в абсолютных цифрах.

2. Население России и Мексики распределено аналогично с Бразилией, Испанией и Францией. В России и Мексике основные населенные пункты имеют более высокий процент бюджета, чем в Бразилии, Испании и Франции – в три и десять раз соответственно. Москва и Мехико имеют бюджеты в размере 10% и 41% при производстве ВВП по ППС в размере 25.986% и 20.86% соответственно. Париж, Сан-Паулу и Мадрид имеют бюджет в 3,9%, 3% и 3,5% при производстве ВВП по ППС в 30,9%, 20% и 12% соответственно.

Москва и Мехико имеют более ограниченное соотношение между бюджетом и производственным коэффициентом ВВП по ППС, чем Париж, Сан-Паулу и Мадрид по причинам, связанным с централизацией власти и национальными целями обеих стран.

3. В субъектах РФ можно проследить следующую зависимость. Чем выше индекс ИРЧП, тем выше величина ВВП по ППС, которым они обладают. В штатах Мексики такая зависимость отсутствует, и величина ВВП по ППС стабильна по отношению к ИРЧП. Это несоответствие проистекает из сложности их экономик и из политического курса и деятельности государств.

39% и 61,4% населения России и Мексики производят 25,824% и 68,996% ВВП по ППС, при этом ИРЧП составляет 0,800-0,824 и 0,775-0,799 соответственно. 13,628% населения России проживает в Москве и имеет самый высокий диапазон ИРЧП: 0,925 - 0,950. В то же время 17,5% населения Мексики проживает в Мехико и имеет диапазон высокого уровня ИРЧП, равный 0,875-0,899.

4. Федеральные округа РФ демонстрируют единообразие в показателях ИРЧП и ВВП по ППС, однако мексиканские регионы состоят из штатов,

которые являются отдельными субъектами, поэтому их показатели не могут быть унифицированы в официальных данных. Федеральные округа РФ имеют более высокий показатель ИРЧП с более равномерным соотношением населения и ВВП по ППС, чем мексиканские регионы.

5. Российская и мексиканская экономики функционируют по-разному, хотя три десятилетия назад имели схожую структуру и размеры. За последние два десятилетия российская экономика пережила экспоненциальный рост. Последствия колебаний цен на нефть смягчаются низким уровнем внешнего долга и наличием большого объема золотовалютных резервов. Между тем в течение последних двух десятилетий мексиканская экономика испытывала ограниченный рост. Добыча нефти сократилась, в то время как возникла чрезмерная зависимость от экспорта на рынок США, что ограничило развитие мексиканской экономики по сложности и размерам. Влияние цен на нефть и нестабильных валютных курсов усиливается растущим внешним долгом и ограниченными резервами. Анализ развития и сравнение российской и мексиканской экономик дополняются единообразными величинами индекса ИРЧП и коэффициента Джини.

6. Сальдо торгового баланса России сложилось положительное и составляет 196 млрд долл. США, Мексики – отрицательное (-25,5 млрд долл. США).

Государственное участие присуще российской экономике. В рамках многоплановой политической и экономической повестки дня специальные соглашения о льготных тарифах заключаются с конкретными странами. Конкурентная цена российской валюты повышает конкурентоспособность российского экспорта, вводит в экономику ценные валюты и стимулирует внутренний рынок.

Мексиканская экономика определяется ее чрезмерной зависимостью от рынка США и конкурентоспособной рабочей силы. Конкурентоспособность мексиканской валюты дает преимущество мексиканскому экспорту, в то

время как вливание ценных валют в экономику не стимулирует внутренний рынок в условиях отсутствия отечественных технологий и инноваций.

Заключение

Данный раздел содержит результаты конституционно-федеративного сравнительного анализа, окончательные выводы и рекомендации для обеих стран.

Согласно конституционному анализу, поправки к Конституции России устанавливают четкие рамки задач и приоритетов, определяемых институциональным распределением власти на всех уровнях государственного управления и закрепленными в Конституции руководящими принципами для решения конкретных задач, обеспечивая при этом единый ответ государства на все более сложную обстановку и достижение ожидаемых результатов.

В свою очередь, поправки к Конституции Мексики представляют собой меняющуюся структуру задач и приоритетов в зависимости от президентских сроков, оказывая общее влияние на региональных политических представителей (губернаторов и региональных конгрессов), несмотря на их политическую принадлежность, посредством бюджетов, стратегий и планов. Таким образом, конституционные поправки являются неотъемлемой частью

функционирования мексиканского государства, сохраняя при этом распределение и ротацию власти.

Что касается федерального анализа, Россия более централизована, чем Мексика, в том, что касается распределения региональных бюджетов, однако на Мехико приходится большая доля бюджета, чем на Москву. Бюджетная централизация в России и Мексике выше, чем в странах с аналогичным распределением населения (Бразилия, Испания и Франция). В рамках федеральных округов Президент России обеспечивает согласованность между федеральными и региональными институтами и политикой.

Тридцать лет назад обе страны имели схожие показатели, однако за последнее десятилетие Россия превысила размеры мексиканской экономики и стала более комплексной. Россия постепенно отступала от первоначально переданных практик и предписаний, в то время как Мексика продолжала осуществлять их практически в первозданном виде.

Относительно эффективности и эволюции политики трансфера в России и Мексике

В то время как политика трансфера обычно определяется как набор взаимосвязанных конституционных, правовых, политических и экономических предписаний, согласно результатам настоящего исследования, данная политика может быть оценена как отдельные инициативы различных целей, которые могут быть реализованы индивидуально или в составе группы для стимулирования различных результатов в соответствии с особенностями их контекста.

Например, вопреки первоначальным политическим рекомендациям, сделанным международными институтами в период политической и экономической либерализации страны более трех десятилетий назад, российское государство увеличило свое вмешательство в различные секторы экономики. В отличие от этого, участие правительства Мексики в экономике оставалось минимальным на протяжении последних трех десятилетий. На

фоне более высоких показателей российской экономики, несмотря на то, что обе страны имеют схожие общие показатели и одновременно проводят реформы, можно утверждать, что трансферная политика в целом была неэффективной в Мексике. Конституционные изменения в России были внесены с учетом правовой базы для обеспечения гарантий и обязательств в контексте международной торговли. В связи с этим можно наблюдать выборочное внедрение отдельных элементов и механизмов в рамках политики трансфера, которые отвечают их первоначальной цели.

Таким образом, можно предположить, что общая эффективность политики трансфера может быть объяснена базовыми правовыми и институциональными рамками, необходимыми для доступа к международной торговле и ее гарантиям, а не предписаниями социально-политического характера. Это очевидно, например, в непрерывном осуществлении трансферной политики в контексте гражданских свобод в Мексике, в отличие от России, которая придерживается все более конфронтационного подхода. Это происходит по мере того, как растущие социальные свободы и тенденции не обязательно повышают производительность страны, но постепенно становятся необходимым условием для торговли с западными странами. Что касается положения обеих стран в мире, то Россия обладает более широкими конкурентными преимуществами в различных секторах экономики. Как следствие, иностранные государства имеют ограниченные рычаги воздействия на страну, что приводит к тому, что российское правительство проводит политику социокультурного характера для дальнейшего укрепления своего влияния и власти.

В связи с этим можно утверждать, что хотя на эволюцию страны воздействуют внешние факторы, само государство может влиять на свое внешнее окружение, основываясь на своем первоначальном положении относительно других стран на мировой арене (начиная от географического положения, ресурсов, намерений и устремлений относительно социально-

политического развития страны на протяжении всей истории). В конечном счете это и определяет реакцию правительства на перемены.

Это объясняет различную эволюцию России и Мексики до сегодняшнего дня, даже несмотря на то, что в обеих странах был схожий спектр правовых, политических и экономических условий во время первоначальной реализации аналогичной политики по выходу на мировой рынок три десятилетия назад.

Гипотетический обмен политикой и практиками между Россией и Мексикой

С момента экономической и политической либерализации более трех десятилетий назад обе страны развивались в противоположных направлениях: в то время как Россия адаптирует отдельные элементы трансферной политики, Мексика реализует ее практически в первозданном виде.

Как отмечалось ранее, учитывая, что реализация трансферной политики зависит от реакции государств на собственный контекст на протяжении всей их эволюции, обмен политики между Россией и Мексикой для получения аналогичных результатов невозможен с юридической, политической и экономической точек зрения. Аналогичным образом гипотетическая передача практик между обеими странами лишена такой эффективности, которую она являла в 90-е годы, поскольку их цель – поддерживать участие обеих стран в международной торговле – сохраняется.

Несмотря на это, президенты обеих стран могут извлечь пользу из различных подходов к эволюции государств друг друга на правовом, институциональном и политическом уровнях, поскольку они могут служить ориентиром при проектировании новых дорожных карт и методов для повышения потенциала своей страны, а также в соответствии с их непредсказуемым контекстом.

Гипотетическая реализация мексиканской практики в российском контексте:

Согласно выводам, в президентской программе России приоритетным было создание конституционных рамок для формирования и укрепления намерений, действий и политики во всех сферах жизни страны, направленных на уменьшение последствий все более враждебной обстановки, которая с учетом ожиданий правительства или без них привела к вооруженному конфликту. Однако несмотря на то, что широкие президентские полномочия были ключевым фактором успешного реагирования государства на сложившуюся ситуацию, стоит учитывать тот факт, что текущая степень централизации власти в стране может иметь свои недостатки в мирном будущем.

Например, нация становится уязвимой, поскольку эффективность государства напрямую зависит от способности будущих президентов управлять страной и их возможности разрабатывать и реализовывать эффективную стратегию. Аналогичным образом в соответствии с нынешней целью конституционных поправок, заключающейся в стимулировании создания механизмов противодействия конкретным угрозам, органичная эволюция социально-политического и экономического секторов страны прерывается из-за их реакционного характера на внешние намерения, действия и политику.

Таким образом, предлагается набор рекомендаций, основанных на результатах данного исследования, относительно двух гипотетических путей. Во-первых, если полномочия Президента России будут значительно сокращены в контексте внешней стабильности, что впоследствии приведет к непрерывной ротации власти, среди прочих результатов, аналог мексиканских временных статей может быть добавлен в Конституцию Российской Федерации для определения и обеспечения институциональных механизмов и задач по реализации различных стратегий в соответствии с основными приоритетами и ценностями, закрепленными в Конституции. Во-

вторых, если полномочия Президента России останутся неизменными, предлагается создать механизмы прогнозирования в процессе формирования национальной повестки дня с акцентом на использование искусственного интеллекта и больших данных для оценки текущих и будущих тенденций с целью точной корректировки Конституции.

Гипотетическая реализация российских практик в мексиканском контексте:

Мексика переживает умеренный экономический рост в течение ряда десятилетий на фоне благоприятных внешних условий. Например, страна находится в непосредственной близости от своих основных торговых партнеров и не имеет каких-либо военных противников.

Тем не менее, несмотря на преимущества стабильной обстановки, мексиканским президентам, возможно, не хватает достаточных стимулов для реализации амбициозных планов, которые могли бы изменить общий курс страны и ускорить ее развитие. Вместо этого национальные цели устанавливаются в соответствии с президентскими сроками с акцентом на регулирование внутренней динамики власти посредством внесения изменений в Конституцию на краткосрочной основе.

В нынешних условиях глобальной конкуренции и торговли различные страны с различными конкурентными преимуществами угрожают вытеснить некоторые секторы мексиканской экономики, а также ее роль ведущего экспортера товаров региона. Возможным способом решения данной проблемы является расширение президентских полномочий, таким образом продлевая президентские сроки или разрешая последовательные переизбрания для разработки и реализации средне- и долгосрочных стратегий. Однако такой вариант непрактичен, поскольку он противоречил бы первоначальному характеру Конституции и серьезно повлиял бы на баланс полномочий между структурами государства на всех уровнях.

Возможным вариантом является закрепление в Конституции комплекса мер, направленных на обеспечение экономической безопасности страны, и

такой раздел мог бы быть создан специальной комиссией в рамках межведомственной структуры с участием представителей промышленного и академического секторов. Срок действия данного раздела мог бы быть установлен в пределах фиксированной продолжительности после различных президентских сроков, и его выполнение было бы гарантировано в форме, аналогичной статьям о переходном периоде.

Список литературы

1. Acemoglu, D. Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // *Economic Perspectives*. – 2013 – No. 2 – С. 173
2. Acemoglu, D. Institutions, Human Capital and Development // *Annual Review of Economics*. – 2014 – No. 6 – С. 875
3. Acemoglu, D. Theory, General Equilibrium and Political Economy in Development Economics // *Economic Perspectives*. – 2010 – No. 24 – С. 17
4. Anaya, A. Internalización de las normas internacionales de derechos humanos en México: el papel del Programa Nacional de Derechos Humanos 2008-2012 // *Documentos de Trabajo CIDE*. – 2010 – No. 199 – С. 10-12
5. Annual Statistical Bulletin 2018 [Электронный ресурс]. Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). Режим доступа: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB%202018.pdf (дата обращения: 9.8.2024)
6. Arroyo García, I. El Nuevo diseño de poderes en el constituyente mexicano, 1916-1917: coaliciones parlamentarias y poder judicial // *México a la luz de sus revoluciones*. – 2014 – No. 2 – С. 253-292

7. Babb, S. and Kentikelenis, A. Markets Everywhere: The Washington Consensus and the Sociology of Global Institutional Change. // Annual Review of Sociology. – 2021 – No. 1. C. 35
8. Barro, R. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study // Journal of Comparative Studies. – 1998 – No. 26 – C. 822
9. Barro, R. Sources of Economic Growth // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. - 1994 – No. 40 – C. 46
10. Blancarte, R. J. Laicidad y secularización en México // Estudios Sociológicos. – 2001 – No. 19 – C. 843-855
11. Bossuat, G. Europe for Peace: Questions and Convictions // Matériaux pour l'histoire de notre temps. – 2012. No. 10 – C. 55
12. Boström, M.; Hallström, K. NGO Power in Global Social and Environmental Standard-Setting // Global Environmental Politics. – 2010 0 - No. 10 – C. 36
13. Botts, J. "Nothing to Seek and... Nothing to Defend": George F. Kennan's Core Values and American Foreign Policy, 1938–1993 // Diplomatic History. – 2006 – No. 30 – C. 839
14. Budget Database 2020 [Электронный ресурс]. Ministry of Finance of the People's Republic of China. Режим доступа: http://www.mof.gov.cn/en/data/202011/t20201126_3630686.htm (дата обращения: 12.7.2024)
15. Cairo Metropolitan budget 2018 [Электронный ресурс]. Ministry of Finance (Egypt). Режим доступа: <https://www.mof.gov.eg/en/archive/stateGeneralBudget/general/State%20General%20Budget> (дата обращения: 5.8.2024).
16. Censo Población y Vivienda 2020 [Электронный ресурс]. Instituto Nacional de Estadística y Geografía (INEGI). Режим доступа: <https://www.inegi.org.mx/programas/ccpv/2020/#:~:text=El%20Censo%20de%2Poblaci%C3%B3n%20y,viviendas%20para%20obtener%20informaci%C3%B3n%20sobre> (дата обращения: 4.7.2024).
17. Chilcote, R. Cambio estructural y desarrollo: la experiencia mexicana // Desarrollo Económico. – 1967 – No. 7 – C. 859-875

18. City budgets data 2020 [Электронный ресурс]. Ministry of the Economy and Finance (MEFF) (France). Режим доступа: <http://frcity.census.okfn.org/dataset/budget> (дата обращения: 10.7.2024)
19. Committee on Foreign Affairs (1949) Point Four Background and Program (International Technical Cooperation Act of 1949). Режим доступа: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pcaac280.pdf (дата обращения: 20.12.2024)
20. Community Facts for New York City 2020 [Электронный ресурс]. United States Census Bureau (USCB). Режим доступа: <https://www.census.gov/quickfacts/newyorkcitynewyork> (дата обращения: 4.7.2024)
21. Complexity Rankings The Atlas of Economic Complexity 2020 [Электронный ресурс]. Harvard' Growth Lab Viz Hub. Режим доступа: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 5.9.2024)
22. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/CPEUM.pdf> (дата обращения: 12.7.2024)
23. Data Template on International Reserves and Foreign Currency Liquidity 2020 [Электронный ресурс]. Bank of Mexico. Режим доступа: https://www.google.com/search?q=Data+Template+on+International+Reserves+and+Foreign+Currency+Liquidity+2020+banxico&rlz=1C1GCEU_ruRU1067RU1067&oq=Data+Template+on+International+Reserves+and+Foreign+Currency+Liquidity+2020+banxico&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUyBggAEEUYOdIBCDE4MTJqMG00qAIAAsAIA&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 12.7.2024)
24. Data Template on International Reserves and Foreign Currency Liquidity 2020 [Электронный ресурс]. Bank of Mexico. Режим доступа: <https://www.banxico.org.mx/SieInternet/consultarDirectorioInternetAction.do?accion=consultarCuadro&idCuadro=CF456§orDescripcion=Banco%20de%20M%C3%A9xico&locale=en> (дата обращения: 14.7.2024)
25. De Ferranti, D. and Ody, A. Key Economic and Social Challenges for Latin America: Perspectives from Recent Studies // Brookings. – 2006.
26. Dolowitz, D.; Marsh, D. Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making // Governance. – 2000 – No. 13 – С. 5
27. Dolowitz, D.; Marsh, D. Who Learns What from Whom: a Review of the Policy Transfer Literature // Political Studies. – 1996 – No. 44 – С. 343

28. Donkor, M. Marching to the Tune: Colonization, Globalization, Immigration, and the Ghanaian Diaspora // *Africa Today*. – 2005 – No. 1. C. 27
29. Durand Ponte, V. M., Smith Martins, M.M. La educación y la cultura política en México: una relación agotada // *Revista Mexicana de Sociología*. – 1997 – No. 59 – C. 41-74
30. Dussel Peters, E., Kim, K. S. De la liberalizacion commercial a la integracion economica: el caso de Mexico // *Investigación Económica*. – 1992 – No. 51 – C. 141-198
31. Economic Indicators 2020 [Электронный ресурс]. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Режим доступа: <https://en.economy.gov.ru/material/activities/macroeconomics/> (дата обращения: 5.8.2024)
32. Exports and Imports of Goods and Services (% of the GDP) 2019 [Электронный ресурс]. World Bank. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> (дата обращения: 2.6.2024)
33. Firzli, J. Country Risk: Asia Trading Places with the West // *Euromoney Country Risk*. 2012.
34. Fossedal, G.; Mikhail, B. A Modest Magician: Will Clayton and the Rebuilding of Europe // *Foreign Affairs*. – 1997 – No. 76 – C. 195
35. Friedman, M. Capitalism and Freedom. University of Chicago Press. Chicago, 2002
36. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man. Free Press. New York, 1992
37. Fung, A. Reinventing Democracy in Latin America // *Perspectives on Politics*. – 2011 – No. 4 – C. 857
38. Garriga, A. C., Duarte Ortiz, H. Delegación de autoridad para emitir decretos: instrumentos para comparar su amplitud y análisis de casos latinoamericanos // *Política y Gobierno*. – 2014 – No. 21 – C. 201-232
39. Gastil J. Political Communication and Deliberation. Sage Publishing. Newbury Park, 2008.
40. Gimbel, J. The Origins of the Marshall Plan // *Reviews in American History*. – 1977 – No. 2. C. 292

41. GINI Index 2020 [Электронный ресурс]. World Bank Estimate 2020. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения: 6.7.2024)
42. Gómez-Mera, L., Ramos, G. La complejidad del regimen internacional y la gobernanza regional: evidencia de Latinoamerica // Foro Internacional. – 2015 – No. 55 – С. 503-539
43. Hadjiisky, M.; Pal, L.; Walker, C. Public Policy Transfer: Micro-Dynamics and Macro-Effects Edward Elgar Publishing. Cheltenham, 2017
44. Hernández Rodríguez, R., Celorio Morayta, G., Mabire, B. La persistencia de una idea – El nacionalismo rovolucionario, del PRI a Lopez Obrador // Foro Internacional. – 2020 – No. 60 – С. 501-536
45. Heurlin, C. Authoritarian Aid and Regime Durability: Soviet Aid to the Developing World and Donor–Recipient Institutional Complementarity and Capacity // International Studies Quarterly. – 2020 – No. 4. С. 968
46. Huerta González, A. Consideraciones al tratado Norteamericano de Libre Comercio // Investigación Económica. – 1991 – No. 50 – С. 327-368
47. Human Development Report 2020 [Электронный ресурс]. United Nations Development Program (UNDP). Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking> (дата обращения: 12.7.2024)
48. IMF Data 2020 [Электронный ресурс]. International Monetary Fund (IMF) Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (дата обращения: 2.11.2024)
49. Indicadores Generales 2020 [Электронный ресурс]. Secretaría de Economía (México). Режим доступа: <https://www.cefp.gob.mx/indicadores/gaceta/2020/iescefp0202020.pdf> (дата обращения: 5.3.2024)
50. International Reserves of the Russian Federation Database 2020 [Электронный ресурс]. Bank of Russia. Режим доступа: https://www.cbr.ru/eng/hd_base/mrrf/mrrf_7d/ (дата обращения: 4.10.2024)
51. Kan, J. El Modelo de integracion regional asociado a las reformas neoliberales: un analisis de las iniciativas regionales de los años noventa y de la coyuntura actual // Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales. – 2018 – No. 12 – С. 14-42

52. Kant, I. Perpetual Peace: A Philosophical Sketch. Hackett Publishing. Indianapolis, 2003
53. Khan, M. The new political economy of corruption in Development Policy in the Twenty-First Century. Routledge. Abingdon-on-Thames, 2001
54. Kunz, D. The Marshall Plan Reconsidered: A Complex of Motives // Foreign Affairs. - 1997. No. 76 – C. 162
55. Lee, J. Foreign Aid, Development, and US Strategic Interests in the Cold War // International Studies Quarterly. – 2022 – No. 1. C. 50
56. Loaeza, S. La iglesia y la democracia en México // Revista Mexicana de Sociología. – 1985 – No. 47 – C. 161-168
57. Marván Laborde, I. ¿Cómo votaron los diputados constituyentes de 1916-1917? // Política y Gobierno. – 2007 – No. 14 – C. 309-347
58. Meulbroek, C. Limits to the Washington Consensus: Boundary struggles and China's transition economy // Political Geography. – 2022. – No. 1 C. 23
59. Meyer, J. Una historia política de la religión en el México contemporáneo // Historia Mexicana. – 1993 – No. 42 – C. 711-744
60. Milward, A. The Reconstruction of Western Europe 1945-51 // Peace Research. – 1984 – No. 25 – C. 527
61. Municipal Register of Spain 2018 [Электронный ресурс]. National Statistics Institute (INE) (Spain). Режим доступа: https://www.ine.es/dyngs/INEbase/en/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254734710990 (дата обращения: 3.7.2024)
62. Natural gas proven reserves by country 2018 [Электронный ресурс]. Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). Режим доступа: https://asb.opec.org/data/ASB_Data.php (дата обращения: 2.8.2024)
63. Nay, O. Fragile and failed states: Critical perspectives on conceptual hybrids // International Political Science Review. – 2013 – No. 34 – C. 10
64. Negretoo, G. La reforma constitucional en México Apuntes para un debate futuro // Política y Gobierno. – 2006 – No. 13 – C. 361-392

65. Negretoo, G. La reforma politica en America Latina. Reglas electorales y distribucion de poder entre el Presidente y el Congreso // Desarrollo Económico. – 2010 – No. 50 – C. 197-221
66. New York City Budget 2020 [Электронный ресурс]. New York City Mayor's Office of Management and Budget (OMB). Режим доступа: <https://council.nyc.gov/budget/fy2020/> (дата обращения: 8.7.2024)
67. Official population estimation 2020 [Электронный ресурс]. National Institute of Statistics and Economic Studies (INSEE) (France). Режим доступа: <https://www.insee.fr/en/statistiques/2382597?sommaire=2382613> (дата обращения: 12.7.2024)
68. Orçamento das cidades 2018 [Электронный ресурс]. Ministério da Fazenda (MF) (Brasil). Режим доступа: <http://www.portaltransparencia.gov.br/orgaos-superiores/56000-ministerio-das-cidades> (дата обращения: 7.7.2024)
69. Overview by Country 2018 [Электронный ресурс]. Inter-American Development Bank. Режим доступа: https://publications.iadb.org/publications/english/document/InterAmerican_Development_Bank_Annual_Report_2018_The_Year_in_Review_en_en.pdf (дата обращения: 5.3.2024)
70. Paine, T. Common Sense in 1776: The Republics of Europe are all (and we may say always) in peace. Broadview Press. Peterborough, 2004
71. Pal, L. Frontiers of Governance: The OECD and Global Public Management Reform. Palgrave Macmillan. London, 2012
72. Parsons, D. Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis. Edward Elgar Publishing. Cheltenham, 1996
73. Peck, J. Fast Policy Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism. University of Minnesota Press. Minneapolis, 2015
74. Peck, J. Geographies of policy: From transfer-diffusion to mobility-mutation // Progress in Human Geography. – 2011 – No. 35 – C. 5
75. Pérez Sánchez, S. Educacion laica en el sistema educativo mexicano: entre la omision, la ambigüedad y el conflicto // Páginas de Educación. – 2012 – No. 5 – C. 15-17
76. Population Estimates 2020 [Электронный ресурс]. Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS). Режим доступа:

<https://egypt.opendataforafrica.org/data#source=CAPMAS> (дата обращения: 3.8.2024)

77. Presidential Address [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 24.02.2024)

78. Presidential Address to Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 21.02.2024)

79. Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 21.04.2024)

80. Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863> (дата обращения: 20.02.2024)

81. Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379> (дата обращения: 01.12.2024)

82. Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (дата обращения: 03.12.2024)

83. Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173> (дата обращения: 04.12.2024)

84. Presidential Address to the Federal Assembly [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968> (дата обращения: 05.11.2024)

85. Presidential Address to the Federal Assembly. [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа:

<http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 15.01.2024)

86. Presupuesto de Egresos de la Federación 2020 [Электронный ресурс]. Secretaría de Hacienda y Crédito Público (SAT). <https://www.ppef.hacienda.gob.mx/> (дата обращения: 7.2.2024).

87. Presupuestos Generales del Estado (PGE) 2020 [Электронный ресурс]. Ministerio de Economía y Competitividad (MEC). Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2020-17339> (дата обращения: 16.7.2024)

88. Public Law 80-472 (1948) Economic Cooperation Act of 1948. Режим доступа: <https://catalog.archives.gov/id/299857> (дата обращения: 20.12.2024)

89. Public Law 87-195 (1961) The Foreign Assistance Act of 1961. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1071/pdf/COMPS-1071.pdf> (дата обращения: 20.12.2024)

90. Região Metropolitana de São Paulo 2020 [Электронный ресурс]. Empresa Paulista de Planejamento Metropolitano (EMPLASA). Режим доступа: https://www.pdui.sp.gov.br/rmsp/?page_id=56 (дата обращения: 8.7.2024)

91. Rodrick, D. Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? A Review of the World Bank's Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform // Journal of Economic Literature. – 2006. – No. 4. С. 973

92. Rousseau, I. México: ¿Una revolución silenciosa? Élités gubernamentales y proyecto de modernización (1970-1995) // El Colegio de Mexico. – 2001 – No. 2 – С. 41-78

93. Ruiz Pérez, A. Los factores internos de la política exterior mexicana: Los sexenios de Carlos Salinas y Vicente Fox // Foro Internacional. – 2011 – No. 51 – С. 304-335

94. Slater, D.; Wong, J. From Development to Democracy: The Transformations of Modern Asia. Princeton University Press. Princeton, 2022

95. Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy [Электронный ресурс]. President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10.02.2024)

96. Spence, M. Some Thoughts on the Washington Consensus and Subsequent Global Development Experience // Journal of Economic Perspectives. – 2021 – No. 3. С. 67
97. Statistical Database 2020 [Электронный ресурс]. National Bureau of Statistics of China. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 12.7.2024)
98. Stiglitz, E. Economic Foundations of Intellectual Property Rights // Duke Law. – 2008. No. 57 – С. 1693
99. Stiglitz, J. The Post Washington Consensus Consensus // The Initiative for Policy Dialogue. 2013
100. Stiglitz, J. The Ruin of Russia. The Guardian. London, 2003. Stiglitz, J. The Ruin of Russia. The Guardian. London, 2003
101. Stiglitz, J. Vol. 10, No. 1, SUMMER / FALL 2002. Brown Journal of International Affairs, Providence, 2002
102. Stone, D. Transfer agents and global networks in the ‘transnationalization’ of policy // European Public Policy. – 2004 – No. 11 – С. 545
103. Sundaram, J.; Reinert, E. A Global Marshall Plan. Project Syndicate. New York, 2015
104. Sundaram, J.; Reinert, E. The Origins of Development Economics: How Schools of Economic Thought Have Addressed Development. Zed Books. London, 2005
105. Transcript of the speech of former US President Barack Obama on the Washington Consensus at the Baker’s Institute’s 25th Anniversary [Электронный ресурс]. <https://www.bakerinstitute.org/events/1980/> (дата обращения: 12.7.2020)
106. Tumlir, J. and La Haye, L. The Two Attempts at European Economic Reconstruction After 1945 // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 1981 – No. 3. С. 367
107. Ulloa, B. Historia de la Revolución Mexicana, período 1914-1917: La Constitución de 1917 // El Colegio de Mexico. – 1983 – No. 4 – С. 493-538
108. United Nations World Statistics Pocketbook 2016 [Электронный ресурс]. Department of Economic and Social Affairs (SDUN). Режим доступа:

<https://unstats.un.org/unsd/publications/pocketbook/files/world-stats-pocketbook-2016.pdf> (дата обращения: 5.3.2024)

109. Villegas Montiel, F. G. Cambio constitucional en México durante el sexenio de carlos Salinas de Gortari // Foro Internacional. – 1996 – No. 36 – С. 158-187

110. Williamson, J. The Strange History of the Washington Consensus // Post Keynesian Economics. – 2004 – No. 27 – С. 195

111. Williamson, J. The Washington Consensus and Beyond // Economic and Political Weekly. – 2003. – No. 15. С. 1475

112. Williamson, J. What Washington Means by Policy Reform. Peterson Institute for International Economics. Washington D.C., 1989.

113. Woods, R. Population Studies // Progress in Human Geography. – 1986 – No. 10 – С. 211

114. Woods, R. The Dynamics of Incrementalism: Subsystems, Politics, and Public Lands // Policy Studies. – 2006 – No. 34 – С. 1

115. World Economic Outlook Database 2020 [Электронный ресурс]. International Monetary Fund (IMF). Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (дата обращения: 1.3.2024)

116. Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracy? Foreign Policy Magazine. Washington, D.C., 1997.

117. Бюджеты субъектов Российской Федерации 2020 [Электронный ресурс]. Министерство финансов Российской Федерации. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/analysis/ (дата обращения: 2.2.2024)

118. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 12.7.2024)

119. Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 439-ФЗ О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://council.gov.ru/structure/council/formation_order/ (дата обращения: 12.7.2024)

120. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 5.8.2024)

Приложение

Субъект Федерации	Население		ВВП ППС		ИЧР
	*		**		
01. Республика Адыгея	0.447	0.309%	108.4	0.127%	0.799
02. Республика Башкортостан	4.104	2.804%	1673.7	1.969%	0.832
03. Республика Бурятия	0.981	0.678%	226.1	0.266%	0.796
04. Республика Алтай	0.202	0.139%	50.6	0.059%	0.777
05. Республика Дагестан	2.576	0.782%	625.1	0.735%	0.802
06. Республика Ингушетия	0.467	0.323%	55.5	0.065%	0.790
07. Кабардино-Балкарская Р.	0.901	0.623%	145.7	0.171%	0.795
08. Республика Калмыкия	0.292	0.202%	73.7	0.086%	0.782
09. Карачаево-Черкесская Р.	0.439	0.303%	77.0	0.090%	0.785
10. Республика Карелия	0.716	0.495%	280.0	0.329%	0.819
11. Республика Коми	1.018	0.704%	665.7	0.783%	0.853
12. Республика Марий Эл	0.727	0.503%	177.7	0.209%	0.810
13. Республика Мордовия	0.888	0.614%	227.3	0.267%	0.796
14. Республика Саха	0.949	0.656%	1084.6	1.276%	0.844
15. Р. Северная Осетия-Алания	0.710	0.491%	130.0	0.152%	0.817
16. Республика Татарстан	3.799	2.615%	2469.2	2.905%	0.864
17. Республика Тыва	0.305	0.211%	68.8	0.080%	0.750
18. Удмуртская Республика	1.570	1.086%	631.1	0.742%	0.828
19. Республика Хакасия	0.546	0.377%	235.3	0.276%	0.814
20. Чеченская Республика	1.103	0.763%	193.1	0.227%	0.765
21. Чувашская Республика	1.313	0.908%	297.8	0.350%	0.812
22. Алтайский край	2.607	1.804%	550.0	0.647%	0.805
23. Краснодарский край	5.125	3.546%	2344.6	2.759%	0.831
24. Красноярский край	2.966	2.052%	2280.0	2.683%	0.854
25. Приморский край	2.701	1.869%	834.0	0.981%	0.814
26. Ставропольский край	2.735	1.892%	715.5	0.841%	0.797
27. Хабаровский край	1.436	0.993%	710.6	0.836%	0.816
28. Амурская область	0.902	0.624%	301.1	0.354%	0.803
29. Архангельская область	1.336	0.924%	514.0	0.604%	0.836
30. Астраханская область	1.005	0.695%	553.4	0.651%	0.812
31. Белгородская область	1.511	1.045%	866.0	1.019%	0.866
32. Брянская область	1.378	0.953%	328.8	0.386%	0.798
33. Владимирская область	1.523	1.053%	440.5	0.518%	0.800

34. Волгоградская Область	2.699	1.867%	852.0	1.002%	0.822
35. Вологодская область	1.269	0.878%	582.6	0.685%	0.818
36. Воронежская область	2.378	1.645%	943.6	1.110%	0.813
37. Ивановская область	1.148	0.794%	197.8	0.232%	0.778
38. Иркутская область	2.581	1.786%	1392.9	1.639%	0.822
39. Калининградская область	0.955	0.660%	460.9	0.542%	0.821
40. Калужская область	1.041	0.720%	466.0	0.548%	0.820
41. Камчатский край	0.358	0.247%	236.5	0.278%	0.812
42. Кемеровская область	2.899	2.006%	1241.6	1.461%	0.825
43. Кировская область	1.503	1.040%	332.6	0.391%	0.808
44. Костромская область	0.736	0.509%	180.3	0.212%	0.806
45. Курганская область	1.019	0.705%	213.0	0.250%	0.809
46. Курская область	1.235	0.854%	428.4	0.504%	0.839
47. Ленинградская область	1.669	1.155%	1104.4	1.299%	0.809
48. Липецкая область	1.213	0.839%	580.5	0.683%	0.833
49. Магаданская область	0.182	0.125%	170.7	0.200%	0.839
50. Московская область	6.618	4.579%	4201.8	4.944%	0.820
51. Мурманская область	0.892	0.617%	482.5	0.567%	0.831
52. Нижегородская Область	3.524	2.438%	1367.5	1.609%	0.820
53. Новгородская область	0.694	0.480%	262.0	0.308%	0.808
54. Новосибирская область	2.692	1.862%	1252.3	1.473%	0.830
55. Омская область	2.079	1.438%	681.6	0.802%	0.840
56. Оренбургская область	2.179	1.507%	1000.6	1.177%	0.842
57. Орловская область	0.860	0.595%	230.7	0.271%	0.823
58. Пензенская область	1.452	1.004%	400.5	0.471%	0.802
59. Пермский край	2.819	1.950%	1318.5	1.551%	0.827
60. Псковская область	0.760	0.525%	164.2	0.193%	0.781
61. Ростовская область	4.404	3.047%	1446.2	1.701%	0.816
62. Рязанская область	1.227	0.849%	383.1	0.450%	0.811
63. Самарская область	3.239	2.241%	1510.5	1.777%	0.827
64. Саратовская область	2.668	1.846%	712.5	0.838%	0.824
65. Сахалинская область	0.546	0.377%	1179.7	1.388%	0.871
66. Свердловская область	4.486	3.104%	2277.6	2.680%	0.842
67. Смоленская область	1.049	0.725%	312.9	0.368%	0.804
68. Тамбовская Область	1.178	0.815%	331.6	0.390%	0.806

69. Тверская область	1.471	1.017%	441.7	0.519%	0.797
70. Томская область	1.046	0.723%	579.4	0.681%	0.852
71. Тульская Область	1.675	1.159%	636.1	0.748%	0.802
72. Тюменская область	3.264	2.258%	1259.4	1.482%	0.887
73. Ульяновская область	1.382	0.956%	347.9	0.409%	0.811
74. Челябинская область	3.603	2.493%	1473.7	1.734%	0.831
75. Забайкальский Край	1.155	0.799%	326.9	0.384%	0.790
76. Yaroslavl Oblast	1.367	0.946%	560.6	0.659%	0.828
77. Москва	10.382	7.184%	17881.5	21.042%	0.931
78. Санкт-Петербург	4.662	3.226%	4193.5	4.934%	0.887
79. Еврейская автономная о.	0.190	0.131%	55.8	0.065%	0.786
80. Ненецкий автономный о.	0.041	0.028%	305.2	0.359%	0.836
81. Ханты–Мансийский а. о.	1.432	0.991%	4447.5	5.233%	0.887
82. Чукотский автономный о.	0.053	0.036%	78.1	0.091%	0.798
83. Ямало-Ненецкий а. о.	0.507	0.350%	3083.5	3.628%	0.887
84. Республика Крым	1.966	1.360%	391.3	0.460%	0.758
85. Севастополь	0.379	0.262%	79.3	0.093%	0.758

A1 реф. диаграммы (2.3.1) (2.3.2) (2.3.3)

Источники: Росстат; МВФ; Минфин России; ПРООН.

Миллионы людей* Тысячи долларов**

Субъект Федерации	Население		ВВП ППС		ИЧР
	*		**		
01. Агуаскальентес	1.405	1.3%	31.512	1.167%	0.798
02. Нижняя Калифорния	3.633	3.2%	77.568	3.018%	0.803
03. Нижняя Калифорния Юг	0.810	1.0%	24.240	0.673%	0.811
04. Кампече	0.935	3.0%	72.720	0.776%	0.749
05. Чиapas	5.507	1.5%	5.507	4.576%	0.700
06. Чихуахуа	3.556	3.2%	77.568	2.954%	0.793
07. Мехико	8.918	17.7%	429.048	7.410%	0.885
08. Коауила	2.954	3.4%	82.416	2.454%	0.800
09. Колима	0.711	0.6%	14.544	0.590%	0.783
10. Дуранго	1.754	1.1%	26.664	1.457%	0.775
11. Гуанахуато	5.853	4.0%	96.960	4.863%	0.757
12. Герреро	3.533	1.4%	33.936	2.935%	0.708
13. Идальго	2.858	1.6%	38.784	2.374%	0.761
14. Халиско	7.844	6.8%	164.832	6.518%	0.788
15. Мексика	16.187	9.1%	220.584	13.451%	0.782
16. Мичоакан	4.584	2.4%	58.176	3.809%	0.700
17. Морелос	1.903	1.1%	26.664	1.581%	0.775
18. Наярит	1.181	0.7%	16.968	0.981%	0.785
19. Нуэво-Леон	5.119	7.5%	181.799	4.253%	0.808
20. Оахака	3.967	1.5%	36.36	3.296%	0.716
21. Пуэбла	6.168	3.4%	82.416	5.125%	0.742
22. Керетаро	2.038	2.3%	55.752	1.693%	0.790
23. Кинтана-Роо	1.501	1.6%	38.784	1.247%	0.781
24. Сан-Луис-Потоси	2.717	2.1%	50.904	2.257%	0.760
25. Синалоа	2.966	2.2%	53.328	2.464%	0.804
26. Сонора	2.850	3.3%	79.992	2.368%	0.806
27. Табаско	2.395	2.6%	63.024	1.990%	0.742
28. Тамаулипас	3.441	2.9%	70.295	2.859%	0.792
29. Тлахсала	1.272	0.6%	14.544	1.057%	0.770
30. Веракрус	8.112	4.5%	109.08	6.740%	0.744
31. Юкатан	2.097	1.5%	36.36	1.742%	0.739
32. Сакатекас	1.579	0.9%	21.816	1.312%	0.720

А2реф. диаграммы (2.3.1) (2.3.2) (2.3.3)
Источники: INEGI; МВФ; SAT; ПРООН.
Миллионы людей* Тысячи долларов**

ИЧР	Субъект Федерации	
0.700 - 0.724	-	-

0.725 - 0.749	-	-
---------------	---	---

0.750 - 0.774	01. Республика Тыва	02. Чеченская Республика
	03. Республика Крым	04. Севастополь

0.775 - 0.799	01. Республика Адыгея	02. Республика Бурятия
	03. Республика Алтай	04. Республика Дагестан
	05. Республика Ингушетия	06. Кабардино-Балкарская Р.
	07. Карачаево-Черкесская Р.	08. Республика Марий Эл
	09. Ставропольский край	10. Брянская область
	11. Ивановская область	12. Псковская область
	13. Тверская область	14. Забайкальский Край
	15. Еврейская автономная о.	16. Чукотский автономный о.

0.800 - 0.824	01. Республика Карелия	02. Республика Мордовия
	03. Р. Северная Осетия-Алания	04. Республика Хакасия
	05. Чувашская Республика	06. Алтайский край
	07. Приморский край	08. Хабаровский край
	09. Амурская область	10. Астраханская область
	11. Владимирская область	12. Volgograd Oblast
	13. Вологодская область	14. Воронежская область
	15. Иркутская область	16. Калининградская область
	17. Калужская область	18. Камчатский край
	19. Кировская область	20. Костромская область
	21. Курганская область	22. Ленинградская область
	23. Московская область	24. Нижегородская Область
	25. Новгородская область	26. Орловская область
	27. Пензенская область	28. Ростовская область
	29. Рязанская область	30. Саратовская область
	31. Смоленская область	32. Тамбовская Область
	33. Тульская Область	34. Ульяновская область

0.825 - 0.849	01. Республика Башкортостан	02. Республика Саха
	03. Удмуртская Республика	04. Краснодарский край
	05. Архангельская область	06. Кемеровская область
	07. Курская область	08. Липецкая область
	09. Магаданская область	10. Мурманская область
	11. Новосибирская область	12. Омская область
	13. Оренбургская область	14. Пермский край
	15. Самарская область	16. Свердловская область
	17. Челябинская область	18. Ярославская область
	19. Ненецкий автономный о.	-

0.850 - 0.874	01. Республика Коми	02. Republic of Tatarstan
	03. Krasnoyarsk Krai	04. Белгородская область
	05. Сахалинская область	06. Tomsk Oblast

0.875 - 0.899	01. Тюменская область	02. Санкт-Петербург
	03. Ханты–Мансийский а. о.	04. Ямало-Ненецкий а. о.

0.900 - 0.924	-	-
---------------	---	---

0.925 - 0.950	0.1 Москва	-
---------------	------------	---

А4 реф. диаграммы (2.3.1) (2.3.2) (2.3.3)
Источники: INEGI; Росстат; МВФ; ПРООН.

ИЧР	Субъект Федерации	
0.700 - 0.724	01. Чиापас	02. Герреро
	03. Мичоакан	04. Оахака
	05. Сакатекас	-
0.725 - 0.749	01. Кампече	02. Пуэбла
	03. Tabasco	04. Веракрус
	05. Юкатан	-
0.750 - 0.774	01. Гуанахуато	02. Идальго
	03. Сан-Луис-Потоси	04. Тласкала
0.775 - 0.799	01. Агуаскальентес	02. Чихуахуа
	03. Колима	04. Дуранго
	05. Халиско	06. Мексика
	07. Морелос.	08. Найрит
	09. Керетаро	10. Тамаулипас
	11. Кинтана-Роо	-
0.800 - 0.824	01. Нижняя Калифорния	02. Нижняя Калифорния Юг
	03. Коауила	04. Нуэво-Леон
	05. Синалоа	06. Сонора
0.825 - 0.849	-	-
0.850 - 0.874	-	-
0.875 - 0.899	01. Мехико	-
0.900 - 0.924	-	-
0.925 - 0.949	-	-

А4 реф. диаграммы (2.3.1) (2.3.2) (2.3.3)
Источники: INEGI; МВФ; ПРООН.

ФО / регионы	Админ. центр	Население	Кол-во субъекты	ВВП ППС
		*		**
Центральный	Москва	38.438	18	448
Сев.-Западный	Санкт-Петербург	13.583	11	140
Южный	Ростов-на-Дону	16.141	8	92
Сев.-Кавказский	Пятигорск	9.496	7	32
Приволжский	Нижний Новгород	29.900	14	189
Уральский	Екатеринбург	12.082	6	183
Сибирский	Новосибирск	17.178	10	133
Дальневосточный	Владивосток	8.371	11	66

Северо-запад	-	14.259	6	50.909
Северо-восток	-	10.976	3	50.181
Запад	-	13.735	4	38.181
Восток	-	17.256	4	36.727
Центр-север	-	11.572	5	38.545
Центр-юг	-	25.803	3	101.45
Юго-запад	-	11.985	3	16
Юго-восток	-	6.34	4	31.636

А5 реф. диаграммы (2.3.1) (2.3.2) (2.3.3)
Источники: Росстат; МВФ; ПРООН.

Год	ВВП	Население	ВВП ндн
	***	*	****
1991	0.790	85.1	9.283
1992	0.837	87.08	9.611
1993	0.880	88.63	9.928
1994	0.944	90.16	10.470
1995	0.903	91.66	9.851
1996	0.982	93.15	10.542
1997	1.067	94.61	11.277
1998	1.135	96.06	11.815
1999	1.183	97.48	12.135
2000	1.269	98.9	12.831
2001	1.292	100.3	12.881
2002	1.311	101.7	12.890
2003	1.355	103.1	13.142
2004	1.446	104.5	13.837
2005	1.526	106	14.396
2006	1.643	107.6	15.296
2007	1.725	109.2	15.796
2008	1.779	110.8	10.055
2009	1.698	112.5	15.093
2010	1.806	114.1	15.828
2011	1.911	115.7	16.516
2012	2.018	117.3	17.203
2013	2.082	118.8	17.525
2014	2.180	120.4	18.106
2015	2.275	121.9	18.662
2016	2.365	123.3	19.180
2017	2.461	124.8	19.719
2018	2.572	126.2	20.380
2019	2.616	128.5	20.357
2020	2.458	129.4	18.995

Год	ВВП	Население	ВВП ндн
	***	*	****
1991	1.429	148.6	9.616
1992	1.427	148.7	9.596
1993	1.425	148.5	9.595
1994	1.422	148.3	9.588
1995	1.392	148.4	9.380
1996	1.367	148.2	9.224
1997	1.410	147.9	9.533
1998	1.349	147.7	9.133
1999	1.456	147.2	9.891
2000	1.638	146.6	11.173
2001	1.759	146	12.047
2002	1.871	145.3	12.876
2003	2.046	144.6	14.149
2004	2.252	144.1	15.628
2005	2.471	143.5	17.219
2006	2.753	143	19.251
2007	3.068	142.8	21.484
2008	3.292	142.7	23.069
2009	3.058	142.8	21.414
2010	3.233	142.8	22.640
2011	3.467	143	24.244
2012	3.665	143.2	25.593
2013	3.796	143.5	26.452
2014	3.894	143.8	27.079
2015	3.857	144.1	26.766
2016	3.908	144.3	27.082
2017	4.053	144.5	28.048
2018	4.257	144.5	29.460
2019	4.389	146.7	29.918
2020	4.176	145.93	28.616

А6 реф. диаграммы (2.4.1) (2.4.2) (2.4.3)

Источники: ПРООН; Источники: Всемирный банк.

Миллионы людей* Тысячи долларов*** Тысячи долларов****